

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Ж. К. КАСЫМБАЕВ

ГОРОДА
ВОСТОЧНОГО
КАЗАХСТАНА
В 1861—1917 гг.
(социально-экономический аспект)

АЛМА-АТА

«ГЫЛЫМ»

1990

Касымбаев Ж. К. Города Восточного Казахстана в 1861—1917 г.: (социально-экономический аспект). — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 184 с.

Монография посвящена исследованию взаимосвязей городов региона с казахским кочевым и русским переселенческим крестьянским населением, а также со смежными районами и сопредельными странами во второй половине XIX — начале XX в. Преимущественное внимание уделено выявлению посреднических функций городских поселений и их роли в развитии торговых отношений в Восточном Казахстане. В работе показывается, что рост городов был обусловлен заинтересованностью России и кочевников-казахов в торговле, закономерностями и путями хозяйственного сближения, использованием царизмом этих форпостов в качестве средства для распространения своего политического влияния на казахов и другие соседние азиатские племена и народы.

Адресуется научным работникам, преподавателям и студентам исторических вузов, всем интересующимся историей городов Восточного Казахстана дооктябрьского периода.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Х. Л. АРГЫНБАЕВ

✓

✓

✓

К 0503020900—104
407(05)—90 1790

ISBN 5—628—00648—3

© Касымбаев Ж. К.,
1990

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к вопросам истории городов. Он обусловлен и стремлением людей знать свое прошлое, вычленив то общее и особенное, что есть в исторических судьбах каждого народа, и все набирающей темпы урбанизацией, проблемы которой невозможно решить без соответствующих исторических знаний. Понять особенности современных городов нельзя без конкретного анализа и научного обобщения истории их возникновения, становления, основных периодов развития.

Данная работа посвящена проблеме истории городов Восточного Казахстана (1861—1917 гг.), которые наряду с другими поселениями сыграли большую роль в укреплении социально-политических, хозяйственных и культурных взаимосвязей между различными административно-территориальными районами бывшей царской России.

Тщательное изучение истории городов Восточного Казахстана, отличавшихся значительным своеобразием, позволяет проследить закономерности расширения политических связей и хозяйственного сближения народов России и ее национальных окраин, выявить основные этапы колониальной политики царизма в Казахстане, пути распространения марксистско-ленинских идей и вовлечения казахских трудящихся в революционную борьбу за свое освобождение от колониального гнета и социального порабощения. Прежде всего следует выделить теоретические аспекты проблемы, обусловленные спецификой предмета изучения.

Вопросы взаимодействия городских поселений с сопредельными районами и странами — одна из **сложнейших**

проблем в истории городов изучаемого региона. Ведь процессы, происходившие в городах, непосредственно влияли на жизнь кочевого и русского крестьянского населения. Возникшие на территории казахской степи в пограничной зоне с **Синьцзяном** города входили в определенные отношения с аулом, переселенческими деревнями. Обработка животноводческого сырья, продовольственное снабжение городов, пригородных станиц, форштадтов были возможны благодаря хозяйственному разделению труда и взаимовыгодному обмену.

Определенным фактором в формировании социально-экономического облика городов Восточного Казахстана на протяжении двух веков была торговля. В этом плане актуально изучение истории городов как центров торговли, которая удовлетворяла потребности российского капитализма в рынках сбыта, приносила значительные доходы купечеству и казне, являлась источником существования для некоторой части горожан.

Этнодемографические процессы в городах — важный объект историко-статистического исследования. Выявление источников увеличения городского населения, его национальной, социальной, религиозной, семейно-брачной структуры, миграционных изменений, происшедших под влиянием административных и социально-политических нововведений в Казахстане в связи с добровольным присоединением его к России, во многом облегчит решение проблемы постоянного воздействия социально-экономических факторов на этнодемографические процессы в городах. Города Восточного Казахстана и отдельные поселения, вошедшие в круг нашего анализа, не были крупными населенными пунктами и в хозяйственном развитии не претерпели серьезных изменений вплоть до Октябрьской революции. Города позднего феодализма и начального этапа капиталистического развития являлись средоточием промышленности. Однако поселения городского типа в Восточном Казахстане не стали центрами промышленности, хотя в них и существовали предприятия по переработке животноводческого и другого сырья.

Порайонное изучение городов дает возможность наиболее полно выявить суть миграционных процессов, происходивших в них хозяйственных изменений. Целесообразность порайонного изучения истории отдельных стран была обоснована в статье В. И. Ленина «**Новые** данные о законах развития капитализма в **земледелии**». «...Громад-

ное разнообразие условий хозяйства в различных концах страны, — писал он, — все это вызывает безусловную необходимость отдельного рассмотрения главных районов, существенно неоднородных по своему экономическому положению»¹. Это в полной мере относится и к Казахстану.

Методологической основой для написания данной работы послужили труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Конкретное использование научного наследия способствует воссозданию объективной картины закономерностей расширения хозяйственных и других контактов между разноязычным населением России. В связи с этим в постановлении ЦК КПСС от 16 июля 1987 г. указывалось на необходимость «с последовательно марксистско-ленинских позиций вести изучение истории Казахской ССР, русско-казахских отношений...»².

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что «историю **человечества** всегда необходимо изучать и разрабатывать в связи с историей промышленности и обмена, центрами которых были города»³. Они рассматривали город как явление, возникшее в связи с развитием производительных сил общества, углублением общественного разделения труда, становлением классовых отношений.

Ленинские труды — это блестящий пример научного подхода к решению проблем истории национальных окраин. Научно-теоретическое наследие его содержит основополагающие суждения о роли и месте городов в хозяйственном и социальном преобразовании сельского окружения. В статье «Новейшие данные о партиях в Германии» В. И. Ленин писал, что «...города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»⁴.

Состояние научной разработки истории капиталистических городов в дооктябрьский период во многом определялось тем, что в середине XIX в. в исторической литературе утвердилось мнение об отсутствии положительной роли городов в развитии страны. Не случайно в дооктябрьский период не появилось ни одного крупного ис-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 135-136.

² Постановление ЦК КПСС «О работе казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» (июль 1987 г.) // Правда. 1987. 16 июля.

³ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 3. С. 28.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 341.

следования по городоведческой проблеме, в том числе и **проблемам** истории городов национальных окраин на Востоке Российской империи. Между тем далеко не все здесь было ясно. Так, еще Н. А. Добролюбов требовал, чтобы география объясняла, «...почему одни города стягивают к себе население и богатеют, а другие пустеют и теряют свое население»⁵. Примечателен в этом отношении отзыв В. И. Ленина на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки», в котором говорилось, что, «характеризуя капитализм, автор опустил вопрос о росте торгово-промышленного населения за счет земледельческого и о концентрации населения в крупных городах...»⁶.

В. И. Ленин здесь выделял два различных процесса: 1) развитие капитализма в старой, заселенной стране или части страны; 2) развитие капитализма на «новой земле». «Первый процесс выражает дальнейшее развитие сложившихся капиталистических отношений; второй — образование новых капиталистических отношений на новой территории»⁷.

Промышленный переворот в центральных губерниях почти не коснулся национальных окраин на Востоке страны, хотя огромные природные ресурсы и дешевый рынок сбыта товаров фабрично-заводской промышленности привлекали внимание русской буржуазии. В. И. Ленин в работе «Еще к вопросу о теории реализации» писал: «...Юг и Юго-Восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и **вширь**»⁸. (Здесь уместно напомнить, что В. И. Ленин в своих работах, опубликованных в дооктябрьский период, не отделял казахский край от Средней Азии. Мы полагаем, что под историко-географическими понятиями «Туркестан», «Средняя Азия» В. И. Ленин подразумевал и **Казахстан**).

Результатом развития капитализма «вширь» или на «новой земле» явилось хозяйственное освоение территории Казахстана и рост производительных сил в городах. Именно городские поселения, являясь административно-хозяйственными **центрами**, сыграли решающую роль в вовлечении края в систему хозяйственно-экономического развития **России**.

⁵ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 3. С. 435.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 41.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 563.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 86.

«Города, — писал В. И. Ленин, — растут вдвое быстрее, чем остальное население» и «нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии, и в Сибири, и т. д.»⁹. Он отмечал, что «чем больше был город, тем значительнее была роль пролетариата в **борьбе**»¹⁰. Верность этого положения была полностью подтверждена событиями 1905—1907 гг., имевшими место в Казахстане.

В нашем анализе мы исходили из методологических **требований** В. И. Ленина «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала **теперь**»¹¹. Ленинское положение о необходимости использовать соответствующие факты, проводить статистический анализ и обобщать сведения источников имеет практическую ценность в исследовании определенных исторических данных, особенно для изучения отдаленных периодов истории.

Объектом нашего исследования явились следующие города и поселения Восточного Казахстана: Семипалатинск (1718 г.), Усть-Каменогорск (1720 г.), Бухтарма (1761 г.), **Кокпекты** (1827 г.), Аягуз (1831 г.), Зайсан (1868 г.), многочисленные селения, форпосты. С давних времен Павлодар (1720 г.), Ямышевск (1716 г.), Железинск (1717 г.) были связаны с Восточным Казахстаном. Возникшие в первой четверти XVIII в. в условиях нарастания реальной угрозы со стороны **Джунгарского военно-феодалного государства**, они имели много общего с городами изучаемой территории, на различных этапах своего развития входили в одни и те же административно-территориальные управления. Это дало нам основание условно включить Павлодар, Ямышевск, **Железинск**, Каркаралинск в объект нашего исследования. Кроме того, в монографии приводятся сопоставительные данные и по некоторым городам Южного, Северного, Центрального Казахстана, а также Алтайского края и Юго-Западной Сибири.

Выбор городов Восточного Казахстана и некоторых поселений смежных районов обусловлен и тем, что они

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595.

¹⁰ Там же. Т. 30. С. 312—313.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

ВОЗНИКЛИ в ходе добровольного присоединения Казахстана к России, расположены в одной природно-географической среде, относились к одному «семейству» поселений, развивались как центры политических и социально-экономических взаимоотношений с кочевниками, русским оседлым населением, со Средней Азией, Китаем и Монголией.

Географически города изучаемого региона **расположены** в Юго-Западной Сибири. В течение двух веков административно-территориальные их управления переносились из одного района в другой: **Ямышевская, Усть-Каменогорская, Семипалатинская** и Бухтарминская крепости до 1783 г. входили в Сибирскую губернию, с 1783 г. — в Кольванозское наместничество, с 1797 г. — в Тобольскую губернию. В 1822 г. для удобства управления она была разделена на две губернии: Восточную с главным управлением в Иркутске и Западную (до 1839 г. центр ее находится в Тобольске, с 1839 г. — в Омске). **Северо-Восточный Казахстан** вошел в состав Омской области, а в 1839 г. причислен к Томской губернии, в которой находился до 1854 г., т. е. до тех пор, пока не была образована новая административная единица — **Семипалатинская область**, куда вошли города Зайсан, **Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Кокпекты** (а также 46 редутов, станиц, **форпостов**). Аягуз в 1866 г. был отнесен к Семиреческой области, **Бухтарминск** — к Змеиногорскому уезду Томской губернии.

Иначе говоря, до первой половины XIX в. города Восточного Казахстана управлялись администрацией **Западной Сибири**. Ныне в соответствии с современным административным делением города рассматриваемого региона и те, которые условно включены в объект исследования, находятся в составе пяти областей Советского Казахстана; **Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Павлодарской, Талды-Курганской, Карагандинской**.

Проблема истории городов Восточного Казахстана как центров социально-экономических и политических **взаимоотношений** второй половины XIX и **нач. XX** вв. не нашла должного отражения в работах как **дореволюционных**, так и **советских** исследователей. В статьях и других публикациях русской дворянско-буржуазной **историографии** встречаются лишь **сведения** эпизодического характера по вопросам становления и расширения **хозяйствен но-**

политических функций городских поселений Восточного Казахстана и смежных территорий.

Разбор трудов дореволюционных авторов затрудняется из-за отсутствия в них системности, **значительного** расхождения по поводу **русско-казахских** отношений с **современными** взглядами. Дореволюционные авторы в подавляющем большинстве отражали официальную позицию в интересующем нас вопросе, оправдывали колонизаторскую политику царизма в Казахстане, искажали административно-политические и другие нововведения в городах.

Рассмотрим теперь общие подходы к данной теме в трудах таких исследователей, как **Я. Альфонс, Н. Абрамов, Б. Герасимов, П. А. Слопцов, И. Завалишин** и др.¹² В них немало ценных материалов по истории становления и развития городских поселений изучаемого района, о развитии русско-казахских отношений. Эти публикации носили в основном информационный характер.

Северо-Восточный Казахстан географически расположен в Юго-Западной Сибири и, как было отмечено выше, в процессе длительного времени в административном отношении входил в состав территориальных управлений Сибири, поэтому, естественно, что авторы, изучавшие Западную Сибирь, так или иначе рассматривали и города Восточного Казахстана, и поселения, зключенные в объект нашего исследования.

До Октябрьской революции почти во всех печатных изданиях по истории Юго-Западной Сибири содержался фактический материал об этнодемографических изменениях в городах, о состоянии хозяйственного их развития. В целом, на наш взгляд, без достаточного осмысления обширной дореволюционной историографии Сибири трудно уяснить некоторые особенности формирования социально-**экономического** облика городов прежде всего как центров хозяйственных взаимоотношений. В **работах** по истории отчетливо проявилась тенденция, характерная для исследователей казахстанского краеведения **досоветского периода** — **преднамеренное** умалчивание прогрессивности добровольного присоединения Казахстана к России и т. д.

Историки Сибири изучали город в отрыве от **социально-экономического** развития страны. В их работах

¹² Ссылки на работы названных и других дореволюционных авторов приведены на соответствующих страницах книги.

преувеличена отсталость местных городов, якобы не сумевших занять сколько-нибудь значительного места в жизни страны. Авторы либерально-буржуазного направления М. И. Боголепов, Г. Н. Потанин, А. И. Мелких недостаточно оценивали роль Сибири и Казахстана в социально-экономическом развитии региона.

С марксистских позиций история городов стала изучаться лишь после Октябрьской революции. За это время был создан ряд капитальных трудов по истории городов нашей страны¹³. Видное место в городоведческой литературе занимают коллективные труды «Города Подмосковья», «Русский город»¹⁴.

Вместе с тем, история городов Казахстана, имевшая свои особенности, не стала объектом всестороннего исследования, хотя наши исследователи не могли обойти ее совсем. Монографическое исследование казахстанского городоведения представлено в трудах Э. И. Герасимовой, С. О. Джусупбекова, Б. Досанова, А. Ф. Дубицкого. Заметный вклад в изучение истории городов Казахстана внес А. С. Елагин, под редакцией которого было налажено издание истории ряда крупных городов республики¹⁵.

Отдельные моменты изучаемой проблемы косвенно затрагивались в монографиях советских авторов по истории дореволюционного Казахстана, Сибири и Джунгарии, в которых отмечена роль городов в расширении политических, хозяйственных и этнодемографических связей с Западной Сибирью, Алтаем, Монголией и Цинской империей¹⁶.

¹³ История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Киев, 1967—1979; История Москвы: В 6 т. М., 1952—1959; Города Сибири: Экономика, управление и культура городов досоветского периода. Новосибирск, 1974; Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978; Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе, 1975; История Самарканда. Ташкент, 1970. Т. 1; Историй Коканда; Ташкент, 1984; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958; Города феодальной России. М., 1966 и др.

¹⁴ Русский город: В 5 кн. Т. 1—3. М., 1979—1981; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

¹⁵ Герасимова Э. И. Уральск. Исторический очерк (1613—1917 гг.) Алма-Ата, 1969; Джусупбеков С. Город Верный: (страницы истории). Алма-Ата, 1980; Досанов Б. Целиноград. Алма-Ата, 1971; Дубицкий А. Ф. Город на Ишиме. Алма-Ата, 1986; Семипалатинск: История городов Казахстана. Алма-Ата, 1984; Петропавловск: История городов Казахстана. Алма-Ата, 1985.

¹⁶ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. Москва, 1979; Сладковский М. И.

В монографии Е. Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России» при анализе хозяйственных последствий добровольного вхождения Казахстана в состав России рассматривался вопрос о развитии городов Казахстана, в том числе некоторых поселений Восточных его территорий¹⁷. Общая характеристика хозяйственной жизни города, в том числе торгово-экономической, дана в монографиях Ц. Л. Фридмана, Х. З. Зияева, А. Сабырханова¹⁸.

Сведения о создании и деятельности подпольных революционных кружков и классовой борьбе в городах в начале XX в. содержатся в исследованиях М. Х. Асылбекова, Б. С. Сулейменова, П. М. Пахмурного, Ф. М. Маликова, К. Н. Нурпенсова и др.¹⁹, в которых вопросы истории городов как центров социально-политических и хозяйственных взаимоотношений нашли лишь косвенное отражение. Вопросы политических и хозяйственных связей Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана, некоторые моменты развития Усть-Каменогорска, Ямышевска, Семипалатинска, Бухтармы и других поселений в первой половине XIX в. рассмотрены в книге Р. М. Кабо, отношение к которой мы выразили в одной из своих публикаций²⁰. Роль и значение верхнеиртышских городов в развитии казахских торговых отношений изучены И. Е. Еро-

История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974; Кузнецов В. Цинская империя на рубеже Центральной Азии. Новосибирск, 1983; Хохлов А. Н. Внешняя торговля Китая с 90-х годов XVIII в. до 40-х годов XIX в. // Общество и государство в Китае. М., 1978; Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.

¹⁷ Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 215.

¹⁸ Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1974; Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. Ташкент, 1983; Сабырханов А. Великий поворот. Алма-Ата, 1981 (на каз. яз.)

¹⁹ Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана в первой русской революции. Алма-Ата, 1965; Сулейменов Б. С. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах. Алма-Ата, 1977; Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в революции 1905—1907 годов. Алма-Ата, 1976; Маликов Ф. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. Алма-Ата, 1973; Нурпенсов К. Н. Становление Советов в Казахстане. Алма-Ата, 1987.

²⁰ Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986. С. 8.

Феевой²¹. Демографические аспекты в казахстанском городоведении косвенным образом были отражены в публикациях Н. В. Алексеенко, И. П. Орлянского, Н. Н. Ляпуновой, А. И. Петровой и др.²².

Вопросы истории городов рассматривались также в научно-популярных изданиях. Как правило, подобные публикации знакомят читателей с важнейшими событиями того или иного города с момента их возникновения до наших дней. В основном в них изучается советский период.

Как справедливо отмечал исследователь истории городов П. Г. Рындзюнский, в трудах краеведов приводятся данные о развитии промышленности и торговли, росте населения. Обязательным элементом таких публикаций являются перечень городских учреждений, описания внешнего облика города, сведения об общественном и революционном движении, о достижениях в области науки, искусства, литературы²³. Посвященные юбилейным датам научно-популярные брошюры не ставят задачу всеохватного решения сложных теоретических вопросов и имеют общий недостаток: они переоценивают значение местных условий в становлении и развитии городов. Так, к подобного рода работам относятся книги Н. В. Алексеенко «Усть-Каменогорску — 250 лет» (выпущена в 1970 г. по случаю 250-летия юбилея города), «Бухтарминские были», в которой описаны некоторые занимательные факты из истории казахстанского Алтая, носящие научно-популярный характер. В первой событиям революционного периода отведено скромное место, во второй не дан анализ торгово-экономических, этнодемографических явлений²⁴.

²¹ Ерофеева И. В. Значение Верхнеиртышских городов в торгово-экономическом освоении Казахстана и Юго-Западной Сибири в XVIII — середине XIX вв. // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1987.

²² Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана: (численность, размещение, состав, 1870—1914 гг.). Алма-Ата, 1981; Орлянский И. П. Динамика численности и состава городского населения Степного Казахстана (1897—1914 гг.) // Исторические науки (межвузовский темсборник) Минпроса КазССР. Алма-Ата, 1974. Вып. 1; Ляпунова Н. Н. Динамика численности городского населения Степного Казахстана (1880—1917 гг.) // Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана. Алма-Ата, 1985; Петрова А. И. Региональные особенности формирования населений городов Казахстана (60—70 гг. XIX в.). Там же.

²³ Рындзюнский П. Г. Изучение русских городов первой половины XIX в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 66.

²⁴ Алексеенко Н. В. Бухтарминские были. Алма-Ата, 1981.

Во второй половине 50-х годов Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахстана было развернуто многоаспектное историко-этнографическое исследование ряда районов Казахстана, в том числе и восточных. К таким исследованиям, отличающимся содержательностью и обоснованностью, относится труд Х. А. Аргынбаева²⁵, в котором выявлены социальные факторы заметных перемен в этническом составе населения с середины XIX и до 1917 г. Это одна из немногих работ, посвященных изучению различных этапов заселения Восточного Казахстана, частично Казахстанского Прииртышья пришлым русским населением. Данному автору принадлежит приоритет в изучении форм ведения скотоводства, домашнего промысла коренного населения, особенностей материальной культуры казахов. Им детально рассмотрены вопросы влияния автохтонных жителей степи на хозяйство и культуру русско-украинского населения.

Отдельным вопросам истории социально-экономического, демографического развития городов изучаемого к смежного региона посвящены наши исследования²⁶.

²⁵ Аргынбаев Х. А. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — начале XX веков (по материалам Восточного Казахстана) // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата. 1959. Т. 6. С. 19—90.

²⁶ История городов Восточного Казахстана до 50-х гг. XIX в. рассмотрена в нашей монографии «Под надежную защиту России». Алма-Ата, 1986. Об истории городов второй половины XIX — нач. XX в. См.: Касымбаев Ж. К. Роль городов Восточного Казахстана в развитии торговых отношений в конце XIX века // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1976. № 5; Он же. Некоторые вопросы истории городов Казахстана в советской историографии // Основные направления научных исследований. Алма-Ата, 1978; Он же. Влияние социально-экономических факторов на демографические изменения в городах Восточного Казахстана в пореформенный период // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. Он же. О роли отходничества в расширении рынка наемного труда в Казахстане (вторая половина XIX в.) // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989; Он же. Роль городов Восточного Казахстана в укреплении торговых отношений с кочевым казахским и русским крестьянским населением в нач. XX в. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1979. № 6; Он же. Влияние социально-экономических факторов на пробуждение классового сознания трудового населения и революционная борьба в городах Восточного Казахстана (1900—1907 гг.) // Проблема русско-казахских взаимосвязей в XVIII — начале XX в. Алма-Ата, 1980. Он же. Зарождение и развитие промышленности в городах Восточного Казахстана в XIX веке // Известия АН КазССР. Серия обществ.

Таким образом, в литературе до последнего времени не рассматривался специально интересующий нас вопрос. Чем же можно объяснить бедность городоведческой литературы, отсутствие обобщающих монографий по пореформенному периоду? Прежде всего недооценкой роли отдельных торгово-экономических и административно-политических центров Российской империи; трудностью систематизации и разбросанностью как архивных, так и печатных первоисточников; недостаточностью квалифицированных специалистов по досоветскому периоду истории Казахстана.

Определенную роль казахстанская историография призвана сыграть в идеологическом противоборстве с буржуазными политологами, которые рассматривают историю освоения края в одностороннем аспекте, т. е. как колониальное завоевание, и искаженно отражают общность исторического развития казахского и русского на-

наук, 1981. № 6; Он же. Города Восточного Казахстана — центры русско-казахских торговых отношений в период завершения присоединения Казахстана к России // Вестник АН КазССР. 1981. № 10; Он же. Из истории развития городской промышленности Восточного Казахстана в нач. XX в.: (уровень развития, структура, влияние смежных районов // Социально-экономические, исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1981; Он же. Торговые связи России с Синьцзяном через Восточный Казахстан в конце XIX — нач. XX веков (по русским источникам) // Общество и государство в Китае. Тезисы докладов. М., 1982. Ч. 3; Он же. хозяйственные взаимосвязи городов Северо-Восточного Казахстана с русским крестьянским населением и казахским аулом (60—90-е гг. XIX в.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории России. М., 1982; Он же. О демографии городского населения Прииртышья во второй половине XIX века // Вестник АН КазССР. 1975. № 12; Он же. О торговых взаимосвязях городов Северо-Восточного Казахстана с русскими крестьянскими селениями и казахским аулом // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. Уфа, 1984; Он же. Политические и хозяйственные факторы заселения городов Северо-Восточного Казахстана казахами и другим тюркоязычным населением // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных стран. Омск, 1984; Он же. Торговля России с Цинским Китаем через города Восточного Казахстана (50—70-е гг. XIX в.) // Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады. М., 1986. Ч. 2; Он же. Промышленность и транспорт в городах Восточного Казахстана (нач. XX в.) // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1986. № 3; Он же. Семипалатинский таможенный округ в системе торговли России с империей Цин в 90-е годы XIX в. // Общество и государство в Китае. Тезисы докладов. М., 1987. Ч. 2; Он же. Итоги городского населения по переписи 1897 г. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук, 1988. № 4. и др.

рода в прошлом, субъективно освещают политические и хозяйственные функции городов.

Анализируя работы зарубежных авторов дореволюционного и нашего времени, мы пытались выделить в них рациональные моменты в их подходе к изучению указанной проблемы и в то же время подвергнуть анализу тенденциозные взгляды²⁷. Уместно по этому поводу вспомнить, что В. И. Ленин при использовании трудов буржуазных исследователей в области истории рекомендовал «уметь отсечь их реакционную тенденцию»²⁸.

Исходя из соответствующей литературы по интересующему нас вопросу, мы пытались дать комплексное решение проблемы истории городов Восточного Казахстана указанного периода.

²⁷ Saton-Watson. The Russian empire 1801—1917. Oxford, 1967; Stanley H. Patterns of growth in the Russian empire during the nineteenth century. Chicago, 1975; Raeff Marc. Siberia and the reforms 1822—1825. New-York, 1956; Raeff Marc. Imperial Russia 1682—1825. New-York, 1971; Demko G. The Russian colonisation of Kasachstan. 1916. Bloomington, 1969; William Elerow Curtis. Turkestan the heart of Asia. New-York, 1911; Skrine F. H. and Edward Denison Ross. The heart of Asia. London, 1899; Clifford M. Foust. Moscovity and mandarin: Russians trade with China and its setting. 1727—1805. North Carolina, 1969. Piece A. Russian Sentral Asia 1867—1917. California, 1953.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 363-364.

**Глава I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
ГОРОДОВ С КОЧЕВЫМ АУЛОМ,
РУССКИМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ
И СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ В XIX в.**

**ГОРОДА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА —
ЦЕНТРЫ РУССКО-КАЗАХСКОЙ ТОРГОВЛИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Добровольное вхождение Среднего жуза в состав многонациональной России имело большое значение для дальнейшего упрочения русско-казахских взаимоотношений. В степи постепенно складывались благоприятные условия для расширения тесных связей между кочевым казахским и русским земледельческим населением. Значительные посреднические функции в этом выполняли города Восточного Казахстана.

Определенную роль в усилении торгово-экономического значения **Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Ямышевской** и других крепостей в изучаемый период играли **официальные распоряжения** царских властей по поводу **установления** взаимовыгодных торговых связей с казахскими племенами Среднего жуза, кочевавшими близ сибирских пограничных линий. Известную заинтересованность царизма в этом можно объяснить его стремлением укрепить среди кочевников свое политическое влияние.

Из решений царского правительства, помимо его воли **способствовавших** укреплению доверия между русским населением и казахскими родами, можно выделить Указ императора Павла от 21 ноября 1799 г., разрешавший «пропуск средней киргиз-кайсацкой орды владения Аблайхана и Ходжи-мулла Кочина на сию (то есть левую — **Ж. К.**) сторону реки Иртыша»¹. Однако использование свободных земель для кочевки разрешалось далеко не всем, а только испытанным из них в **верности**»².

Стремясь получить права для кочевания на террито-

¹ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 156, л. 21.

² ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 81, д. 12, л. 48.

рии, находящейся под контролем царских властей, и наиболее полно реализовать возможности широкого сбыта в крепостях продукции скотоводческого хозяйства, отдельные казахские султаны выступили с инициативой о развитии двусторонних торговых связей. В этом отношении можно отметить усилия султана Алтыбай-Буранайманской волости Средней орды Худайменди, отправившего в Петербург сына Габдуллу с просьбой «...иметь позволение по иртышской линии из Ямышевской дистанции выпустать караваны с товарами»³.

Вопрос о выборе удобных пунктов торговли с казахами и другими среднеазиатскими народами в правительственных кругах обсуждался неоднократно. В начале XIX в. крупным центром азиатской торговли на Сибирской пограничной линии была избрана Бухтарминская крепость. Очевидно, решение правительства превратить Бухтарму в один из главных пунктов азиатской торговли было связано с ее близким расположением к городам Западного Китая, с которыми были налажены тесные связи еще во второй половине XVIII в. В архивах сохранились многочисленные свидетельства о приезде в Бухтарму китайских купцов⁴, хотя в решении Министерства коммерции по этому вопросу говорилось «об отсутствии торга... в Бухтарме, где пожелали китайцы учредить ярмарку»⁵. Предписывалось «...всячески распространять там (в Бухтарминском укреплении. — **Ж. К.**) торгу... поравнять сию таможеню с Оренбургской как привозом, так и отпуском и для того разрешить выпуск иностранной серебряной и золотой монеты»⁶.

Однако надежда царского правительства на превращение Бухтармы в основной пункт торговли с местным кочевым населением не оправдалась из-за отдаленности ее от населенных мест Томской губернии и иртышской линии, несмотря на почти десятилетнюю льготу, предоставленную купечеству правительством — освобождение от платежа таможенных пошлин за товары, провозимые через Бухтарминскую крепость⁷. В связи с этим необходимо

Там же, д. 37.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1071, л. 1, 1 об.

⁵ АВГО (Архив Всесоюзного географического общества), оп. 1, д. 7, л. 75 об.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 3 об.

⁷ Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1876. Вып. 4. С. 6.

было искать другие, наиболее выгодные в экономическом отношении центры торговли. Таким центром стала Семипалатинская крепость, расположенная вдоль иртышской линии и Томской губернии между среднеазиатскими владениями и Восточным Туркестаном.

В примечаниях к указу Сената от 6 марта 1803 г. было сказано, что «сибирская линия, на коей производится азиатская торговля, так обширна, что по отдаленности Бухтарминской таможни от прочих мест не все торгующие могут пользоваться... пожалованными выгодами, почему весьма бы полезно таковое право распространить и на другие таможни, как-то: Семипалатинскую и Петропавловскую»⁸. В соответствии с рекомендацией Сената пограничное управление Западной Сибири разработало проект решений «О поровнении Семипалатинской и Петропавловской таможен с Бухтарминской»⁹. Отметим, что сионирская администрация в своем решении перенести центр пограничной торговли из Бухтармы исходила также из интересов русских купцов, которые «... большею частью приезжают и всегда находятся в Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях»¹⁰. Эти крепости в начале XIX в. были наиболее оживленными пунктами торговли, «на улицах которых встречались бухарские, ташкентские купцы, татары и киргизы (казахи — Ж. К.) от того города имели какой-то азиатский характер...»¹¹.

В последующие годы льготы по торговле с казахами и жителями городов Западного Китая были предоставлены также и Ямышевской таможне. В инструкции Государственной коллегии иностранных дел тайному советнику И. А. Вайдемейеру от 18 мая 1803 г. предписывалось «выпускать караваны из Бухтармы, Петропавловской и Семипалатинской крепостей и как притом из Ямышевской таможни»¹². Правда, Ямышевская крепость заметной роли в развитии русско-казахских торговых связей не играла, возможно, из-за близкого расположения к Семипалатинску, ставшему одним из крупнейших центров по всей Западно-Сибирской линии¹³. В постановлении правитель-

⁸ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, л. 726, л. 3 об.

⁹ Крафт И. Я. Сборник узаконений для киргиз степных областей (Положения). Оренбург, 1898. С. 143.

¹⁰ ЦГАДА (Центральный Госархив древних актов), ф. 276, оп. 1, д. 027, л. 324.

¹¹ ГААК (Госархив Алтайского края), ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 269.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 81, д. 12, л. 36.

¹³ ГААК, ф. 163, оп. 1, л. 55, л. 299—299 об.

ства от 22 ноября 1809 г. «О дозволении отправлять купеческие караваны из трех мест» (то есть Семипалатинской, Бухтарминской и Петропавловской) Ямышевская таможня вовсе не упоминается.

Поощряя приезд азиатских купцов в укрепленные пункты, пограничные власти через таможенные заставы постоянно следили за «недопуском» для продажи запрещенных Министерством коммерции товаров. Например, инспектор Сибирских линий генерал-майор Н. И. Лавров еще 11 августа 1802 г. просил начальника Семипалатинской таможни «подтвердить дабы не было провезено азиатцами запрещенных вещей, как-то: огнестрельного оружия, пороха, свинца, российской монеты и солдатского сукна»¹⁴. С целью исключить возможности провоза или продажи подобного рода товаров купеческие караваны, проходившие вблизи укрепленных постов, подвергались тщательному осмотру и лишь после проверки получали разрешение следовать по своим маршрутам. Купцы, избегавшие контрольной проверки, привлекались к судебной ответственности. Тем не менее такие нарушения имели место. Так, 22 августа 1840 г. начальник Бухтарминской таможни доносил инспектору Сибирских пограничных линий о том, что «жительствоющие в киргизских аулах ташкентцы, передвигаясь не обыкновенною дорогою и не уважая приказание директора таможни, чтобы остановить их для осмотра товаров, проехали мимо крепости и форпоста в степь, и что при всем старании удержать их, они с буйством отбивались, некоторых посланных даже прибили»¹⁵.

Это в известной степени ущемляло экономические интересы государства, так как за каждый караван, пропускаемый через таможенные заставы, в государственную казну поступали доходы в виде пошлины. И не случайно все факты нарушения правил торговли были известны учреждениям правительства, которые в отдельных случаях сурово наказывали таких торговцев.

16 декабря 1804 г. Министерство коммерции в специальном предписании губернатору Западной Сибири по поводу «дерзких поступков кочующих в киргизских аулах ташкентцев» потребовало, чтобы он «благоволил принять меры». Во избежание повторения подобных случаев и в назидание другим нарушителям начальство сибирской

¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 156, л. 9 об.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 978, л. 1.

линии решило отдать **ташкентцев**, оказавших сопротивление чинам пограничной заставы, под суд и они были подвергнуты допросу ¹⁶.

В отдельных случаях купеческие караваны избегали таможенные заставы из-за чиновников, злоупотреблявших своими служебными обязанностями. Чиновники, пользуясь безграмотностью большей части азиатских купцов, в особенности **казахов-кочевников**, незащищенных в социальном и общественном отношении, оскорбляли, обманывали их, незаконно присваивая даже товары, подлежащие регистрации в таможенных книгах. Приведем один характерный пример. В 1796 г. из Константинополя вышли с товарами приказчики багдадского купца армянина Бабаджаняна «для производства торговли в пределах Персии, в окрестностях Хондогора, Индии», которые «снабжены были знатным капиталом» ¹⁷. Приказчики «сии, производя торг в помянутых местах, в течение десяти лет закупили там разных товаров, как-то шалей (кашмирских. — **Ж. К.**), серебра, золота и других разных вещей, с которыми, пробравшись благополучно через области Трухмейские (Туркмению. — **Ж. К.**) и Бухарские», прибыли в октябре 1805 г. в Семипалатинскую крепость. Однако незнание ими русского языка, языков местных народов затрудняло общение с жителями крепости. Чиновники таможенной заставы на товары **чужеземных** купцов произвольно устанавливали непомерно высокие пошлины. Об этом сообщалось в письме от 5 февраля 1805 г. астраханскому купцу армянину Багдаянцу: «4 месяца уже тому, как мы в Семипалатинской крепости находимся. Но по незнанию Российского языка со здешнею таможенною объясняться не можем. И нет человека, который бы за нас говорил» ¹⁸.

С возмущением говорили они о пренебрежительном отношении к ним работников таможни во время пребывания в **крепости**. Директор таможни Масленников и **пол-нер** Страхов принятыми для клеймения товарами армянских приказчиков распоряжались как собственностью. Более того, «безвыходное положение их в чужой стране послужило причиной их скоропостижной смерти, **которые**, не выдержав издевательств чиновников, покончили

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 978, л. 1-3.

¹⁷ Там же, д. 1071, л. 951.

Там же, л. 3 об.

жизнь **самоубийством**» ¹⁹. Виновные в их смерти были устранены от исправления своих должностей. Приведенный факт убедительно свидетельствует о грубых злоупотреблениях работников таможни. Они вместо того, чтобы заботиться о развитии и умножении торговых связей с другими странами и народами, занимались присвоением чужого добра, тем самым усиливая недоверие иностранных купцов к торговле с Россией.

Несмотря на принятые пограничными властями предупредительные меры, торговцы по-прежнему подвергались угрозе нападения кочевников, через территорию которых они следовали. Царское правительство, исходя из своих политических интересов, решило принять самые действенные меры по созданию условий для безопасности торговых путей. В 1800 г. для привлечения к ответственности грабителей купеческих караванов в крепостях Восточного Казахстана были учреждены пограничные суды ²⁰.

Пограничный суд вызывал в таможенные заставы заподозренных в ограблении караванов казахов и в зависимости от степени их виновности устанавливал меру наказания. Достаточно сказать, что в одном пограничном суде в Семипалатинской крепости было 14 человек, которые получали за службу жалование за счет **воинского** штата ²¹.

Таким образом, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и другим крепостям отводилась значительная роль в развитии русско-казахских торговых связей «по мере вступления новых родов в русское подданство». Министерство коммерции, учитывая «разность учрежденных здесь кордонов и недостаток... совершенства Иртышской линии», в начале XIX в. наметило ряд мероприятий, призванных усилить роль пограничных застав и других укреплений по всей Западно-Сибирской линии, пограничной с казахскими кочевьями.

К числу важных мер можно отнести решение Пограничного управления о предоставлении купцам права иметь при караванах **конвойные** отряды. 31 марта 1803 г. последовало решение Сената, где подчеркивалась необходимость в этом, «дабы купеческие караваны препро-

¹⁹ Это выяснилось при расследовании, произведенном по распоряжению Сибирского губернатора. Материалы проверки затем были представлены на рассмотрение царя. (ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1071, л. 31).

²⁰ ЦГАДА, ф. 240, оп. 1, д. 71, л. 12.

²¹ Там же.

вождаемы были в пути казацкими командами, таким-де образом, поскольку они с успехом против киргиз-кайсаков употребляются, имея таковое разрешение мог он свободно сей год избавить от грабежа купеческие караваны, шедшие из степи в Семипалатинскую и Петропавловскую крепости...»²².

В принятии такого решения не последнюю роль играла докладная записка Иркутского генерал-губернатора И. Селифонтова в Министерство коммерции. «Сия заграничная торговля, — говорится в ней, — будучи произвима на удачу, подвергается иногда грабежам в степи от киргизцов (казахов. — Ж. К.), имею ходатайствовать перед императорским величеством соизволение, чтобы для конвоирования в степях купеческих караванов давать из служащих по линиям казаков доброго поведения надобное число, не более 20 человек для каждого каравана»²³. Однако, по мнению того же И. Селифонтова, купцы за пользование услугой воинского охранения должны были взять на себя двойное содержание конвойного отряда на том основании, что «казаки службу (то есть охрану караванов. — Ж. К.) несут на собственных лошадях и со своим вооружением»²⁴. Причем И. Селифонтов, не исключая возможности отказа пограничных властей выделять отряды для сопровождения караванов, писал, что «линейная же сторона, насколько известно, от сих командировок (воинских частей. — Ж. К.) ничего потерять не может».

Действительно, в начале XIX в. в Железинской, Ямышевской, Омской, Усть-Каменогорской и других крепостях, а также «при нужных местах» были расквартированы регулярные воинские части, инженерные команды с чиновниками, «которые бывают всегда в готовности по случаям набегов киргиз-кайсаков и для препровождения... караванов в степную сторону»²⁵. Для этой цели в крепостях и в некоторых крупных форпостах имелись артиллерийские орудия, помимо тех, которые предназначались для непосредственной защиты укрепленных пунктов²⁶. Все это свидетельствует о достаточно сильном вооружении гарнизонов крепостей в Восточном Казахстане.

²² ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 15-15 об.

²³ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 15.

²⁴ Там же, л. 40 об.

²⁵ ЦГВИА СССР (Центральный Государственный военно-исторический архив), ф. ВУА, д. 25947, л. 8.

Там же, д. 26000, л. 8 об.

С другой стороны, причину обращений к царю с предложением создать специальные отряды для конвоирования купеческих караванов следует искать в распространявшихся слухах о нападениях казахов на торговцев и возможности таких набегов даже на пограничные посты²⁷.

Причем в дополнении к указу от 19 мая 1803 г. было признано необходимым, чтобы отряды охраны «сопровождали эти караваны не только до места их назначения, но и обратно». В нем отмечалось, что «конвоирование Российских купеческих караванов, отправляющихся через сибирские линии ...должно быть как вперед до места их следования, так и обратно, ибо опасность в степях от киргизцев в оба пути одинакова, поелику купцы в Россию возвращаются так же, как отправляются с товарами»²⁸.

Однако вооруженные отряды для охраны караванов разрешалось выделять лишь купцам, имевшим специальные паспорта, позволявшие им свободно выезжать из таможенных застав в степь для ведения торговли. Указом Сената от 16 августа 1807 г. паспорта, удостоверявшие их право вести торговлю с кочевым казахским населением, а также среднеазиатскими ханствами, стали оформляться не только земскими судами, но и начальством сибирских пограничных линий.

В указе внимание чиновников таможен обращено «на пропуск за границу казанских татар²⁹, служилых, ясачных и лашманов... первым, пашпорты для сего давать им непосредственно от земских судов... вторым, линейному начальству предоставляется право давать сим паспорта только в том случае, когда ясачные и лашманы [являются] купцами»³⁰. Данное указание начальникам таможенных застав, очевидно, преследовало цель недопустить мещан и другие сословия к торговле с местными азиатскими народами, принимая во внимание отсутствие у горожан опыта в этом деле, слабое знание ими обычаев и традиций местных жителей, что могло бы вызвать недовольство кочевого населения.

В 1810 г. некий отставной секунд-майор И. Давыдов, характеризуя состояние русско-азиатской торговли, пи-

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 15 об.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 726, л. 2.

²⁹ Первые прошения от купцов «о пропуске для торговли из татар, приказчиков с работниками» поступили в 1800 г. (ГАТО (Госархив Томской области), ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 33 об.)

³⁰ ГАТО, ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 32—32 об.

сал о купцах, которые, «в невежестве утопая, не знают своих выгод и не в силах производить свой торг. Самая **выгодная** торговля с азиатскими народами остается... запустелою, и торговля тамошняя управляется **людьми без капиталов...**»³¹.

Нередко бывали случаи, когда купцам, приказчиками **которых** были люди не из купеческого сословия, без особого разрешения пограничных властей **запрещалось** отправляться из таможенных застав в **степь**³². Например, в прошении мещанина И. Тебенева командиру 24 дивизии генерал-лейтенанту Г. И. Глазенапу говорится следующее: «Принял я от хозяина купца Самсонова для заграничного с **киргиз-кайсаками** торговыми товарами и расположен был с ними отправиться через Семипалатинскую таможню в степь. Но за силой воспретительного от Вашего предписания не выпущен... имея товары на знатную сумму без продажи и убытку хозяина... прошу меня через **таможню** пустить»³³.

В дальнейшем усилению торгового значения **крепостей** в Восточном Казахстане способствовало положение о разделении купцов на три гильдии в зависимости от размера их состояния. От купцов, записавшихся к купеческому сословию, брали по одному проценту в год пошлины³⁴, что приносило таможенным заставам немало доходов. Естественно, некоторая часть купцов, избегая уплаты этих налогов, не проявляла желания записываться в гильдийские списки. Поэтому **правительство**, чтобы не спугнуть купцов **преимущественно** из числа инородцев, разрешало им по-прежнему пользоваться льготами торговли в русских крепостях. 1 января 1807 г. в Манифесте, направленном Тобольскому и Томскому генерал-губернаторам, признавалось необходимым «поселившимся до сего времени для торговли в ближайших к отечеству Российских губерниях купцов... не принуждать их к записке к **гильдии**, оставив их при дарованных им **привилегиях**»³⁵.

Таким образом, исходя из своих экономических интересов, из необходимости завершить процесс присоединения Казахстана к России, царское правительство **стремилось** расширить русско-казахские торговые связи. По-

следние осуществлялись в основном через пограничные заставы и другие укрепленные пункты, в частности через военно-опорные пункты в регионе, которые, превратившись в центры оживленных торговых отношений, помимо воли царизма, способствовали созданию спокойной обстановки в степи.

В первой четверти XIX в. при организации внутренней торговли встречалось немало злоупотреблений со стороны административно-колониального аппарата управления, смотревшего на торговлю как на источник наживы, что отрицательно сказалось на положении **инородческого**, в том числе казахского, населения³⁶. В связи с удаленностью края от центральных районов местные чиновники имели почти бесконтрольную власть над населением. Поэтому царизм считал необходимым осуществить ряд реформ. Важным фактором, способствующим усилению торгового значения Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Павлодара (Коряковска), Бухтарминской крепости и др. явились административные реформы генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского. В осуществлении **своих** преобразований немаловажное значение он придавал развитию торговли. Для исследования и «съемки» **неизвестных** районов Сибири М. М. Сперанский внес предложение «О приведении в известность земель в Сибири». В составлении этой записки активное участие принимал декабрист Г. С. Батеньков. Кроме того, им было написано несколько пояснительных пунктов к законопроектам об управлении Сибирью: сухопутные сообщения, **учреждение** этапов, ссылки, инородцы, сибирские казаки, распространение русской власти на казахскую степь Среднего **жуза**³⁷. После упразднения ханской власти в Среднем жузе царское правительство, опираясь на «Устав о сибирских киргизах», ввело новую систему **управления**, разработанную в 1822 г. М. М. Сперанским³⁸. По «Уставу» **территория** казахской степи, занятая под кочевья Среднего и частью Старшего жузов, по-

³¹ Русская мысль. Отд. 2. 1864. С. 55.

³² ГАТО, ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 13.

³³ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 158, л. 47 об.

³⁴ ГАТО, ф. 2, оп. 4, д. 3, л. 3 об.

³⁵ ГАТО, ф. 3, оп. 1, д. 377, л. 1.

³⁶ Фатеев А. М. М. Сперанский — генерал-губернатор Сибири // Зап. Русского научно-исследовательского объединения в Праге. Прага, 1942. Т. 12, С. 16.

³⁷ Там же.

³⁸ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 156.

лучила название «область сибирских киргизов»³⁹, которая вошла в состав вновь созданного Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром управления (до 1839 г.) в Тобольске, затем (с 1839 г.) — в Омске.

В «Устав о сибирских киргизах» были включены отдельные положения, разрешавшие инородцам свободно производить торговлю в городах. Так, «Устав» гласил: «Инородцы имеют право сбывать свои произведения... в городах, селениях и на ярмарках; ...каждый из инородцев и целые роды имеют полную свободу в учрежденных местах приносить жалобы на стеснения и обиды»⁴⁰. Положение 1822 г. об управлении «сибирскими киргизами» открыло широкие возможности для расширения торгово-экономических отношений в казахской степи, в известной мере ограничив произвол чиновников административно-колониального аппарата. При разногласиях между казахскими торговцами и работниками таможен в крепости или города приглашались султаны и старшины. Средства на их устройство в пограничных заставах или крепостях выделялись за счет казны. Согласно «Уставу о сибирских киргизах», право вести торговлю в крепостях, других селениях предоставлялось не только казахам, но и поселявшимся вблизи пограничной линии узбекам, татарам, другим «инородцам» и русским крестьянам⁴¹. Этим воспользовались казанские, ташкентские и другие среднеазиатские купцы, разместившиеся на постоянное жительство в Ямышевске, Семипалатинске, Коряковске, Усть-Каменогорске и Бухтарминской крепости⁴². В связи с этим министр финансов Е. Ф. Канкрин просил Тобольского гражданского губернатора⁴³ «собрать сведения... о каждом особом племени... доставить ему сведения, сколько по управлению Западной Сибири числилось по последней

³⁹ История Казахской ССР. Т. 3. С. 157. Область сибирских казахов заключала в своем составе 7 округов: Каркаралинский, Кокчетавский, Кушмурунский, открытые в 1824 г., Кокпектинский, Аягузский — в 1831 г., Акмолинский, Баян-Аульский — в 1832 г. Она была упразднена в 1854 г. в связи с образованием новых административных единиц. Акмолинской, Семипалатинской областей, позднее (1866 г.) Семиреченской области.

⁴⁰ Учреждения для управления сибирских губерний. Спб., 1832. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 94.

⁴³ Тобольск являлся центром Западной Сибири, в подчинение которого отошли некоторые районы Казахстана.

ревизии азиатских народов... много ли капитальных торговцев»⁴⁴.

Административно-политические изменения расширили возможности коренного населения производить торговлю в укреплениях и городах. Казахам было позволено записываться в купеческие гильдии, поступать на службу, поселяться во внутренних округах⁴⁵, а также разрешалось вести сверхоптовую и розничную торговлю без оформления для этого особых свидетельств. Казахи, живущие в городах и других поселениях, располагали «домозаводством», могли заниматься хлебопашеством. Купцам из числа коренного населения надлежало уплачивать пошлину наравне с другими торговцами того города, «где они в купечестве записаны», пользуясь при этом пятилетней льготой. В результате принятого 6 апреля 1838 г. «Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами» усилилось значение городов Восточного Казахстана как торгово-административных центров. Торговля с казахскими родами производилась теперь во всех относительно крупных военно-опорных пунктах Восточного Казахстана, где были расположены «первоклассные таможни» (Бухтарминская, Семипалатинская), таможенные заставы (Пресногорьковская, Коряковская (Павлодарская), Усть-Каменогорская) и др.⁴⁶

Торговля с Кокандом, Бухарой, Ташкентом велась, в основном, через Бухтарминскую таможню. В 20-х гг. XIX в. Бухтарминск значительно выдвинулся среди торговых пунктов Сибирского таможенного округа. Оживленный торг вели купцы из среднеазиатских владений. Ташкентцы доставляли бумажные изделия, алачи (полосатая хлопчатобумажная или полушелковая ткань). Например, в 1828 г. таких товаров было продано на сумму 1677 р., из которой в казну поступила пошлина 91 р. 50 к.⁴⁷ Кроме того, среднеазиатские торговцы привозили кашемирские шали. В том же году их было прода-

⁴⁴ ГАОО (Государственный архив Омской области), ф. 3, оп. 1, д. 337, л. 4.

⁴⁵ По Уставу об управлении сибирскими казахами к внутренним округам относились города; Омск. Петропавловск. Семипалатинск, Усть-Каменогорск // Учреждения для управлений сибирских губерний. С. 50.

⁴⁶ Старков Г. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях // (вторая пагинация, год издания не указан). С. 61.

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 341, оп. 1, л. 3 (подсчет наш).

но на 19600 р. (пошлина — 4900 р.)⁴⁸. Среди среднеазиатских торговцев встречались и бухарцы, которые в архивных материалах именуется как усть-каменогорские и бухтарминские мещане. На наш взгляд, это были ташкентцы и бухарцы, которые, приняв российское подданство, составляли постоянный контингент городских жителей. За январь-февраль 1828 г. Бухтарминск посетили 11 караванов, из которых три принадлежали усть-каменогорским мещанам⁴⁹. Меновой торг с казахами по Бухтарминску производился в трех пунктах: в самой Бухтарминской таможне и дистанциях Нарымской и Верхне-Бухтарминской.

Кочевники привозили продукты скотоводства и охоты. По данным 1828 г., было привезено: шкур волков — 45, лисиц — 235, корсаков — 13, рысей — 6, росомах — 2, куниц — 3, соболей — 1, мерлушки 545 пудов на 163 р. 50 к.⁵⁰, в обмен на вельвет, бахты, кожи юфтовые, зерно и муку. Всего в 1828 г. казахскими и другими купцами в Бухтарминскую таможню было доставлено товаров на 163 393 р. 59 к., а вывезено на 21 749 р. 10 к.⁵¹. Судя по ведомости об «отвозных товарах» за 1828 г., в числе товаров, вывезенных из Бухтарминской таможни в казахскую степь, значились: бумажные изделия — 395 штук, котлы — 13, ткани — 27 аршин, топоры — 50, зеркала — 10, сукна тонкие — 152 аршина⁵², т. е. то, в чем коренные жители степи особо нуждались. В том же году в степь для обмена было вывезено из таможни (преимущественно казахами) зерна и муки 4638 пудов на 4938 р. и в 1834 г. — 4620 пудов на 7620 р.⁵³

В списках торговцев мы встречаем немало казахов, в том числе султана Бура-Найма нской волости Нуралы Алимова и других⁵⁴. Казахи торговали сами, не прибегая к посредническим услугам среднеазиатов и татар. Кроме того, они нередко служили у казаков-торговцев доверенными людьми. «Линейные казаки и занимаются торговлей, но сами (в казахскую степь. — Ж. К.) не отлучаются, а производят разных своих товаров через киргиз, которым они доверяют...», — доносил в 1833 г. управляю-

⁴⁸ Там же, д. 13, л. 3. (подсчет наш).

⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 341, оп. 1, д. 19, л. 3-4.

⁵⁰ ЦГА КазССР, ф. 341, оп. 2, д. 19, л. 9.

⁵¹ Там же, л. 6-7.

⁵² Там же, д. 10, л. 3.

⁵³ Там же, оп. 1, д. 35, л. 12 об.

⁵⁴ Там же, л. 12.

щий Бухтарминской таможней подполковник Шевнин начальнику Сибирского таможенного округа⁵⁵.

Внимательное изучение архивных материалов по Бухтарминской таможне позволяет определить объем торговых сделок, совершенных отдельными купцами за 1834 г. Купеческий сын Василий Зобнин привез товаров на 1487 р. и вывез на 1572 р. 38 к., купец второй гильдии Семен Трусов из г. Шуи Владимирской губернии — соответственно на 5239 р. 35 к. и 1773 р. 12 к., усть-каменогорские купцы второй гильдии Андрей и Христофор Поповы привезли товаров на 42 002 р. 82 к., султан Нуралы Алимов — на 13 390 р.⁵⁶

Торговля с казахами и среднеазиатскими купцами в Бухтарминской таможне приносила таможенным заставам значительные доходы. Пошлина удерживалась не только за привозимые товары, но также за объявление (клеймение товаров), «карантинные» суммы, содержание городов, за гербовую бумагу и т. п. По сведениям Бухтарминской таможни за 1835 г., пошлинный сбор был наиболее значителен в августе, сентябре, октябре; отвоз товаров из дистанции и таможни падает на летние месяцы: июль, август (частично ноябрь)⁵⁷. Согласно данным, зафиксированным в годовом отчете (1835 г.) Бухтарминской таможни, в трех пунктах: Нарымской, Верхне-Бухтарминской дистанциях и в самой таможне товарооборот составил 27 707 р. 56 к., из которых была взыскана пошлина 733 р. 69 к.⁵⁸

Сбор пошлины с привозимых и отвозимых товаров составлял одну из главных забот правительства и чиновников таможен.

В отдельных случаях купцы, уклонявшиеся от уплаты таможенных сборов, ухитрялись скрывать товары от контрольного осмотра в таможне. Это и побудило начальника Сибирского таможенного округа 24 мая 1828 г. разослать управляющим таможенными учреждениями «строгое распоряжение вне таможенных застав и таможен прекратить мену»⁵⁹. Досмотрщик Бухтарминской таможни М. Шелехов в мае 1828 г. был представлен к награде за «обнаружение разных неклеименных товаров»⁶⁰. Все

⁵⁵ ЦГА КазССР, оп. 1, д. 13, л. 3 об; оп. 2, д. 35, л. 9.

⁵⁶ Там же, д. 34, л. 5.

⁵⁷ Там же, д. 34, л. 5.

⁵⁸ Там же, д. 35, л. 8 об.

⁵⁹ ЦГА КазССР, оп. 1, д. 15, л. 13.

⁶⁰ Там же, д. 27, л. 144 об.

таможенные работники, принятые на службу, давали клятву, присягу на верность и в большинстве своем были благонадежные, грамотные и комплектовались из запасных чинов 4 и 5 сибирских линейных батальонов⁶¹. Нередко на таможенных заставах и постах служили крестьяне других губерний. Например, в 1850 г. по формулярному списку нижних чинов **Коряковской** таможенной заставы среди стражников и объездчиков четверо были из Пермской и четверо — из Оренбургской, Енисейской, Тобольской губерний⁶².

Со второй половины 30-х гг. XIX в. возрастает значение Коряковской таможенной заставы. Основным товаром здесь был хлеб. О масштабах торговли хлебом говорят следующие данные: в 1847 г. казахи в обмен на свои товары приобрели муки 196 пудов в форпосте Семиарском, 100 — в редуте Подстепном, **35** — в **Ямышевском**⁶³. Решениями Западно-Сибирского генерал-губернатора в 1849 г. в Коряковске позволялось поселение купцов, мещан, разночинцев, отводились особые кварталы и земельные участки под постройки и огороды⁶⁴.

В связи с усилением роли Коряковской таможенной заставы, а также с учреждением в 1839 г. в Омске таможни 3 класса взамен прежней заставы торговое значение **Бухтарминска** стало падать. В том же году по распоряжению Николая I эта таможня была упразднена и оставлен только пост, подчинявшийся Усть-Каменогорской таможенной заставе⁶⁵. Торговые связи через него с городами Западного Китая и с Казахской степью продолжали развиваться и в дальнейшем.

Мы наиболее подробно проанализировали вопросы организации и развития русско-казахской торговли в **Бухтарминской** таможне и ее дистанциях, поскольку методы ее работы были характерны и для других **таможен** Восточного Казахстана, находившихся внутри кочевий казахов Среднего жуза.

Большой процент торговли у казахского населения приходился на торговлю с Россией, затем с азиатскими народами. Широко распространенной формой внутренней торговли была торговля меновая, которая преимущест-

венно в зимние месяцы осуществлялась почти во всех укреплениях, где за сбором пошлины надзирали объездные таможенные **смотрители**⁶⁶.

Весной перед началом меновой торговли купцы записывались в таможнях или таможенных заставах и устанавливали в меновых дворах лавки. Для ведения торговых операций нанимали из татар или из других азиатов опытных работников, знавших казахский язык. Имеются **такие** данные за 1833 г. по объему товаров, привезенных и вывезенных из таможен и застав*:

Таможня:	Привоз	Вывоз
Петропавловская	2406903	1654899
Семипалатинская	103051	947167
Бухтарминская	13274	17665
Омская	42535	48023
Застава:		
Коряковская	27740	16072
Усть-Каменогорская	34300	55070

* ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 1275, л. 40.

Из центральных губерний купцами завозились хлеб разных сортов, юфть, кожи выделанные, ткани хлопчатобумажные, шерстяные и металлические изделия. В свое время М. К. Рожкова отметила, что русского сукна в **казахских** степях сбывалось больше, чем в ханствах Средней **Азии**⁶⁷. Большую часть ввозимых в Казахстан товаров из России составляли хлопчатобумажные ткани.

До 1842 г. привоз товаров русского фабрично-заводского производства в среднеазиатские владения, так же как и вывоз товаров во внутренние районы России, без наличия специальных свидетельств разрешался лишь купцам Усть-Каменогорска, Омска, Семипалатинска, Петропавловска. Что же касается купцов третьей гильдии и **крестьян** центральных российских губерний, обладавших такими свидетельствами, то они могли пользоваться правом на различную торговлю в том городе, где получили эти документы.

Несомненно, подобные меры по отношению к отдельным городам **играли** определенную роль в становлении

⁶¹ Там же, л. 38, л. 198; ф. 798, оп. I, д. 26, л. 62-67.

⁶² Там же, ф. 798, оп. 1, д. 26, л. 62-64.

⁶³ ЦГА КазССР, ф. 798, оп. 1, д. 10, л. I, 6.

⁶⁴ АВГО СССР. Разряд 69, оп. 1, д. 3, л. 3.

⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 341, оп. 2, д. 38, л. 8-22.

⁶⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19209, ч. 2, л. 277.

⁶⁷ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949. С. 202.

их как центров торговых **взаимоотношений** кочевого населения с жителями пограничных русских селений.

К 40-м гг. XIX в. русско-казахские связи достаточно укрепились и в Казахской степи наступило относительное затишье. С постепенным вводом российского управления единичные набеги кочевников на торговые караваны прекратились. Казахи, нарушившие положение об азиатской торговле, привлекались к ответственности. Пресечению таких нарушений способствовало распоряжение пограничного «управления сибирскими киргизами» от 5 февраля 1804 г. о взимании с казахского кочевого населения «военной контрибуции за нарушение верноподданнической присяги»⁶⁸.

Введение в Казахской степи близких к российской системе административно-политических положений внесло ряд изменений в хозяйственную жизнь коренного населения. «Через обращение с русскими киргизы значительно изменяют свою склонность к дикой кочевой жизни, а еще обратились к хлебопашеству... занимаются променом скота и собственных изделий между собою и русскими...»⁶⁹, — сообщалось в одной из докладных записок чиновника пограничного управления.

С оживлением русско-казахской торговли увеличились таможенные пошлины. Об этом свидетельствует ведомость о пошлинах, собранных в таможах и заставах Сибирского округа с 1848 г. по 1 января 1851 г. (руб.)^{*}.

Таможня:	1848	1849	1850
Петропавловская	80027,72	91932,97	150555,60
Семипалатинская	58237,47	110587,98	197179,16
Омская	4468,9	2557,4	3971,87
Застава:			
Пресногорьковская	5297,1	4831,62	2822,79
Николаевская	418,59	1101,25	1172,67
Коряковская	6324,4	6155,70	4246,55
Усть-Каменогорская	2171,9	1840,81	3369,25

*ГАОО, Ф. 3, оп. 2, д. 3049, л. 2. Правда, в исследовании С. И. Идарова зафиксированы другие данные: сумма таможенного сбора за 1849 г. составляла 93777 р., за 1850 г. — 163 154 р. серебром, что также заметно превышает аналогичные данные по Петропавловской таможне (см.: Идаров С. И. Киргизская степь и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. Спб., 1855. С. 15).

⁶⁸ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 544, л. 5.

⁶⁹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 544, л. 5.

Эти данные подтверждают, что Семипалатинская таможня по сумме пошлинных сборов, а следовательно, и по политическому, и торговому положению, была наиболее крупной в Западной Сибири. Именно это послужило поводом для перевода начальника Сибирского таможенного округа из Петропавловска в Семипалатинск. «Начальники таможенных округов должны иметь пребывание в том пограничном месте, где находится главная пограничная таможня, каковою в настоящее время нельзя не считать Семипалатинскую таможню»⁷⁰, — писал начальник Сибирского таможенного округа в прошении на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Семипалатинская таможня являлась одной из крупнейших не только в Юго-Западной Сибири, но и во всей империи.

Главным предметом русско-казахской торговли был скот. Следует обратить внимание на некоторые колониальные черты торговых сделок. Казахи имели лишь приблизительное представление об истинной цене российских товаров, поэтому за бесценок отдавали скот и продукцию животноводства. В Восточном Казахстане в 50-х гг. XIX в. цена одного барана в среднем колебалась от 1 р. 50 к. серебром; быка — от 14 до 17 р., лошади — от 20 до 35 р. Казахи же, судя по данным Г. Колмогорова, за 1 барана брали по 70 к.⁷¹, т. е. в два раза ниже действительной стоимости его на рынке.

О масштабах торговли скотом говорят следующие показатели: в Усть-Каменогорске и Семипалатинске каждую осень лошадей продавалось до 300 голов, несколько тысяч быков отправлялось в Москву и Петербург⁷². Только казахским населением «Области сибирских киргизов» на ярмарках ежегодно продавалось: лошадей до 15 тыс., быков до 100 тыс., баранов до 3 млн. голов на сумму до 8 млн руб. серебром⁷³. О количестве скота, по-

⁷⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 3049, л. 1.

⁷¹ Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства // Вестник ИРГО. Кн. 2. 1855. С. 27.

⁷² Там же. С. 9.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 5, д. 37, л. 34.

ступившего для продажи в 1855 г., свидетельствуют данные (в гол.) *:

	Лошади	Овцы	Крупный рогатый скот	Свиньи	Козы
Семипалатинск	14945	25030	1439	142	459
Усть-Каменогорск	1392	300	815	10	15
Кокпекты	405	—	1659	1	—
Аягуз	1734	3588	2074	—	—
Капал	3048	1460	1770	139	300

* ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 5, д. 37, л. 34.

Судя по этим данным, наибольший объем продажи пригнанного кочевниками мелкого скота падает на долю Семипалатинска, а в реализации крупного рогатого скота преимущество остается за относительно незначительными поселениями, такими, как Аягуз, Кокпекты, Капал.

Несомненно, сбыт на местных центральных рынках огромного количества скота приносил значительные доходы казне и местным купцам. Однако действительные обороты крупных торговцев трудно определить из-за умышленного сокрытия купцами размеров своего состояния.

Таким образом, Усть-Каменогорск, Бухтарминск, Павлодар, Семипалатинск и другие города, крепости и форпосты в силу выгодного их месторасположения во многом содействовали укреплению русско-казахских торговых отношений. Введение российского управления привело к усилению их административной роли. Превращение юродов Восточного Казахстана в центры внутренней торговли, наличие огромного количества скота и запасов животноводческого сырья привлекали множество купцов не только из соседних районов, но также из среднеазиатских ханств и внутренних губерний империи. Все это оказывало благоприятное воздействие на процесс постепенного приобщения Казахстана, в том числе восточной его части, к единой хозяйственной системе России, на завершение присоединения Среднего и частично Старшего жузов к России.

Проведенное нами исследование позволяет опровергнуть утверждения некоторых китайских историков о том, что до середины XIX в. население Юго-Восточного и Восточного Казахстана якобы не принимало Российского

подданства⁷⁴, вскрыть несостоятельность взглядов отдельных зарубежных исследователей, будто бы «казахские степи в то время не считались государственной границей империи»⁷⁵. Нами подтверждается, что изучаемый район и смежные с ним территории в административно-политическом и хозяйственном отношении представляли в этот период составную часть России.

Административно-политические меры, осуществленные согласно «Уставу о сибирских киргизах», несмотря на его колониальный характер, во многом способствовали расширению постоянных торговых связей коренного населения с городами Восточного Казахстана. Кокпекты, Баянаул, Каркаралы, будучи местопребыванием начальников административных округов, привлекали к себе кочевое население, способствовали развитию устойчивых торговых связей с жителями русских крестьянских селений. Благодаря этому казахское население в значительной степени удовлетворяло свои потребности в хлебе, в изделиях русского фабрично-заводского производства и в предметах домашнего обихода. Восточный Казахстан стал выгодным рынком сбыта товаров российской промышленности. В этом районе у России не было таких конкурентов, как в Южном Казахстане, где преобладали экономические интересы среднеазиатских ханств, стремившихся к отторжению части земель казахов, и политические интересы Англии, пытавшейся ослабить русское влияние.

Взаимовыгодные торговые отношения сопровождались усилением миграции жителей разных регионов, что привело к увеличению городского населения, росту в нем «азиатских элементов», избравших основой своей хозяйственной деятельности торговлю. Взаимообщение, выходя за рамки торговых связей, принимало все более и более широкие масштабы: здесь скрещивались обычаи разных народов, происходил естественный процесс взаимного восприятия бытовых и других традиций, что явилось одним из прогрессивных последствий добровольного вхождения Казахстана в состав России.

⁷⁴ См.: Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 46.

⁷⁵ Raeff Marc. Siberia and the reforms of 1822. P. 56.

ГОРОДА В СИСТЕМЕ ТОРГОВЛИ РОССИИ С ПИНСКИМ КИТАЕМ

В начале XIX в. заметно возрастает значение **Усть-Каменогорска**, **Бухтарминска**, **Семипалатинска** и других городов как важных перевалочных пунктов **торгово-экономических** связей России с Синьцзяном, Кашмиром и Тибетом. Расширению этих связей благоприятствовало то, что через казахские кочевья Среднего жуза проходили традиционные караванные пути. Административно-политический контроль со стороны русских пограничных городов и селений во многом способствовал усилению **тесных** экономических связей их жителей не только с **Казахстаном**, но и с сопредельными с ним странами.

Казахстан и соседние среднеазиатские владения являлись важными рынками сбыта как российских, так и китайских товаров, ввозимых из Джунгарии. Хотя русско-китайская торговля велась преимущественно через Кяхту, товарообмен через Синьцзян⁷⁶ играл заметную роль в экономическом развитии Восточного Казахстана. В донесении торгового агента в 1805 г. отмечалось, что **возрастание** торгового значения городов Восточного Казахстана принесло пользу краю и повысило экономический статус **Кяхтинской** таможни⁷⁷, которая стала приносить русскому правительству значительные доходы.

По мере развития русской караванной торговли с Синьцзяном цинские власти все более убеждались в выгоды торговых контактов с российскими купцами и стали проявлять заинтересованность в том, чтобы увеличить привоз русских товаров для обмена их на китайские. Об этом свидетельствуют русские архивные **источники**. Так, в мае 1804 г. сотник Горшков доносил из Усть-Каменогорска о намерении правителя Чугучака вступить в переговоры с русскими властями **относительно** налаживания торговли. Согласно этому донесению, **цинский** правитель через своих посланцев просил «уверить Россию, что они не имеют вражды, и хотят наперед послать своих лю-

⁷⁶ Касымбаев Ж. К. Торговля России с империей Цинь через города Восточного Казахстана (с первых десятилетий до середины XIX в.) // XVI Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1985. Ч. 2. С. 159—168.

⁷⁷ Архив Всесоюзного географического общества (АВГО). Разряд 55, оп. 1, д. 7, л. 76.

дей для торговли к Усть-Каменогорску, ежели [их сразу] не допустят торговать»⁷⁸.

В 1805 г. правительство распорядилось открыть торговлю не только в Бухтарме, но и по всей Иртышской линии, «если пожелают китайцы»⁷⁹. В том же году Бухтарминскую крепость посетили **китайские** купцы⁸⁰.

Первый значительный русский караван с товарами на 5 тыс. руб., снаряженный тарским купцом Нерпиным, посетил Чугучак в 1809 г. Обменяв свои товары, караван благополучно вернулся в **Бухтарму**⁸¹. В 1811 г. стоимость товаров, отправленных через Бухтарму в Джунгарию, составила 150 тыс. руб.⁸² В 1810 г. из Семипалатинска в Кульджу вышел караван с товарами на 1000 навьюченных **лошадях**⁸³. В 1811 г. русские власти направили в Джунгарию переводчика Путимцева, которому было предписано выяснить возможности расширения **русско-китайской** торговли через Бухтарму. По возвращении Путимцев представил записку, в которой, в частности, отмечал, что русская торговля с Джунгарии наталкивается на серьезные ограничения, установленные **цинскими** властями⁸⁴. В ответ на **посещение** русскими караванами городов Синьцзяна китайские и местные купцы по своей **инициативе** и с молчаливого согласия местных властей стали сами приезжать в Бухтарминскую крепость за товарами, расплачиваясь за них серебром в слитках. О перспективах этой торговли Г. И. Глазенап (начальник Сибирского Пограничного управления) в октябре 1811 г. писал в Петербург: «...**время** от времени торг постепенно будет возрастать: поводом к сей надежде служит и то, что китайцы начинают уже сами посещать крепость (**Бухтарминскую**), как последовало сие **сентября** 7 чис-

⁷⁸ Алдабекова Н. А. О русско-китайской торговле с Синьцзяном с конца XVIII до 40-х гг. XIX в. // XVIII-я научная конференция // Общество и государство в Китае. Тезисы докладов. М., 1987. Ч. 2. С. 181.

⁷⁹ АВГО. Разряд 55, оп. 1, д. 7, л. 75.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 1071, л. 1.

⁸¹ Хохлов А. Н. Внешняя торговля Китая с 90-х годов XVIII в. до 40-х годов XIX в. // Общество и государство в Китае. 1978. С. 100.

⁸² Там же.

⁸³ ГАОР об (Государственный архив Оренбургской области), ф. 166, оп. 1, д. 109, л. 25.

⁸⁴ См.: Дневные записки переводчика Путимцева в проезде его от Бухтарминской крепости до Китайского города **Кульджи** и обратно в 1811 г. // Сибирский вестник. 1819. Ч. 18. С. 103.

ла»⁸⁵. 30 апреля 1812 г. из Чугучака и Кульджи вернулся караван ташкентских купцов Миркурбана Ниязова и Ахмедия Аширова. Как видно из рапорта коменданта Семипалатинской крепости Русановича на имя генерал-лейтенанта Г. И. Глазенапа, эти купцы «торговали (в китайских городах. — Ж. К.) с выгодой, караван их состоял из 200 лошадей, с суммою около миллиона»⁸⁶.

Основная торговля с Синьцзяном велась среднеазиатскими купцами, обосновавшимися в городах Восточного Казахстана. Выступая в качестве торговых посредников, они нередко оставались здесь на постоянное жительство. Несмотря на то, что коменданты русских крепостей снабжали их рекомендательными письмами к султанам и старшинам казахских и киргизских родов, через владения которых пролегал их путь, их караваны порою подвергались нападениям со стороны местных феодальных правителей, враждовавших между собой. 12 августа 1812 г. начальник Усть-Каменогорской таможни, ссылаясь на прошение ташкентского старшины Мамырбая, принявшего российское подданство, ходатайствовал перед Г. И. Глазенапом о дозволении ему снарядить казацкий отряд из 4-х урядников и 30 казаков для оказания помощи ташкентскому каравану, задержанному султаном Бупой при следовании в китайские пределы⁸⁷.

Русская пограничная администрация признавала, что развитие перевалочной торговли со среднеазиатскими странами, другими сопредельными народами через города, укрепления Восточного Казахстана во многом зависит от создания соответствующей обстановки на караванных маршрутах. «Караванная торговля с Россией, — писал ее представитель в 1812 г., — постепенно усилится в южных пределах Киргизской степи (т. е. на границе со среднеазиатскими владениями. — Ж. К.), когда водворится совершенная безопасность, тогда, может быть, через Ташкент откроется для России торговая дорога во внутренность Азии»⁸⁸.

Таможенный Устав 1817 г. по азиатской торговле обязывал приграничные заставы обеспечивать безопасность прохождения караванов через Казахскую степь. Но это

не всегда удавалось. Бухарский купец из г. Тара Барат Миллюхд в своих показаниях на суде в Семипалатинской крепости заявил, что его караван, направлявшийся в Чугучак через Казахские степи, подвергся нападению в Баймурынской волости (владение султана Сиванкула Ханхожина) и что его лично «неизвестно с каким намерением продержали 20 дней»⁸⁹. Во избежание задержек или ограбления торговых караванов наиболее состоятельные купцы снабжались охранными грамотами правительства России. В грамоте, данной 21 апреля 1821 г. Оренбургскому первой гильдии купцу Шихмуратову, говорилось: «...где он будет проходить, почтеннейшие султаны, бии, старшины... чинить свободный пропуск без задержания, в случае чинимых ему кем-либо обид и притеснений делать всевозможное защищение»⁹⁰.

В результате добровольного присоединения Среднего и части Старшего жузов к России Усть-Каменогорск, Бухтарма, Семипалатинск и другие города и пограничные крепости превратились в пункты транзитной торговли, откуда довольно часто стали снаряжаться караваны в Синьцзян и даже в Тибет. С целью оживления русско-китайской торговли правительство России предложило генерал-губернатору Западной Сибири П. И. Капцевичу послать какого-либо купца с товарами в «Китайский Туркестан», при этом даже обещая наградить этого купца медалью⁹¹. Этим оно надеялось побудить российское купечество к установлению более тесных торговых связей с городами Чугучак, Кульджа, Аксу, Яркенд. В январе 1821 г. ташкентский купец Муминов, возвратившись из Кульджи в Семипалатинск, в своем отчете отметил, что им были совершены в том городе более выгодные торговые сделки по сравнению с прошедшими годами. В 1824 г. семипалатинский первой гильдии купец Степан Попов, заявив о своем желании заслужить обещанную награду, дал «согласие на отправку каравана в область Алтышарскую»⁹².

Несмотря на поощрительные меры российского правительства, в первой четверти XIX в. торговля с Синьцзяном через города Восточного Казахстана развивалась довольно медленно, что отчасти объяснялось достаточной

⁸⁵ Внешняя политика России в XIX — начале XX века. Серия I М., 1962 т. 4. С. 186.

⁸⁶ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 109, л. 99—103.

⁸⁷ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 58, л. 70.

⁸⁸ ЦГВИА СССР. ф. 414, оп. 1, д. 413, л. 11.

⁸⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 43, л. 148.

⁹⁰ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 43, л. 148.

⁹¹ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 425, л. 23.

⁹² Там же, д. 159, л. 433.

удаленностью Чугучака, Кульджи и других городов, а порой слабой осведомленностью русских купцов о возможности сбыта своих товаров на китайском рынке. К тому же цинские власти, придерживаясь традиционной изоляционистской политики, всячески ограничивали торговлю российских купцов в Синьцзяне.

Кроме того, из-за отсутствия договорных обязательств между Россией и Пинским Китаем российскому купечеству приходилось широко использовать казахов в роли посредников. Поэтому в первой четверти XIX в. торговля с городами Синьцзяна преимущественно осуществлялась через влиятельных казахских султанов, так как казахско-кочевые, кочуя близ границ империи Цин, имели с ней давние (хотя и ограниченные) торговые связи. В Кульдже и Чугучаке существовали рынки для «киргиз-кайсаков», пригонявших множество баранов и лошадей. При этом купцам других национальностей цинские власти чинили различные препятствия. В этой связи русский министр финансов в 1824 г. выражал опасение, что к торговле с китайцами, «вероятно, другие торговцы (т. е. русские. — Ж. К.) не будут допущены»⁹³, и рекомендовал продолжать торговлю с Китаем «через посредство киргизцев (казахов. — Ж. К.), пока правительство их (китайцев. — Ж. К.) не разрешит главным образом нашим купцам свободно торговать в Китае»⁹⁴.

Однако не следует преувеличивать роль казахов в развитии торговли с Синьцзяном и другими владениями. Казахские феодалы из-за междоусобиц не всегда выполняли предписания российских властей о лояльном отношении к купеческим караванам, пересекавшим их кочевья. Вместе с тем они нередко сами нуждались в помощи, и настоятельные просьбы об охране торговцев исходили от казахских султанов, имевших торговые интересы преимущественно в Синьцзяне. Так, в 1830 г. несколько казахских влиятельных лиц обратились к коменданту Семипалатинской крепости с просьбой предоставить в их распоряжение воинскую команду из десяти казаков для конвоирования караванов до китайской границы⁹⁵.

Принимая под свою охрану торговые караваны, казахские владетели объявили русских приказчиков и ра-

⁹³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 425, л. 6. Русские купцы приезжали в Джунгарию под видом азиатских.

ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 425, л. 7.

⁹⁵ ЦГА КазССР, ф. 473, оп. 8, д. 175, л. 161.

ботников своими людьми, а товары по доставке в Синьцзян продавались «под именем киргизских (казахских. — Ж. К.) султанов»⁹⁶. Российские купцы вывозили через Зайсан, Бухтарминск, Семипалатинск бумажные ткани, сукно, с 30-х гг. XIX в. — металлические изделия и другие товары фабрично-заводской промышленности⁹⁷. В обмен на свои товары они нередко получали в Кульдже, Чугучаке и других городах серебро (в слитках). Ввоз последнего через Восточный Казахстан в 1825 г. составлял 17,5 пуда, в 1827 — 15,5 пуда и в первой половине 1828 г. — до 55 пудов.⁹⁸ Для определения истинного достоинства китайского серебра в Бухтарме и Семипалатинске были учреждены пробирные палаты. Китайское серебро попадало в основном на Ирбитскую ярмарку. Фарфоровая посуда и другие товары китайского традиционного вывоза продавались частично в Усть-Каменогорске и Семипалатинске, но большая часть их отправлялась в Тюмень и Москву. Кроме серебра из китайских городов в значительном количестве импортировались байховый и кирпичный чай, а также шелк. Согласно данным Семипалатинской таможни, только в 1845 г. было завезено сюда 1637 пудов чая⁹⁹.

В первой половине XIX в. были предприняты попытки установить торговые контакты с Тибетом. Караваны посылались туда «дабы удостовериться, в какой степени страна сия делается важною касательно сбыта российских произведений и мены оных на драгоценные металлы»¹⁰⁰. По свидетельству генерал-лейтенанта Г. И. Глазенапа, в 1814 г. многие купцы, воодушевленные результатами путешествия Семена Мадатова, посетившего Восточный Туркестан, Кашмир и Тибет, пожелали воспользоваться его примером и в том же году отправились с товарами как в «Большой Тибет», так и в другие города Азии. Оттуда они привезли в города Восточного Казахстана разнообразные товары, но особый интерес вызвали знаменитые кашмирские шали. В апреле 1813 г. через

⁹⁶ Там же, л. 1.

⁹⁷ Веселовский Н. Поездка Н. И. Любимова а Чугучак и Кульджу в 1845 г. под видом купца Хорошаева. Спб., 1899. С. 22, 23.

⁹⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 885, л. 26.

⁹⁹ В 1840 г. доля этого продукта в Китайском экспорте (по своей стоимости) составляла 1/3. (см.: Хохлов А. И. Внешняя торговля Китая с 90-х годов XVIII в. до 40-х годов XIX в. // Общество и государство в Китае. С. 103.

¹⁰⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 885, л. 26; д. 425, л. 5.

Казахскую степь в Тибет отправился кабульский купец **Мехти Рафаилов**. Он посетил города Аксу, Кашгар и Яркенд, а затем побывал в Тибете. Вручив Тибетскому правителю письмо Г. И. Глазенапа, в котором содержалась просьба дозволить российским купцам производить свободную торговлю, Рафаилов получил от него разрешение торговать без уплаты пошлины. При этом тибетский правитель заверил, что в его владениях русским купцам будет оказано всяческое содействие. По возвращении в 1814 г. в Семипалатинск Рафаилов сообщил много интересных сведений о Тибете и соседних с ним странах, о пройденном пути и народах тех мест, которые ему удалось посетить. Он же предложил торговый маршрут в г. Кашгар¹⁰¹.

В 1820 г. **Мехти Рафаилов** предпринял новое путешествие с целью изучить возможности расширения торговли. Его караван сопровождал конвой из 100 казаков. До 1822 г. о Мехти Рафаилове и его спутниках не было никаких известий. Впоследствии до российских властей дошли слухи, что он умер в Тибете по пути в Кашмир. Лишь через несколько лет обратно вернулись два его спутника, которые подтвердили факт смерти М. Рафаилова.

Важную роль в развитии русско-китайской торговли через города Восточного Казахстана сыграло подписание в 1851 г. **Кульджинского** договора между Россией и Цинским Китаем. Согласно договору, в Кульдже и Чугучаке были учреждены российские консульства и при них устроены торговые фактории для приезжих российских купцов. Коряковск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск часто посещали подданные Китая — дунгане и киргизы, проживавшие в Синьцзяне. Не зная ни русского, ни татарского языка, они нанимали в городах Восточного Казахстана переводчиков из лиц мусульманского вероисповедания.

Административно-политический контроль России в казахских владениях способствовал созданию благоприятных условий для расширения торгово-экономических связей с Цинским Китаем, осуществлявшихся путем отправки российскими подданными караванов в Синьцзян.

В 40-х гг. XIX в. возрастает значение Аягузского (Сергиопольского) и Кокпектинского внутренних округов. А. Янушкевич, побывавший в 1846 г. в составе экспе-

¹⁰¹ Материалы для Статистики Туркестанского края. Спб., 1876. Выпуск 4, С. 98.

диции генерал-майора Н. Ф. Вишневого в Казахской степи, писал по этому поводу следующее: «...**Все** более расширяющаяся торговля с Чугучаком и надежда найти для караванов более безопасную дорогу в Кульджу... говорит за то, что название «Аягуз», сегодня неизвестный в Европе, перейдет когда-нибудь границы Сибири»¹⁰².

В начале 50-х гг. XIX в. наблюдается некоторый спад в торговле России с Цинским Китаем через таможенные учреждения и города Восточного Казахстана¹⁰³. Это объяснялось отчасти тем, что генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд распорядился приостановить выдачу российским и другим купцам пропусков в Чугучак до окончательного урегулирования инцидента с Цинским Китаем. Торговля же с Кульджуо продолжалась, и туда путь не был «запрещен». «Если будут приезжать для торговли китайцы, — говорилось в предписании Департамента внешней торговли в 1855 г., — принимать их можно ласково. По тарифу пошлинные и прочие сборы взыскивать с одних российских купцов, китайцев платежу не подвергать»¹⁰⁴. После урегулирования русско-китайского конфликта торговые связи были восстановлены и директорам пограничных таможен было дано предписание улучшить условия приема китайских купцов вплоть до освобождения их от уплаты таможенных пошлин. В начале 1859 г. Г. Х. Гасфорд отправил через кочевья киргизов (бурутов) караван с товарами, чтобы выяснить возможности упрочения... торговли с малоизвестными странами»¹⁰⁵. Караван возвратился во второй половине того же года, успешно закончив свои дела в Кашгаре. За один 1863 г. из Восточного Казахстана и таможенных застав через казахские кочевья в Китай было отправлено 80 караванов с товарами на 245 верблюдах и 572 подводах на 103 899 р. 50 к. (не считая экспорт разного скота на 127 207 р.). Из Кульджи и Чугучака сюда прибыл 101 караван с товарами на 620 верблюдах и 2931 подводах на 216 938 р. 97 к. серебром. Судя по архивным данным, торговля Ташкента и Бухары с Китаем в этот период была менее оживленной, из Ташкента в 1868 г. было отправле-

¹⁰² Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С. 48.

¹⁰³ Касымбаев Ж. К. Торговля России с Цинским Китаем через города Восточного Казахстана (30-70-е гг. XIX в.) // Общество и государство в Китае. М., 1986. Ч. 2. С. 117.

¹⁰⁴ ЦГА КазССР, ф. 478, оп. 2, д. 175. л. 144.

¹⁰⁵ Завалишин Н. И. Описание Сибири. Спб., 1867. Ч. 3. С. 84.

но товаров на 43 516 р. 19 к. серебром, а из Бухары — на 175 руб.¹⁰⁶. Это дает основание считать, что восточная часть Казахстана вела более активную торговлю с городами Синьцзяна, чем другие районы.

В связи с восстанием уйгур и других народностей Восточного Туркестана против цинского режима в 60—70-х гг. XIX в. русско-китайская торговля с Синьцзяном через Восточный Казахстан заметно сократилась. Однако и в этих условиях население Казахстана, Киргизии и Ферганской долины поддерживало экономические связи с тюркоязычным населением Синьцзяна, особенно с соплеменниками, временно или постоянно проживавшими на цинской территории. В Синьцзяне постоянно находилось значительное число казахских кочевников, кокандских купцов и киргизов. Купцы проживали целыми кварталами в городах Кашгар, Яркенд, Кульджа и др., вокруг которых устраивались сезонные пастбища кочевников¹⁰⁷. Отдельные исследователи склонны объяснять устойчивость торговых взаимосвязей с Синьцзяном (несмотря на сложные политические условия) растущими потребностями кочевого скотоводческого населения, а также других российских подданных в китайском чае, являвшемся ходовым товаром.

Торговлю цинские сановники хотели использовать как средство воздействия на казахских правителей. Экономические санкции против соседних среднеазиатских владений, в частности Коканда, когда было запрещено вывозить из Синьцзяна определенные сорта чая и ремень, отрицательно сказались на торговле с казахами. Так, люди казахского султана Жангожи купили для него чай в Или (Кульджа). Однако чай этот у них конфисковали на основании запрета о вывозе, но позднее пекинский двор распорядился вернуть чай. Решение было мотивировано тем, что его купили до того, как был обнародован указ о запрете. Конфликт с Жангожой Пекин рекомендовал синьцзянским властям рассматривать как прецедент¹⁰⁸. Эти меры, конечно, не могли существенно повлиять на традиционную торговлю, осуществлявшуюся, как и преж-

¹⁰⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5297, л. 8.

¹⁰⁷ Хафизова К. М. Об участии народов Средней Азии в борьбе населения Синьцзяна против Цинского режима в 20-х гг. XIX в. // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1986. Ч. 2. С. 108.

¹⁰⁸ См.: Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983. С. 111.

де, через приграничные таможенные пункты. Российские власти прилагали немало усилий, чтобы ослабить изоляционистский курс пекинского двора в отношении его западных границ. Заинтересованность России в укреплении горговых связей с Синьцзяном через пограничные пункты Зайсан, Бухтарминск и другие таможенные посты была обусловлена и стремлением царизма ослабить влияние Англии в этом районе. Не следует преуменьшать также экономический фактор, в частности значение чая, привозимого казахским населением из китайских городов. Казах-кочевник, отказывавшийся продавать на рынке своего барана за 3—4 рубля, охотно уступал его за $\frac{2}{2}$ плитки чая, рыночная стоимость которого не превышала 1 р. 50 к.¹⁰⁹.

Нестабильность положения в Китае отрицательно сказывалась на русской торговле в Синьцзяне. В 1869 г. на вопрос специально командированного подпоручика Матушовского о причинах слабого развития русско-китайской торговли минусинские купцы ответили, что «причина, препятствующая развитию торговли, происходит от самовласти китайских чиновников»¹¹⁰.

Были трудности и в выборе караванных маршрутов. Из западных районов Цинского Китая в Казахстан проходили следующие маршруты¹¹¹: 1) от рек Нарын до Карабугу, Базар и Багаз, впадавшие в озеро Зайсан, через реку Кокпектинку до Семипалатинска; 2) от Кашгара к озеру Тюскесу, затем 30 верст вниз по течению р. Или и далее между озерами Балхаш и Ала-Куль, выходил на Аягуз, а оттуда до Семипалатинска; 3) из Кульджи караваны шли по восточному берегу Ала-Куля и через верховья рек Урджар и Аягуз доходили до Семипалатинска.

В 50—60-х гг. XIX в. от южных границ Западной Сибири в города Западного Китая через среднеазиатские владения пролегало в основном пять караванных маршрутов: 1) из Петропавловска в Ташкент и Бухару через Акмолинск между укреплениями Актау и Улытавское на речку Сарысу, далее через голодную степь на р. Чу; 2) из Петропавловска в Кульджу через кокчетавские горы, вдоль р. Аягуз через Капал; 3) из Семипалатинска в Чугучак через Аягуз и Кокпекты; 4) из Семипалатинска через Аягуз и Капал в Кашгарию и Кульджу; 5) из Семи-

¹⁰⁹ Историк-марксист. 1936. Кн. 3. С. 29.

¹¹⁰ АВГО СССР. Разряд 55, оп. 1, д. 32, л. 7.

¹¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 414, оп. 1, д. 419, л. 14-14 об.

палатинска в Коканд через Аягуз, Каркаралы по реке Чу¹¹². Вдоль караванных путей были устроены караван-сарай и постоялые дворы.

Русские и азиатские торговцы следовали разными маршрутами: русские придерживались казачьей пикетной дороги, а азиатские ездили через Казахскую степь. Однако караванные пути были небезопасны. Об их состоянии можно судить по следующему замечанию А. Янушкевича. «...Вскоре мы, — писал он о своем путешествии, — попали на так называемую Кульджинскую караванную дорогу, но в действительности это ни больше, ни меньше, как ее тень, обозначенная копытами верблюдов и побелевшими от солнца и от времени их остатками, костями лошадей, баранов, может, и людей»¹¹³.

Некоторое представление о динамике русского вывоза через города Восточного Казахстана в первой половине XIX в. дают следующие данные (руб.)¹¹⁴:

Год	Из Зайсана	Из Бийска	Из Усть-Каменогорска
1870	15000	—	136815
1871	14200	—	162937
1872	28 00	9100	265201
1873	20800	150000	261050
1874	24983	199327	199827

Судя по этим данным, наибольший объем торговли с Китаем приходится на Усть-Каменогорский таможенный пост, что подтверждает возрастающую роль городов Восточного Казахстана в развитии русско-китайских экономических связей.

Торговое значение Зайсана, Усть-Каменогорска, Семипалатинска и других городов заметно повысилось после заключения Россией и Китаем Петербургского договора 1881 г. В течение первой половины 1882 г. в Семипалатинске было выдано разным лицам 33 билета (против 32 в 1881 г.) для вывоза в Китай товаров на сумму 305 464 р. 36 к. (против 255 198 руб. в 1881 г.)¹¹⁵. Заметно увеличивалось и число российских торговцев в городах

¹¹² Кабо Р. М. Города Западной Сибири. М., 1049. С. 146.

¹¹³ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. С. 81.

¹¹⁴ ГАОО. ф. 3, оп. 9, д. 13971, л. 14-15. Зайсан был основан в 1868 г., в 1871 г. получил статус города.

¹¹⁵ Записки сиб. отдела РГО. Омск, 1882. Кн. 4. С. 27.

Синьцзяна. Большая часть из них вела торговлю в Чугучаке, и годовые обороты этих купцов достигали 200 000 руб.¹¹⁶. В таком же состоянии находилась торговля в Кульдже. «Российский элемент (в Кульдже. — Ж. К.) заметен и значителен и по количеству природных русских торговцев и по их капиталам»¹¹⁷, — говорилось в отчете Степного генерал-губернатора за 1882 г.

Российские торговцы (русские, казахи, татары, сарты — уроженцы Туркестанского края) вывозили из Цинского Китая кожу, шерсть, серебро в слитках и особенно чай. По сведениям русского консула в Кульдже, представленным в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в 1882 г. российскими торговцами было вывезено 12 000 овчин, конских и верблюжьих кож, 45 000 мерлушек, 600 п. конских волос, 400 п. козьего пуха, 8500 п. обыкновенной шерсти, 600 шкур лисиц, 200 соболей¹¹⁸.

Постепенно развивающаяся русско-китайская торговля через города Восточного Казахстана вызывала беспокойство Англии, пытавшейся любыми средствами ослабить влияние России в Синьцзяне и других сопредельных странах. Английский полковник Марк Север Белл высказывал опасение по поводу того, как бы расширение торгово-экономических связей России с этими смежными районами не привело «к военному и торговому давлению на пограничные с Индией области»¹¹⁹.

Несмотря на соперничество и происки англичан, торговые связи России с западными районами Цинской империи через Восточный Казахстан продолжали развиваться, и в этой торговле немаловажную роль играли казахи. С 1 января по 1 мая 1891 г. в китайские пределы было отправлено 29 караванов, из которых несколько принадлежало казахским торговцам. В 1891 г. казахскими и другими торговцами было привезено товаров из Синьцзяна (через Сергиопольский уезд Семиреченской области) на 283 824 р. 22 к.; вывоз же в этот район Китая составил 327 109 р. 15 к.¹²⁰.

¹¹⁶ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5099, л. 129-130.

¹¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5099, л. 129-130.

¹¹⁸ Там же, л. 1 об.

¹¹⁹ Извлечение из статьи полковника Марк Севера Белла «Оборона Индии» // Сб. Географические, топографические и статистические материалы по Азии. СПб., 1891. Вып. 46. С. 13; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3075, л. 28.

¹²⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3075, л. 48-60. (подсчет наш).

В торговле с городами Цинской империи принимали участие крестьяне и казаки Урджара, Маканчи и других населенных пунктов. Они вывозили преимущественно пшеницу. С 1 января по апрель 1891 г. через укрепления Бахты и селение Захарьевское в Синьцзян проследовали

Таблица 1. Легально ввезенный чай через Бахтинскую и Зайсанскую таможи в 1894—1897 гг. и размеры пошлины *

Таможня	Год	Чай байховый	Пошлина	Чай кирпичный	Пошлина
Бахтинская	1894	514п.19ф.	6688р.18к.	11п.2ф.	279р.38к.
	1895	224п.25ф.	2910р.12к.	435п.31ф.	1089р.19к.
	1893	158п.20ф.	2130р.50к.	376п.3ф.	940р.19к.
	1897	512п.29ф.	6665р.43к.	747п.6ф.	1817р.88к.
Зайсанская	1894	19п.16ф.	252р.20к.	427п.20ф.	1038р.75к.
	1895	64п.22ф.	839р.15к.	449п.30ф.	1124р.69к.
	1895	4п.12ф.	55р.90к.	255п.34ф.	642р.12к.
	1897	55п.1ф.	715р.34к.	343п.24ф.	844р.50к.

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5099, л. 129-130.

196 торговцев, из них 65 крестьян и казаков¹²¹. Через три приграничные пункта — Зайсан, Алкабек и Катон-Карагай в 1895 г. было вывезено значительное количество китайских товаров.

Таблица 2. Тайно ввезенный чай *

Таможня	Год	Чай байховый	Пошлина	Чай кирпичный	Пошлина
Бахтинская	1894	38п.13ф.	1226р.40к.	2п.26ф.	28р.5к.
	1895	40п.38ф.	1310р.80к.	12п.13ф.	120р.0к.
	1893	13п.20ф.	411р.20к.	1п.16ф.	195р.70к.
	1897	32п.29ф.	1051р.70к.	30п.12ф.	328р.80к.
Зайсанская	1894	11п.25ф.	447р.10к.	1п.33ф.	240р.
	1895	7п.17ф.	288р.60к.	9п.30ф.	145р.80к.
	1985			22ф.	5р.
	1987	9п.31ф.	351р.90к.	7п.11ф.	79р.90к.

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5099, л. 129, 130.

Главной статьей легального (табл. 1) и нелегального китайского ввоза в Казахстан являлся чай (табл. 2).

¹²¹ Там же л. 35-48. (подсчет наш); Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. Томск, 1899. С. 154.

Россия придавала большое значение развитию взаимовыгодных связей с соседней Монголией. Невзирая на противодействие ЦИНСКИХ властей, в 1860 г. в Урге была учреждена первая русская коммерческая фирма, с которой вскоре установили контакты купцы Усть-Каменогорска, Зайсана, Семипалатинска и других городов¹²². Из Усть-Каменогорска через станицы Ульбинскую, Алтайскую пролегал в Монголию Бухтарминский тракт¹²³. Развитию русско-монгольской торговли через города Восточного Казахстана во многом содействовала московская фирма «Савва Морозов и его сыновья». В 1872 г. по ее инициативе был снаряжен караван с товарами на сумму в 45 000 р. на 92 верблюдах и 30 лошадях¹²⁴. В составе каравана находился поручик Ю. А. Сосновский, на которого было возложено конвоирование каравана и подробное обследование местности от Зайсанского поста до пункта назначения. Однако поощрительные меры правительства относительно развития торговли не дали желаемых результатов. В 1873 г., по сведениям Ургинского консульства, вывоз товаров из Бийска в Монголию не превышал 16 700 р.¹²⁵

Известным центром русско-монгольской торговли в 80—90-х гг. XIX в. по-прежнему был Семипалатинск. «Все естественные преимущества находятся на стороне Семипалатинска, который сообщается с Монголией и Китайской Джунгарией удобными вьючными и даже колесными путями, между тем как сообщение Бийска с Монголией ограничивается одной горною тропой, едва ли самую трудную по всей сибирской границе», — писал чиновник канцелярии Западно-Сибирского генерал-губернаторства¹²⁶.

В результате принятых властями мер, основная часть русско-монгольской торговли, исключая Кяхту, стала производиться не через Бийский маршрут, а через Зайсан, Семипалатинск, Усть-Каменогорск.

По Петербургскому договору с Китаем Россия добилась права на беспошлинную торговлю по всей террито-

¹²² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6887, ч. 1, л. 19 об.

¹²³ Певцова М. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая // Записки Зап. Сиб. отдела РГО. Омск, 1883. Кн. 4. С. 218.

¹²⁴ Полтарацкий В. Сведения о торговых сношениях с Западным Китаем // Известия ИРГО. Спб., 1873. Т. 9. С. 98.

¹²⁵ ГАОО. ф. 3, оп. 9, д. 13871, л. 10.

¹²⁶ Там же.

рии Монголии и учреждения русских консульств в Кобдо и Улясутае. В Калгане, Урге, Улясутае функционировали торговые фирмы русских купцов¹²⁷. Товары доставлялись из России в Монголию по четырем маршрутам: 1 — из **Усть-Каменогорска** и Семипалатинска до Кобдо; 2 — из Бийска, по Чуйской дороге до Кобдо и Улясутая; 3 — из Минусинска в Урянхайский край; 4 — через Забайкалье и Амурский край в **Кяхту**¹²⁸, и далее в Монголию. То обстоятельство, что один из караванных путей в Монголию пролегал через Усть-Каменогорск и **Семипалатинск**, имело большое значение как для русских купцов, проживавших здесь, либо приезжавших из центральных губерний, так и для казахских торговцев, действовавших через доверенных лиц. **Усть-каменогорские** купцы (в основном мелкие торговцы-татары) имели торговые отношения с Западной Монголией¹²⁹.

Из **Усть-Каменогорска** русские купцы везли в Кобдо белые мерлушки, которые обменивались на чай. Чай этот торговцы привозили на кочевья кереев (один из родов Среднего жуза), где снова происходил обмен его на кожи, шерсть, козий пух и другие товары.

Из-за противодействия цинских властей, стремившихся ограничить экономические связи с Россией, торговля с монгольскими улусами через Восточный Казахстан развивалась медленно. На это влияло и то, что со стороны Зайсана, Усть-Каменогорска и Семипалатинска часто закрывалась граница для прогона скота и привоза животноводческих продуктов «в случае возникновения всяких болезней и распространения (об этом. — Ж. К.) слухов»¹³⁰.

Территориальная близость Казахстана к владениям **Цинской** империи являлась одним из факторов, предопределивших расширение русско-китайских торговых контактов в конце XIX в. Немаловажную роль сыграли организационные меры русского правительства и, в частности, перемены в системе пограничной таможенной службы в начале 90-х гг. На основании постановления Государственного **Совета** от 14 июня 1890 г. на границе с Синьцзяном был учрежден **Семипалатинский** таможен-

ный округ¹³¹. Что же побудило правительство России открыть наряду с Туркестанским таможенным округом, обеспечивавшим развитие торговли с Синьцзяном на территории большей части Семиреченской области (за исключением ее восточных районов), Семипалатинский, которому подчинялись все таможенные учреждения в Томской губернии, восточных районах Семиреченской и обширной Семипалатинской областях?¹³²

Как известно, Петербургский договор 1881 г. установил для купцов обеих стран некоторые льготы в торговле. В условиях расширения торговых связей между двумя странами возникла необходимость реорганизовать таможенный надзор на внешних границах Томской губернии и Семипалатинской области. В этой ситуации признали целесообразным учредить участки в Кош-Агаче, на пути от пограничного перевала Суек к Бийску; в **Катон-Карагае** — на единственно удобном пути из Кобдо в Семипалатинск; в Зайсане, через который пролегал путь из Притяньшанья в Семипалатинск. В Семиреченской же области таможенный надзор было решено учредить в урочище **Бахты** (в 18 верстах от Чугучака, в Джаркенте и трех других пунктах), включая укрепление Нарымское¹³³.

Огромная протяженность границы (от Кош-Агача до Нарымска), отсутствие удобных путей сообщения, неудовлетворительное состояние имеющихся дорог **исключили** возможность действенного управления таможенными участками со стороны чиновников Министерства финансов или заведующего таможенной частью в Туркестане. В силу того, что вновь открывшиеся пограничные таможенные посты и пункты не могли быть оставлены без местного за ними надзора, Министерство финансов рекомендовало учредить Семипалатинский таможенный округ с подчинением его начальнику таможни в Томской губернии¹³⁴. Этому способствовали **благоприятные** отзывы российских консулов о караванной торговле между Россией и западными районами Китая, а также сведения о значительном товарообороте между этими странами, который фиксировали контрольные пункты Семиреченской и Семипалатинской областей. Он **составлял** не ме-

¹²⁷ ЦГВИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 91, л. 208 об.

¹²⁸ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 3, л. 80 об.

¹²⁹ Записки Зап. Сиб. отделения ИРГО. Кн. 4. С. 224.

¹³⁰ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 3, л. 80 об.

¹³¹ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 445.

¹³² ЦГА КазССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 14, 18.

¹³³ ЦГА КазССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 18.

¹³⁴ Там же.

нее 5 млн руб. в год (при заметном превышении экспорта над импортом)¹³⁵. В соответствии с решением Государственного Совета таможенные участки в пограничной полосе с Западным Китаем начали действовать в урочище Кош-Агача, в Бийском округе Томской губернии с 16 мая 1891 г., в Семипалатинской области в Катон-Карагае с 9 мая, в Зайсане с переходным пунктом на р. Алкабек с 1 мая, в Семиреченской области — в укреплении Вахты с 29 апреля, в Джаркенте с переходным пунктом в Хоргосе — с 3 мая 1891 г.¹³⁶

В правилах об открытии Таможенных округов было определено и правовое положение чиновников таможенных учреждений. В Томской губернии, Семиреченской и Семипалатинской областях в служебных правах их приравнивали следующим образом: управляющих таможенными и таможенными участками — к управляющим таможенными и таможенными участками 1-го класса, стражи к надзирателям переходных пунктов и канцелярских чиновников — к чиновникам «того же наименования» Европейской России¹³⁷.

Государственный Совет утвердил смету расходов по устройству таможенных учреждений на границе с Западным Китаем. Были выделены средства для содержания чиновников: Кош-Агашского участка — 6700 руб., Катон-Карагайского — 6700, Зайсанского — 7900, Бахтинского — 6700, Джаркентского — 8100, Иссык-Кульского и Нарымского по 6700 руб.¹³⁸ Кроме того, на отопление и освещение помещений отведено 2400 руб. Департамент таможенных сборов Министерства финансов обратил особое внимание на то, чтобы установить контроль за соблюдением разработанных обеими сторонами правил торговли, привоза и вывоза товаров. Непосредственное наблюдение за их вывозом или ввозом было возложено на объездчиков и стражников, которых снабжали соответствующими инструкциями. Приведем некоторые выдержки из «Инструкции» для объездчиков и стражников Катон-Карагайского таможенного участка: «чтобы нигде не было перевоза или переноса товаров и всего тайно привезенного или перенесенного, равно переходящие через границу люди с товарами тайно были задержаны или пред-

ставлены в таможенную»; под строжайшей ответственностью запрещалось «отлучаться за границу или от своего участка и без разрешения на то начальника стражи...»; таможенным стражникам при исполнении служебных обязанностей предписывалось «обходиться вежливыми советами с привозителями (товаров. — Ж. К.) купцами и вообще публично не входить в пререкания и не делать никому напрасных затруднений и отставок» (курсив наш). «Инструкции» содержат обязательные предписания к служащим таможенного участка бережно относиться к товарам как российских, так и китайских купцов¹³⁹.

Архивные данные свидетельствуют о том, что таможенная администрация предъявляла строгие требования к подбору стражников. Об этом позволяет судить, например, рапорт от 11 мая 1891 г., направленный управляющим Катон-Карагайским участком в таможенный округ: «При найме стражи преимущественно из лиц казачьего сословия встречается затруднение, так как в окрестных деревнях, ни в самом Катон-Карагае подходящих людей из нижних военных чинов нет. Киргизы же (т. е. казахи. — Ж. К.) к нам могли бы быть приняты на службу, [но] ни слова не понимают по русски, хотя грамотные по своему. А по этому прошу... принимать в стражу рекомендуемых лиц из молодых казаков, оказывающихся совершенно трезвыми, хорошо владеющими как русской грамотой, так и киргизским (т. е. казахским. — Ж. К.) языком»¹⁴⁰.

Открытие новых таможенных округов способствовало не только укреплению правопорядка на границе, но и расширению взаимных контактов между жителями пограничных селений Восточного Казахстана и жителями городов Синьцзяна (Чугучак, Урумчи, Шихо, Кульджа и др.).

Согласно первой статье правил, приложенных к Петербургскому договору 1881 г., китайским подданным предоставлялось право беспошлинной торговли чаем в пределах 50-верстной полосы вдоль русско-китайской границы. В связи с этим начальникам Джаркентского и Бахтинского таможенных участков, находившихся в зоне этой приграничной полосы, было приказано не взыскивать пошлины за чай, привозимый сюда китайскими подданными «для местного потребления». При этом указыва-

¹³⁵ Там же, л. 14.

¹³⁶ ЦГА КазССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 82.

¹³⁷ Там же, л. 15.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЦГА КазССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 86—91.

¹⁴⁰ Там же, л. 175.

лось, что в случае вывоза этого товара за пределы полосы, его следует очищать пошлиною на общем основании¹⁴¹.

В 1892 г. на Чугучакском рынке скопилось до 1000 ящиков чая, что побудило местное купечество ускорить вывоз его отсюда в зону 50-верстной полосы. Об этом управляющий Бахтинским таможенным участком сообщил начальнику Семипалатинского таможенного округа, причем сослался на факт привоза китайцем Ян Тинь-Сяо в Вахты для распродажи двух пудов черного байхового чая. «Нет сомнения, — отмечалось в этом донесении, — что в недалеком будущем можно ожидать значительного привоза чая в Чугучак, а низкая стоимость его от 43 до 55 коп. за фунт при покупке на месте в Чугучаке и беспошлинная торговля в пределах 50-верстной полосы, наверное, послужит началом скорого развития чайной торговли в приграничной черте»¹⁴². Последующие события подтвердили правильность данного прогноза.

Постепенно стали создаваться кредитно-банковые учреждения и ссудно-сберегательные кассы. В начале 1892 г. в Сергиополе при почтово-телеграфной конторе была открыта небольшая по оборотам сберегательная касса. 11 февраля 1894 г. сберегательная касса была учреждена при Джаркентской почтово-телеграфной конторе¹⁴³.

Знакомство с ведомостями товаров, пропущенных через таможи в разное время, позволяет судить о масштабах торговых сделок. Так, согласно отчетной ведомости за апрель 1891 г., составленной в Бахтах, из Цинского Китая в Россию проследовало 47 торговцев, в том числе казахи, ташкентцы, бухарцы и китайцы — купцы из Чугучака. Среди ввезенных товаров — мануфактурные и железные изделия, мелочные товары, пшеница, пшеничная мука и др.¹⁴⁴ Из России в Китай отправлялись в основном такие же товары, стоимость которых у отдельных купцов была значительно выше (это нашло отражение в соответствующей ведомости).

Интересны данные о товарообороте через Катон-Карагайский участок, позволяющие несколько расширить наши представления об ассортименте, количестве и стои-

¹⁴¹ ЦГА КазССР ф. 800 оп. 1, д. 2, л. 154.

¹⁴² Там же, л. 175.

¹⁴³ Там же, д. 43, л. 16, 21.

ЦГА КазССР. ф. 800, оп. 1, д. 91 л. 24 25

мости товаров обеих сторон. Согласно ведомости за январь 1891 г., в пределы Китая было отправлено 12 российских караванов: при них мануфактурных товаров, преимущественно сукон, было 1150 п. 26 ф., железных и чугунных изделий — 164 п. 36 ф., хлеба разных сортов — 5679 п., выделанных кож — 158 п. 20 ф., маральных рогов — 16 ф., лошадей и верблюдов — 299 голов, прочих (мелочных товаров — 231 п. 28 ф.), всего на 59727 руб. Привезено из Китая в пограничные районы: чаю — 142 п. 20 ф., кошмы — 1855 п., серебра — 6 п. 32 ф., шерсти — 365 п., китайских шелковых материй — 4 п. 11 ф., прочих товаров — 70 п. 6 ф., всего на 27 408 руб.¹⁴⁵ По этим данным можно судить о значительности торговли, производившейся российскими таможенными учреждениями.

Таким образом, приграничные таможенные посты, борющиеся с контрабандой и за наведение законного порядка на границе, тем самым способствовали установлению стабильной торговли между жителями пограничных районов России и Цинского Китая, а значит и дружеских контактов казахов, татар и русских с жителями городов Восточного Туркестана.

Как показывает анализ источников, попытки китайской историографии доказать, что территория современного Синьцзян-уйгурского автономного района якобы из давних времен «прочно была связана с собственно Китаем», несостоятельны¹⁴⁶. В действительности население Синьцзяна, в частности казахи, уйгуры, киргизы и другие народности, имели традиционные торгово-экономические связи с пограничными районами Казахстана, Алтайского края и проявляли заинтересованность в расширении взаимовыгодных отношений.

ВЛИЯНИЕ ТОРГОВЛИ НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОРОДА И КАЗАХСКОГО АУЛА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

«...Вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена», — писал В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»¹⁴⁷. Отмена крепостного права в России, последовавшее за ней ускорение темпов развития капитализма в центральных гу-

¹⁴⁵ Там же, д. 52, л. 3 об.

¹⁴⁶ См.: Накупов К. О. Изменение статуса Синьцзяна в 1884 г.: цели и результаты // Общество и государство в Китае. Тезисы и материалы. М., 1981. Ч. 2. С. 151.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 119.

берниях втянули в сферу капиталистических отношений национальные окраины, в том числе и Казахстан, являвшийся сырьевым придатком России. Освоение огромной территории Казахстана требовало новых административных изменений (в дополнение к уже осуществленным, например, в Среднем жузе в 1-й четверти XIX в), которые вплотную приблизили бы управление данным регионом к общероссийской системе, обеспечили полную зависимость Казахстана от царской администрации и максимальную эксплуатацию его природных богатств.

«Область сибирских киргизов»¹⁴⁸ с ее округами была упразднена, и в 1854 г. образованы Акмолинская и Семипалатинская области, а в 1866 г. — Семиреченская. В состав Семипалатинской области вошли земли по правому Иртышу с городами и другими селениями по Иртышской линии от крепости Железинской до Мало-Нарымска включительно¹⁴⁹. В ведомости о вошедших в состав Семипалатинской области значится 46 редутов, станиц и форпостов¹⁵⁰. Бухтарминск (до 1917 г.) находился в составе Томской губернии, Аягуз (Сергиополь) с 1866 г. был включен в состав Семиреченской области. Правительственная комиссия, обследовавшая состояние городов и других укреплений в этом районе, признала полное соответствие этих пунктов прямому их назначению¹⁵¹. В 1860 г. обер-квартирмейстер отдельного Сибирского корпуса полковник И. Бабков в рапорте генерал-квартирмейстеру Главного штаба так охарактеризовал состояние некоторых укреплений: «Омская крепость, как средняя точка соединения всей пограничной черты... место, где хранится главная часть военных запасов, находится в лучшем положении»¹⁵². «Усть-Каменогорская крепость, — продолжал он, — ...пункт сей в отношении военном, почтенью одним из самых важных по целой Сибирской линии. Как место, которое преимущественно избрать должно для

¹⁴⁸ «Область сибирских киргизов», учрежденная в 1824 г., простиралась с севера на юг от сибирской линии до р. Чу и ограничивалась с запада Оренбургской степью, с востока — кочевьями Семипалатинской области, пространство — 7580000 кв. верст, численность населения его пяти округов — Акмолинского, Атбасарского, Баянаульского, Каркаралинского, Кокчетавского на 1 января 1859 г. — 261781 чел. (ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 38, л. 1—2).

¹⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1775, л. 2.

¹⁵⁰ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1775, л. 14.

¹⁵¹ Там же, л. 3 об.

¹⁵² ЦГВИА СССР, ф. 414, оп. 1, д. 419, л. 4.

сбора войск и склада продовольственных и прочих припасов»¹⁵³.

Такое внимание пограничных властей к военно-оборонительным пунктам в условиях завершения присоединения Казахстана к России диктовалось необходимостью в случае столкновений со среднеазиатскими ханствами иметь в тылу военно-опорные посты. Кроме того, по мере продвижения русских войск в южные районы они создавались для укрепления захваченных позиций в Казахской степи с тем, чтобы ослабить здесь влияние Англии. С другой стороны, внимание царской администрации к пограничным укреплениям обуславливалось экономическими интересами — ускорить освоение богатых природными ресурсами края.

В докладной записке Западно-Сибирского генерал-губернатора от 9 декабря 1859 г. задача комендантов укреплений была сформулирована следующим образом: «...В настоящее время возбужден вопрос об упрочении русского влияния в Средней Азии. Цель всех предположений состоит в том, чтобы лучше охранять наши границы, не допускать иноземного европейского влияния на среднеазиатские владения, главным образом, обеспечить торговлю и в этих владениях»¹⁵⁴.

Чтобы облегчить управление Казахской степью, в начале 60-х гг. XIX в. некоторые влиятельные чиновники царской администрации предлагали «учредить одно общее управление для Казахской степи и территории казахских войск Уральского, Оренбургского и Сибирского округов; из губерний Тобольской, Томской и Енисейской образовать гражданское генерал-губернаторство Западной Сибири»¹⁵⁵. С этой целью был создан особый комитет.

Однако географические условия Казахстана, низкий уровень экономического и культурного развития, недостаточность финансовых средств не позволили принять указанный проект, отодвинув решение этого вопроса на более поздний срок — до административных реформ 1867 — 1868 гг. Особый комитет, изучив возможности учреждения в Казахстане общего управления для всей киргизской степи, в феврале 1865 г. пришел к убеждению, что «исполнение этой меры потребует значительных расходов и

¹⁵³ Там же, ф. 1449, оп. 1, д. 51, л. 22.

¹⁵⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 53, л. 9.

¹⁵⁵ Там же, ф. 1450, оп. 2, д. 2, л. 21 об.

представляет существенные неудобства в административном и военном отношениях...»¹⁵⁶.

Дальнейшее укрепление торговых отношений как между русским и казахским населением, так и со среднеазиатскими народами зависело от административных преобразований. Важную роль сыграли административные реформы 1867—1868 гг., которые вызвали глубокие изменения в территориально-хозяйственном устройстве казахского аула, подняли административно-экономическое, в том числе торговое значение городов в условиях постепенного проникновения в них капиталистических элементов. Согласно «Временному положению об управлении степными областями», всякие пошлины, взимаемые прежде с казахского населения за привозимые ими товары, были отменены, и торговые сделки стали производиться на общих основаниях.

По свидетельству авторов тех лет, торговля в Восточном Казахстане была более оживленной, чем в Оренбургском крае. Это в известной мере объяснялось тем, что купцы Семипалатинска, Павлодара, Усть-Каменогорска, а также городов Северного Казахстана (Омска, Петропавловска) пользовались преимуществами ведения торговли (в том числе оптовой и разменной) без свидетельств.

Торговля, в свою очередь, оказывала положительное воздействие на решение ряда внутриполитических задач, о чем свидетельствует, в частности, записка коммерческого агента кяхтинских купцов в Ташкенте: «...Окончательное сближение наше с народами описываемого края все более зависит от развития непосредственной нашей торговли... с развитием торговли начнутся частные сообщения, постоянные сношения по делам обмена товаров и неизбежный при этом обмен мыслями, при котором на население Средней Азии может быть оказываемо русскими громадное влияние»¹⁵⁷.

Спокойная обстановка, растущее доверие между русскими и казахами способствовали расширению торговли, в основном скотом. Главными поставщиками его были степные богачи — баи. В меновые двory города Северовосточного Казахстана пригонялись бесчисленные стада. Путешественник Т. Аткинсон писал, что на пути из Семи-

¹⁵⁶ Там же, л. 22.

¹⁵⁷ Материал к вопросу о торговых путях в Среднюю Азию. Спб., 1869. С. 9.

палатинска в Копальск он встретился со скотопромышленником, который гнал 3000 лошадей, 7000 быков и более 20 000 овец¹⁵⁸. Эта огромная масса скота представляла капитал в 100 000 руб.

Покупка, перепродажа скота и других товаров приносили состоятельным купцам значительные доходы. Об этом свидетельствуют официальные данные, в частности, ведомость, составленная в Бухтарминской и Семипалатинской таможнях: тобольским купцом первой гильдии Пиленко с приказчиками, ишимским купцом первой гильдии, тарским купцом первой гильдии Назаром Баязитовым и другими торговцами и их служащими привезено товаров на сумму 111 248 р. 20 к., с них взята пошлина 1185 р. 5 к.¹⁵⁹

Определенную роль в освоении края и дальнейшем развитии внутренней торговли в Западной Сибири, в том числе в городах, расположенных в данном районе (Усть-Каменогорск, Зайсан, Семипалатинск, Кокпекты, Каркаралинск, Сергиополь, Павлодар и др.), играла датская экспедиция И. Гаге и Г. Тегнера в Западную Сибирь.

Результаты экспедиции не остались без внимания торгово-экономических учреждений России, искавших дешевые источники сырья для развивающейся промышленности. Текстильные предприятия России в то время остро нуждались в шерсти¹⁶⁰, а одним из поставщиков продуктов скотоводства, в том числе шерсти, являлся Восточно-Казахстанский край. Однако отсутствие удобных путей сообщения с ярмарками затрудняло торговлю. Поэтому местные власти предприняли «меры, имеющие целью улучшение дорог и торговых отношений, как-то: исследование, производившееся летом (1880 г. — Ж. К.), о продолжении дороги от Семиярской станции к озеру Балхаш, чтобы соединить удобным кратчайшим путем Каркаралинский и Семипалатинский уезды с Семиреченской областью». Об этом говорилось в докладе чиновника особых поручений Министерства финансов Сильвинского «О ходе промышленных и торговых дел в степном крае»¹⁶¹. В уста-

¹⁵⁸ См.: Этцель А., Вагнер Г. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. Аткинсона, фон Миддендорфа и Г. Радде. Спб., 1865. С. 452.

¹⁵⁹ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 4, л. 52.

¹⁶⁰ Гаге Г., Тегнер Т. Об условиях торгового сношения Европы и Западной Сибири // Записки Зап. Спб. отд. РГО. Омск. 1882, Кн. 4. С. 16—17.

¹⁶¹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1491, л. 10—11.

новлении постоянных экономических связей Восточного Казахстана с Западной Сибирью значительную роль сыграл Иртышский водный путь. В 1861 г. был совершен первый пароходный рейс по Иртышу¹⁶². В конце 70-х гг. на Иртыше из Бухтармы до Семипалатинска было налажено гребное судоходство¹⁶³, а в 1880 г. от Семипалатинска до Тюмени установили срочное пароходное сообщение¹⁶⁴. Использование экономически выгодного речного пути через р. Иртыш имело в последующие годы огромное значение в хозяйственном освоении всей Западной Сибири. Кроме того, ставился вопрос об изыскании средств для проведения телеграфной линии от Павлодара до Каркаралинска для улучшения торговых связей с Куяндинской ярмаркой, которой принадлежала исключительная роль в оживлении торговли в степных областях¹⁶⁵.

Внутренняя торговля осуществлялась в двух формах: денежной и меновой. Первая производилась преимущественно с казаками и близрасположенным к городам крестьянским населением. Торговля с жителями казачьих станиц велась круглый год, непрерывно. Меновая торговля осуществлялась в основном с кочевниками. Единицей мены служил баран по первому году «тохты» и годовалый «СЭК». Исходя из цены барана производился расчет с торговцами за крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов.

Во всем крае, имевшем важное экономическое значение, не было ни одного коммерческого банка или подобного рода кредитно-финансового учреждения, которые субсидировали бы купцов, предоставляя им кредиты. Близкое расположение городов Восточного Казахстана к Ботовской и другим ярмаркам требовали быстрого решения этого вопроса. Необходимость открыть в городах кредитно-банковые учреждения диктовалась и тем, что «ближе Томска... и Петропавловска не было ни казенных, ни частных банков»¹⁶⁶.

Отделение государственного банка в Семипалатинске

¹⁶² Записки Зап. Сиб. отд. РГО. Омск, 1881. Кн. 3. (4-я пагинация). С. II.

ГААК, ф. 132, оп. 4, 9, 29, л. 46 об.

¹⁶³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 1406, л. 11; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1463, л. 46; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 53, 54.

¹⁶⁶ Обзор Семипалатинской области за 1887 г. Семипалатинск, 1888. С. 43.

открылось в 1887 г., а в 1888 г. здесь был учрежден филиал крупного для того времени сибирского торгового банка¹⁶⁷. Позднее ежегодно для обеспечения кредитных операций открывалось временное отделение государственного банка на Куяндинской ярмарке¹⁶⁸.

Все это способствовало развитию торговли скотом и животноводческим сырьем, вывозу в значительных размерах хлеба в Сибирь, европейскую часть России, в степь для кочевого населения. Небольшая часть казахов уже занималась хлебопашеством, но отсутствие собственных мельниц вынуждало их собранное зерно продавать, а взамен для собственного потребления покупать муку¹⁶⁹.

В закупке и перепродаже хлеба участвовали местные купцы и торговцы из городов Сибири. Так, томский купец А. Д. Родюков лишь за один 1888 г. закупил в Усть-Нарымской пристани и Павлодаре свыше 500 тыс. п. зерна и отправил значительную часть его в другие города Западной Сибири¹⁷⁰. Наличие во многих городах Восточного Казахстана мукомольных мельниц, в том числе в Усть-Каменогорске, Павлодаре, облегчило сбыт товарного зерна на местах, хотя большая часть его вывозилась.

Перевозка хлеба осуществлялась преимущественно с речных пристаней Павлодара, Усть-Каменогорска и Семипалатинска. Еще в 1883 г. через Павлодар в Тюмень для дальнейшей доставки в центральные губернии в течение летней навигации было отправлено 80 000 п. зерна. В 1892 г. на баржах было вывезено 181 000 п. хлеба, в том числе 10 000 п. ржи и 170 000 п. пшеницы¹⁷¹.

Зерновое хозяйство в Восточном Казахстане, связанное с городским рынком, под воздействием развивающихся капиталистических отношений на новой земле все больше принимало товарный характер. «Главным продуктом, производимым на продажу, — отметил В. И. Ленин в «Аграрном вопросе в России к концу XIX века», — становилось зерно»¹⁷². Рост товарного земледелия в крестьянских и казачьих селениях, близко расположенных к го-

¹⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 62; д. 5937, л. 96 об.

¹⁶⁸ Фридман Я. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1974.

¹⁶⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3075, л. 93.

¹⁷⁰ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — нач. XX вв. Томск, 1975. С. 232.

¹⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 27, д. 76, л. 34 об.

¹⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 121.

родам или степным ярмаркам, — важный показатель вовлечения края в общероссийский рынок, а через него и выход на мировой.

Однако рост зернового хозяйства, широкий сбыт хлеба среди местного, в том числе кочевого населения, не вытеснили традиционную торговлю скотом, которая, как и в прежние годы, довольно интенсивно велась на городских и степных ярмарках¹⁷³. Она притягивала к себе кроме жителей городов население казачьих и крестьянских селений, все большее число кочевников-казахов. Чем можно объяснить стабильность ярмарочной торговли? Во-первых, недостаточным развитием путей сообщения, что препятствовало установлению более устойчивых торговых связей между главными поставщиками — казахскими баями-скотопромышленниками и купцами; во-вторых, сложившимися традициями ярмарочной торговли; в-третьих, как указывалось и в дореволюционных источниках, кочевым образом жизни коренных жителей степи; в-четвертых, на ярмарке можно было приобрести товары широкого потребления, в которых кочевое население постоянно нуждалось.

Ярмарки были центрами, где обычно располагались лавки, магазины, занимавшиеся реализацией товаров фабрично-заводского производства. В документах часто встречаются сведения о том, что купцы, получая различные товары из центральных губерний, часть из них отдавали местным купцам в кредит, которые были осведомлены о потребностях кочевого населения через своих агентов и развозили нужные товары по ярмаркам, селам, приискам и по аулам инородцев¹⁷⁴. Торговля все более приобретала ростовщические черты.

Однако большую часть купли-продажи по-прежнему составляли скот и животноводческое сырье. На наш взгляд, если бы не огромное количество скота и запасов животноводческих продуктов, то степные ярмарки утратили бы свою роль в экономической жизни края. Размеры, характер торговых сделок стали отличаться от тако-

¹⁷³ Наиболее крупными ярмарками в Казахстане были Константиновская в Акмолинске, Тайнчикульская в Петропавловском уезде. К примеру, в 1897 г. сумма торговых оборотов Константиновской ярмарки достигла 4 074 962 руб. в т. ч. по привозу — 228 440 руб. и по сбыту 1 790 558 руб., объем торговли продукции животноводства составлял 83% // Обзор Акмолинской области за 1896 г. Омск, 1899. С. 55.

¹⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 91, л. 315.

вых в первой половине XIX в., когда организация закупки скота большими партиями была слабой. Теперь возникло торговое скотоводство. Новое байство (черная кость) разводили скот не только для собственных нужд, но и для рынка. Торговцы-баи поддерживали связи с ярмарками, в том числе с городскими, приспособляли свое хозяйство к нуждам рынка. «...В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоволческое хозяйство, в котором главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты», на концы В. И. Ленин в «Аграрном вопросе в России к концу XIX века»¹⁷⁵.

Дальнейшее развитие торгового скотоводства в некоторой степени зависело от потребностей внутреннего рынка, состояния городских, степных ярмарок, от уровня товарно-денежных отношений в экономике казахского аула и крестьянских селений.

В 1891 г. в Восточном Казахстане функционировало 14 ярмарок, общая выручка которых (не считая доли в 34 за внешнюю торговлю) достигла 17 368 000 руб. Самая крупная из них была Куяндино-Ботовская, которая ежегодно работала с 15 мая по 15 июня. С развитием капиталистических отношений увеличивался объем мануфактурных, бакалейных товаров, а также изделий российской промышленности, которые преимущественно ступали из Пермской, Тобольской губерний. Тол 1891 г. таких товаров было привезено на 322 300 руб.¹⁷⁶ Кроме того, российскими торговцами было доставлено на ярмарку 10 000 п. хлеба.

Скот на Ботовскую ярмарку пригоняли из Каркаралинского, Павлодарского уездов, но главным образом из Канальского, Верненского, Сергиопольского уездов Семиреченской области. Только за 1891 г. из этих уездов пригнали верблюдов — 1000, лошадей — 8000, рогатого скота — 10 000, баранов — 150 000 голов, всего на 431 440 руб. Купленный на ярмарке скот направлялся в Петропавловск, Ташкент, Омск, где производилась его забойка. В 1891 г. в Томскую губернию был отправлен один гурт рогатого скота на 600 голов и 6600 баранов в сопровождении 4 стражников, нанятых на ярмарке¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 17. С. 121.

¹⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 91, л. 315.

¹⁷⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3115, л. 8—10.

¹⁷⁸ Там же, л. 13.

Средние цены на скот на Куяндино-Ботовской ярмарке были следующие: верблюд — 20 руб., лошадь — 18 руб., рогатый скот — 10, семиреченский баран — 2 руб. 20 коп., местный 2 руб.¹⁷⁹ В разные годы цены заметно колебались. Например, в 1891 г. по сравнению с 1890 г. из-за отсутствия желающих покупать скот за наличные деньги, цены на скот были ниже. Поэтому большая часть сделок совершалась в кредит, а некоторые гуртовщики обменивали **СКОТ** на товары. Это было невыгодно для степных богачей, и значительная часть скота оставалась непроданной. Известные скотопромышленники Ботов, Колосов, Жиряков и Скажутин, покупавшие прежде до 50 000 баранов **каждый**¹⁸⁰, в конце 80-х — начале 90-х гг. редко посещали ярмарку сами, но посылали туда своих доверенных. В июне 1891 г. агенты Ботова купили 13 700 баранов, а Колосова — 6603 барана и 606 голов рогатого скота¹⁸¹. Остальные же скотопромышленники в связи с запрещением прогона купленного скота через Томскую губернию, непосредственно примыкавшую к Северо-Восточному Казахстану, вообще уехали с ярмарки, что значительно подорвало торговлю скотом.

На продажу на Ботовскую ярмарку было пригнано:

Год	Бараны	Лошади	Крупный рогатый скот	Верблюды
Пригнано				
1880	253033	111	8107	20
1885	300000	2000	11000	90
1889	270000	2000	6200	60
1890	120000	82000	6200	50
Продано				
1880	256033	111	8107	15
1885	84174	222	9952	56
1889	160000	316	3090	0
1890	33123	50	6450	8

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3115, л. 13.

Из таблицы видно, что торговля баранами за последние три года (1887—1890) заметно снизилась по сравнению

¹⁷⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3115, л. 11—13.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

нию с 1880 г. Это, на наш взгляд, следует рассматривать как начало упадка торговли мелким скотом. Данные таблицы также свидетельствуют о незначительном масштабе ярмарочного торга лошадьми и крупным рогатым скотом. Это объясняется тем, что под влиянием неуклонного перехода значительной части кочевников к земледелию складывалось оседло-скотоводческое хозяйство, когда основные виды крупного скота (кара мал — лошади, коровы) приобретали все большее значение в самих хозяйствах коренного населения. Низкий же объем привоза, тем более продажи верблюдов, был определен тем, что верблюд широко использовался и как вьючное животное, и как универсальное средство во время летних перекочевков.

В числе предметов, пользовавшихся у предпринимателей большим спросом, значатся джабаги, конский волос, верблюжья шерсть, армячина, овчина, необработанные кожи.

По свидетельству работников Куяндино-Ботовской ярмарки, торговля животноводческим сырьем была организована и велась на Ботовской «превосходно»¹⁸². Об этом говорят такие данные: в 1886 г. сырья на ярмарке было продано на 90 550 руб., в 1887 — на 72 320 руб., 1888 — на 94 130 руб., в 1889 — на 103 620 руб., 1890 — на 91 700 руб., в 1891 — на 189 627 руб.¹⁸³

Расширение посреднических услуг Куяндино-Ботовской ярмарки в конце XIX в. оказалось примечательным и в другом отношении. Расположение ярмарки вблизи Каркаралинска подняло хозяйственную роль последнего, как в свое время перевод Макарьевской ярмарки в Нижний Новгород усилил его значение в качестве главного узла торговли России со странами Востока.

Значительными по масштабам торговли были и другие ярмарки: Чарская только от продажи скота за 1891 г. имела 15 940 руб. дохода, Екатерининская в станице Семиярской Семипалатинского уезда — 91 090 руб.¹⁸⁴, доходы Сергиопольской ярмарки в 1899 г. составляли 78 000 руб.¹⁸⁵

Однако следует иметь в виду, что приведенные данные о товарообороте не являются исчерпывающими для опре-

¹⁸² ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3115, л. 13 об.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 91, л. 315.

¹⁸⁵ Обзор Семипалатинской области за 1900 г. Верный, 1901. С

деления действительных доходов отдельных ярмарок, так как они выражают лишь денежную стоимость купленного у кочевников скота. Различного рода сделки, заключенные между купцами и баями-скотоводами, здесь не учтены. В суммы ярмарочных оборотов также не включены выручки, полученные владельцами лавок и магазинов от продажи изделий фабрично-заводского производства. О том, что на ярмарках происходит оживленный обмен продуктов скотоводческого хозяйства на мануфактурные, бакалейные и прочие товары, привозимые преимущественно из европейской России, сообщается в **официальных отчетах**¹⁸⁶. Ярмарки, как правило, действовали в течение определенного времени, а не круглый год. Например, **Нарымско-Сергиопольская**, находившаяся в 8 верстах от станции Сергиопольской, — с 1 мая по 15 июня. В Павлодарском уезде: **Урлютюкско-Сергиевская** — с 25 сентября по 2 октября, **Покровская** (в станице **Баянаульской**) — с 1 по 7 октября, **Козьмо-Демьянская** в станице **Железинской** — с 1 по 8 ноября **ежегодно**¹⁸⁷. Уменьшилась доля традиционных изделий народов Центральной Азии в связи с ростом потребностей в промышленных товарах. Однако и торговля скотом не утратила своей роли. Как и раньше, бай-скотоводы пригоняли на ярмарки сотни тысяч голов скота. Даже возникла особая категория **купцов-гуртовщиков**¹⁸⁸. В 80-х гг. XIX в. только в Павлодар на продажу гуртовщиками пригонялось рогатого скота от 10 до 1500 **голов**¹⁸⁹.

Значительно возросло число торговцев, обосновавшихся в городах на постоянное жительство. Об этом говорят данные за 1898 г. (для сравнения приведены сведения и по другим городам Северного и Южного **Казахстана**): в Павлодаре купцов I гильдии — 1 чел., II — 63; в **Усть-Каменогорске** I гильдии — 1 чел., II — 35; в **Семипалатинске** I гильдии — 4 чел., II — 92; в Кокпектах I гильдии — 1 чел., II — 30; в **Каркаралинске** — вообще купцов — 21, в **Зайсане** — 32; в Омске I гильдии — 5 чел., II — 73; в Верном I гильдии — 6 чел., II — 56¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Обзор Семипалатинской области за 1897 г. Семипалатинск, 1898. С. 32.

¹⁸⁷ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1900.

¹⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 91, л. 315.

¹⁸⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1463, л. 21.

¹⁹⁰ Подсчитано нами по кн.: Сибирский торгово-промышленный календарь за 1900 г. Томск, 1901 (приложение). С. 139, 141, 143, 144, 146, 149.

Таким образом, торговля в городах в 50—60-х гг. XIX в. стала более оживленной. Этому в немалой степени содействовали административные реформы, в частности реформа 1867—1868 гг., отменявшая пошлины на городских рынках и ярмарках.

Степные ярмарки по-прежнему сохраняли свое значение как центры углубления хозяйственных связей между кочевым казахским и городским населением, жителями казахских станиц, деревень.

В экономическом подъеме Восточно-Казахстанского края и в упрочении торговых связей Усть-Каменогорска, Аягуза, Зайсана, Семипалатинска, Павлодара с Западной Сибирью исключительное место принадлежало Иртышскому водному пути. Было налажено пароходное сообщение, и в результате восточно-казахстанский хлеб во все увеличивающемся масштабе транспортировался через Верхне-Иртышские пристани в Омск, Тюмень и другие города, оттуда — в Европейскую Россию. Это послужило причиной роста товарного земледелия, расширения зернового хозяйства, связанных с городским рынком.

Восточно-Казахстанский край с его городскими и степными ярмарками постепенно становился потенциальным поставщиком зерна для мукомольных предприятий преимущественно Западной Сибири. Рассматривая центральные районы и национальные окраины как взаимно дополняющие части единого целого, В. И. Ленин «В развитии капитализма в **России**» обратил внимание на то, что «**развитие** промышленности в Центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают рынок одно для **другого**»¹⁹¹.

В лице новых баев-скотопромышленников появилась и постепенно окрепла национальная торговая буржуазия. Увеличилось число **алыпсаторов-перекупщиков**, саудагеров (**торговцев**); наблюдался рост удельного веса служащих городских торговых заведений. Все это способствовало повышению роли городов в расширении **хозяйственных** контактов казахских аулов с русскими крестьянскими селениями.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 252.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОРОДАХ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В XIX в.

В результате добровольного вхождения казахских земель в состав России **Казахстан** стал неотъемлемой частью хозяйственно-политического организма империи. В городах возникла и стала развиваться промышленность. Наличие богатейших природных ресурсов, скотоводческого сырья, рост промышленности в смежных с Казахстаном районах Алтая, Западной Сибири, Урала дали толчок к созданию в городах Восточного Казахстана предприятий обрабатывающей промышленности. Правительство своими официальными распоряжениями и указами поощряло это. В 1828 г. оно разрешило частным лицам заниматься золотодобычей на государственных землях. В окрестностях Баянаула Кокпектинского округа Омской области¹⁹² были обнаружены месторождения золота, серебра и других цветных металлов. Это послужило основанием для открытия там в 30—40-х гг. XIX в. горнозаводских предприятий.

В 1833 г. купцу Степану Попову было разрешено построить рудники и открыть золотые прииски во внешних округах Омской области, в которую входили и города Восточного Казахстана, а в 1836 г. им был основан в 80 верстах от Семипалатинска, близ редута Черемуховского плавильный завод¹⁹³. В 1838 г. в 200 верстах от Павлодара были открыты залежи каменного угля, а в 30-х гг. XIX в. — серебро-свинцовые месторождения в Каркаралинском и Павлодарском районах. На их базе работали несколько примитивных предприятий, Александровский плавильный завод. В июле 1849 г. здесь в восстановительных печах была смонтирована паровая машина, доставленная из Петербурга.

Правительство предоставило купцам и заводчикам из других губерний право на разработку полезных ископаемых. Так, в декабре 1836 г. главный начальник алтайских заводов выдал курганскому купцу второй гильдии Н. П. Токареву разрешение на разведку и разработку золотосодержащих россыпей и руд во внешних округах Омской области.

¹⁹² До 1838 г. Восточный Казахстан входил в состав Омской области, с 1838 г. в связи с ее упразднением был причислен к Томской губернии.

¹⁹³ ГАНО (Государственный архив Новосибирской области), ф. 149, оп. 1, д. 2, л. 3; Дильмухамедов, Д. Из истории горной промышленности Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 52.

В 50—60 гг. XIX в. в связи с расширением торговых отношений между городским и скотоводческим населением, ростом потребностей коренного населения в товарах первой необходимости начали создаваться небольшие предприятия по переработке животноводческих продуктов. В развитии кожевенного ремесла важнейшую роль сыграли бухарцы и ташкентцы, которых известный исследователь С. В. Бахрушин считал основателями этой отрасли¹⁹⁴. О состоянии кожевенной промышленности в городах в 50-х гг. XIX в. говорят следующие сведения за 1855 г.: в Усть-Каменогорске было 3 завода, объем продукции которых в денежном выражении составил 10 302 р. 50 к., в Семипалатинске — 6 заводов, вырабатывающих продукцию на 27 800 руб.¹⁹⁵ Для обработки кожи на заводах использовали сандал, железный купорос, квасцы, таловую кору, золу, которые поступали от городских жителей, но главным образом из Казахской степи. В основном выпускаемая продукция сбывалась в Казахской степи, незначительное количество отправлялось на Ирбитскую ярмарку.

Кроме кожевенных заводов в городах действовали мыловаренные, салотопенные предприятия. По данным за 1855 г., 2 мыловаренных завода в Усть-Каменогорске и 5 в Семипалатинске выпустили продукции на 1015 руб., 1 салотопенный в Павлодаре (на котором изготовлялось мыло и свечи) и 1 в Семипалатинске вырабатывали продукции на 4100 руб.¹⁹⁶ Количество вырабатываемого сала и мыла на отдельных предприятиях колебалось от 80 до 400—500 пудов в год¹⁹⁷. Свечи и мыло упрощенным способом изготавливали и кочевое население, однако объем вырабатываемой им продукции совершенно не удовлетворял нужды кочевников. Это побудило хозяев мыловаренных и салотопенных предприятий увеличить их мощность.

Одной из ведущих отраслей обрабатывающей промышленности в городах была мукомольная. Крупные мельницы имелись в Павлодаре и Семипалатинске. Л. Янушкевич в своих путевых заметках упоминает о мельничных жерновах, доставленных из-под Киева и обо-

¹⁹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 211.

¹⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 5, д. 137, л. 93.

¹⁹⁶ Архив Всесоюзного географического общества СССР, ф. 69, оп. 1, д. 3, л. 11.

¹⁹⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 3776, л. 17—33.

шедшихся хозяину мукомольной мельницы в 1000 руб. асигнациями¹⁹⁸.

Постепенно складывалось производство кирпича, что в известной степени было связано с ростом и благоустройством городов. В начале 60-х гг. XIX в. в Усть-Каменогорске было 3 кирпичных завода, в Семипалатинске — 16, производивших кирпичей на 1850 руб.¹⁹⁹ Однако, как и в первой половине XIX в., городская промышленность Восточного Казахстана оставалась незначительной.

В результате поощрительных мер правительства, заинтересованного в хозяйственном освоении Казахстана, а также стремления местных владельцев фабрик и заводов получать прибыли путем широкого сбыта своей продукции по произвольным ценам, городская обрабатывающая промышленность, начиная с 80-х гг. XIX в., стала развиваться более быстрыми темпами. Кроме того, быстро развивающаяся в центральных районах России легкая и пищевая промышленность из года в год испытывала потребность в коже, сале, хлебе и других товарах, которые производились на предприятиях национальных окраин, в том числе в Восточном Казахстане.

По мере упрочения в Казахстане административно-политической системы и усиления хозяйственного влияния России, промышленность Казахстана становилась частью общероссийской экономики. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые виды продукции местной промышленности были отправлены на Всероссийскую промышленно-художественную выставку, организованную в 1881 г. в Москве. В перечень предметов, которые предполагалось доставить в Москву через Тюмень, были включены образцы кендира (бечевки), каменного угля, добываемого на берегу Иртыша, джабаги, шерсти, красильных трав и зерна²⁰⁰.

К 60-м гг. XIX в. появляется новая отрасль — винокуренная. В 1882 г. винокуренных заводов было 2: в Сергиополе, выработка продукции на котором исчислялась 18 400 руб. в год, и в Семипалатинске, где было выкурено 100 805 ведер спиртоводочных изделий²⁰¹, предназначавшихся в основном для местных потребителей. Для срав-

¹⁹⁸ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С. 6.

¹⁹⁹ Географически-статистический словарь Российской империи. Спб., 1873. Т. 4. С. 556.

²⁰⁰ ЦГА КазССР. ф. 460, оп. 1, д. 26, л. 46. Там же. л. 30.

нения скажем, что винокуренные заводы некоторых городов Южного Казахстана не только обеспечивали вином этот регион, но и имели излишки, сбывавшиеся в Сырдарьинскую и Семипалатинскую области²⁰².

Как и в предыдущие годы, в 60-х гг. ведущей отраслью городской промышленности была кожевенная, объемом производства продукции которой зависел от состояния скотоводческого хозяйства. В связи с этим все более товарными становились и продукты животноводства: невыделанные кожи, шерсть, конский волос. Источники не содержат сведений, в каком размере скотоводы их привозили. Надо полагать, в незначительном, ибо основная часть животноводческого сырья шла для удовлетворения их повседневных хозяйственных нужд, например, для изготовления арканов (веревки), кендира (бечевки), кап (шерстяных мешков), торсук, саба (посуды из кожи для хранения кумыса).

О производственных возможностях кожевенных заводов говорят данные за 1882 г.*.

	Число предприятий	Годовая продукция, шт.	Сумма, руб.
Кокпекты	1	1560	10000
Павлодар	1	500	1500
Семипалатинск	5	5728	45398
Усть-Каменогорск	7	6316	35256
Сергиополь	16	-	61393

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3982, л. 30, 42; оп. 1, д. 4032, л. 4.

Согласно этой таблице, наибольшее число кожевенных предприятий находилось в Сергиополе, хотя по численности населения и административно-политическому положению он заметно уступал другим городам Восточного Казахстана. В последующие годы преимущество Сергиополя в развитии кожевенного ремесла также было очевидно: в 1884 г. в нем было 12 кожевенных предприятий²⁰³, в 1890 г. только на двух его кожевенных заводах

²⁰² Зенков Я. М. О винокуренной промышленности в Семиреченской области // Материалы для статистики Туркестанского края. Спб., 1874. Вып. 3.

Обзор Семиреченской области за 1884 г. Ведомость № 1. Верный, 1884.

было выделано 635 кож разных сортов на 3166 руб.²⁰⁴ В городе Лепсинске, административно входившем в Сергиопольский уезд Семиреченской области, и его окрестностях находилось 11 кожевенных заводов, которые обрабатывали в год 6675 шт. кож²⁰⁵. Это можно объяснить выгодным расположением Лепсинска и других поселений одноименного уезда среди кочевий казахов. Ежегодно из Семиреченской области на Ботовскую ярмарку через эти пункты прогоняли десятки тысяч голов скота. Сергиополь к тому же был первым русским поселением (основан в 1831 г.) на стыке Семиреченской и Семипалатинской областей и в расширении русско-казахских хозяйственных связей сыграл важную роль.

Со скотоводческим хозяйством были связаны и салотопенные предприятия. В 1882 г. их насчитывалось: один в Усть-Каменогорске (с годовой продукцией в 500 п. на 1500 руб.), два в Павлодаре — 200 п. на 680 руб., пять в Семипалатинске — 6150 п. на 25345 руб.²⁰⁶ Для сопоставления можно привести сведения по некоторым городам Северного Казахстана. В 1884 г. в Акмолинске (Шелиноград) было 2 салотопенных завода²⁰⁷, несколько заводов находилось в Петропавловске. Самый крупный из них принадлежал купцу Абдулле Юсупову.

Дальнейшее развитие получила мукомольная промышленность, но в техническом отношении она оставалась слабой, так как большинство мельниц были ветряными. В 1874 г. на р. Аягуз было 4 мельницы, в урочище Батпакты, недалеко от Сергиополя — 8, на которых перерабатывалось 1105 п. муки, 78 п. крупы, 50 п. солода; в станице Урджарской было 16 мельниц, производительность которых составляла 2010 п. муки, 100 п. крупы, 65 п. солода в год. В 1883 г. в Сергиополе действовало 8 мельниц²⁰⁸.

Среди городов Восточного Казахстана в конце XIX в. относительно высокими темпами экономического роста выделялся Усть-Каменогорск, который, по выражению одного путешественника представлял собою «более рус-

ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 3077, л. 126.

Подсчитано по: ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3077, л. 103—104.

ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 3982, л. 4—26.

Там же, д. 243, л. 32.

²⁰⁶ О числе заводов, фабрик и мельниц в Семиреченской области / Материалы для статистики Туркестанского края. Спб., 1876. Вып. 3. С. 286.

ский город, чем Семипалатинск»²⁰⁹. В 1890 г. производительность только двух кирпичных заводов в Усть-Каменогорске составляла 20 000 штук обожженного и сырцового кирпича на сумму 1435 р. 50 к.²¹⁰

Число предприятий в городах из года в год менялось. Некоторые фабрики и заводы в связи с уменьшением спроса на их изделия закрывались. Появились новые предприятия, на товары которых спрос возрастал. Установить точное их количество в отдельные промежутки времени не представляется возможным из-за отсутствия или противоречивости сведений. Дореволюционные справочно-статистические издания содержат лишь эпизодические данные по отдельным отраслям городской промышленности. То же можно сказать и в отношении архивных материалов. Однако сопоставление сведений за отдельные годы дает некоторое представление об основных направлениях промышленности в городах.

В 1895 г. в Зайсане было 3 кожевенных, 1 шубный завод, 3 мельницы; в Усть-Каменогорске 6 кожевенных, 2 лескобойных, салотопенный, 4 мыловаренных, 5 маслобойных, 4 овчинных, 4 кирпичных заводов, мельница; в Павлодаре — 2 салотопенных, 2 мыловаренных, 2 кирпичных, пивоваренный завод²¹¹. В 1897 г. в Зайсане, Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Павлодаре. Кокпектах было 13 салотопенных, свечных, мыловаренных, 23 кожевенных заводов, 5 овчинных²¹². Но эти сведения не в полной мере отражают состояние промышленного развития городов, ибо они не включают данных о количестве винокуренных, спиртоводочных, дрожжевых, гончарных заводов.

Наличие в Восточном Казахстане соляных озер стимулировало развитие соляной промышленности. Производство соли строго контролировалось местной колониальной администрацией. Свободная добыча соли на соляных озерах кочевникам не разрешалась. Положениями Главного управления Западной Сибири от 4 марта 1849 г. и 23 июля 1860 г. казахам-скотоводам запрещалось

²⁰⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3045, л. 97—104; Поездка по Китайской границе от Алтая до Тарбагатай // Русский вестник. Спб., 1871. Т. 39. С. 581.

²¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3104, л. 12—14.

²¹¹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г.: Справочный отдел. Томск, 1900. С. 131—135.

²¹² Сибирский торгово-промышленный календарь на 1900 г. Томск, 1901. С. 1.

лось не только кочевать или пасти скот вблизи озер и около дорог, по которым перевозилась выломленная соль, но и приближаться к ним на расстоянии до 20 верст²¹³.

Выломка соли в Семиреченско-Семипалатинском горном округе государственными хозяйственными учреждениями не производилась, а велась только частными арендаторами соляных участков. Из 16 соляных месторождений по левому побережью Иртыша арендаторами разрабатывались только два: Карасукское и Коряковское, а из 28 небольших месторождений на левобережье Иртыша соль добывалась на оз. Карабашском. Здесь разрешалось добывать соль и казахам. Они могли безвозмездно брать от 5 до 10 пудов на одну кибитку. Это снижало потребности кочевников в соли. Об объеме выломки соли говорят данные за 1897 г.: арендаторами пяти участков Коряковского, трех Карасукского и двух участков Карабашского соляных озер было добыто 360 000 п., а всего в этом районе — 1 650 069 п., что на 750 528 п. больше, чем в 1896 г.²¹⁴

Городская промышленность Восточного Казахстана в своем становлении и развитии была связана с горно-заводскими предприятиями, возникшими в 30-х гг. XIX в. в районе месторождений цветных металлов и других полезных ископаемых. Владельцами многих приисков, рудников были состоятельные купцы. Продукция заводов горного промысла непосредственно сбывалась в городах, ее объем и сбыт в известной мере находились в зависимости от городского рынка. Транспортировка каменного угля, свинца, меди в промышленные центры Западной Сибири, в центральные районы производилась через Усть-Каменогорские, Павлодарские, Семипалатинские пристани и Зайсан.

В фонде № 64 Степного генерал-губернаторства Центрального архива Казахской ССР хранится немало договорных обязательств, свидетельств и соглашений, которые позволяют выявить связи городского купечества с горнозаводской промышленностью. В нашей работе мы попытались выявить, как города способствовали развитию горной промышленности.

В городах происходило оформление и выдача так называемых «дозволенных свидетельств»²¹⁵, дававших

ГДАК, ф. 3, оп. 2, д. 100, л. 6.

²¹⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1990 г. С. 134.

²¹⁵ ЦГА КазССР. ф. 212, оп. 1, д. 226, л. 7, 8.

купцам и другим предпринимателям право на поиск месторождений металлов и других богатств. Оно было выгодным и приносило немалые доходы и казне, так как за каждое свидетельство взималась определенная сумма денег в виде предварительного взноса. Чтобы обеспечить своевременное внесение арендаторами участков установленной суммы, арендный взнос вносили за год вперед, квитанции же об уплате предписывалось предъявлять Томскому Горному Управлению. В противном случае арендатор терял право на продолжение разведочных работ на временно предоставляемой ему местности²¹⁶. Так, мещанину г. Зайсана К. Н. Собачкину 10 февраля 1896 г. было выдано «дозволительное свидетельство» о праве на разведку месторождений ртути в в ущелье Лак-сай по речке Малой Джемени на участке в 4 квадратных версты в течение трех лет, за что он обязался вносить в казну по 30 руб. ежегодно²¹⁷.

Серебро, свинец, медь, каменный уголь, добываемые на предприятиях Семиреченско-Семипалатинского округа, на лошадях, верблюдах или быках привозили в города, затем сухопутным маршрутом или пароходами доставляли в пункты назначения. Транспортировка большей части свинца и меди осуществлялась через Павлодар, отсюда пароходами — в Омск, Тюмень. Уголь с места добычи перевозили по железной дороге до Воскресенской пристани, которая соединялась 109-верстной дорогой с Экибастузскими каменноугольными копиями. Медь, свинец, жерновой камень, алебастр, бурый уголь в небольшом количестве продавались городским жителям. С ростом фабрик и заводов горно-заводская промышленность в еще больших масштабах обеспечивала горожан в твердом топливе и в других продуктах.

Возникновение в Восточном Казахстане промышленности сопровождалось формированием рабочих. Первобытность технического оснащения фабрик и заводов, которые в начальной стадии развития можно было бы отнести к разряду ремесленных предприятий, обусловила то, что главной этносоциальной группой городского предпролетариата были казахи-кочевники. На горно-заводских предприятиях в 30—40-х гг. XIX в. наряду с русскими — жителями городов и приписными крестьянами — были заняты также казахи, которые не имели скот;

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

это были бедняки, находившиеся на грани голодной смерти вследствие джута и других несчастий. Еще 1 июля 1809 г. комендант Семипалатинской крепости полковник Русанович распорядился выдать специальные билеты 14 казахам «для прокормления (их. — Ж. К.) работами в заводском округе»²¹⁸. С этого времени стали отпускать разорившихся казахов для найма на заводские селения. Однако для этого требовалось предварительное согласие канцелярии горного начальства. Разрешение давалось лишь тем, которые «вели бы себя мирно и спокойно и дурных, нарушающих тишину поступков не совершали»²¹⁹. Пограничные власти намеревались привлечь казахов к работе на рудниках, приисках, а также в городской промышленности и из политических соображений, «дабы как можно приохватывать киргиз-кайсаков в Российское подданство»²²⁰. То есть правительство преследовало следующие цели: обеспечить горные и другие предприятия дешевой рабочей силой, а также ускорить процесс присоединения Казахстана к России.

Видя благосклонность комендантов укреплений, коренные жители степи заходили со скотом и кочевали вблизи заводских селений, что, как доносило начальство, в 1815—1817 гг. «причиняло стеснение и многие затруднения»²²¹. Очевидно, это и послужило поводом к тому, что в октябре 1816 г. последовало распоряжение начальника Сибирских Пограничных линий генерал-лейтенанта Глазенапа Г., ограничивавшее передвижение казахов на землях, принадлежавших горному округу. «Праздношатающихся» по крепостям и редутам было предписано принимать в «вольную работу, кто взять пожелает за условную плату»²²². Это было на руку хозяевам городских кустарных предприятий, которым наем обнищавших кочевников обходился дешевле.

«Отпуск киргиз для нахождения у крестьян (владельцев небольших кустарных предприятий. — Ж. К.) по добровольному условию, какого ведомства они ни были, не представляет ни вредности для жителей, ни ущерба имуществу, принадлежавшему кабинету, а, напротив, усматривается обоюдная польза как для крестьян, так и

²¹⁸ ГАНО, ф. 869, оп. 1, д. 97, л. 17.

²¹⁹ ГАНО, ф. 869, оп. 1, д. 97, л. 18.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же, л. 21.

Там же, л. 23.

для киргиз», — к такому выводу пришел в 1827 г. Усть-Каменогорский земский суд, рассмотревший положение казахов, работавших на крестьянских промыслах. Такого же мнения придерживался исполняющий обязанности начальника Омской области полковник Гриневский²²³.

По отзывам чиновников, имевших возможность наблюдать за жизнью казахов-сезонников, они отличались «своей исполнительностью, трезвостью, неутомимостью и дешевизной», и запрет им поселяться вблизи предприятий обернулся бы ущербом производительности фабрик и заводов²²⁴.

Со второй половины XIX в. в результате присоединения казахских земель к России и, кроме того, расширения хозяйственного обмена между городами и казахскими аулами, углубившего социальную дифференциацию и разложение патриархально-феодальных пережитков, начался процесс формирования казахского пролетариата, который был ускорен широким распространением отходничества. Часть казахов (джатаки) стали хлебопашцами, вели оседлый образ жизни и облагались налогами наравне с бывшими приписными крестьянами — 6 руб. на человека²²⁵. Среди джатаков, осевших вблизи городов, встречались и зажиточные люди, которые, «заводя приличные дома, обстановкой своей домашней жизни во многом подражали вкусу городской жизни»²²⁵.

Но главная масса крестьян-бедняков в поисках средств существования шла в города и впоследствии явилась главным источником формирования и увеличения численности городского предпролетариата. О масштабе отходничества свидетельствует количество выданных ушедшим на заработки билетов за 1887 г.: по Усть-Каменогорскому уезду — 7028, по Семипалатинску — 6728, по Зайсанскому — 706, по Павлодарскому — 2036, по Каркаралинскому (для сравнения) — 3656 билетов²²⁷. Такое положение с незначительными колебаниями удерживалось до конца XIX в.

В 1895 г. волостными управителями было выдано паспортов (билетов): по Усть-Каменогорскому уезду — 7450, по Семипалатинскому — 7156, по Павлодарскому — 2684,

²²³ ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 15, л. 33 об.

²²⁴ Там же.

²²⁵ ГААК, ф. 3, оп. 2, д. 109, л. 8.

²²⁶ ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 360, л. 3 об.

²²⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 52.

по Зайсанскому — 1012, по Каркаралинскому — 4438²²⁸. Разница в количестве выданных билетов почти за десятилетний срок составила 3346 билетов. Мы полагаем, что приведенные сведения не отражают точно уровень отходничества, ибо зачастую казахи уходили на заработки без паспортов, что затрудняло их точный учет.

На одном предприятии в среднем работало 4-6 человек²²⁹. Рабочий день длился 10—12 часов³⁰. Заработная плата рабочих зависела от характера отрасли городской промышленности. Так, в 80-х гг. XIX в. на предприятиях кожевенной промышленности среднемесячная зарплата была 5—6 руб., годовая — от 60 до 100 руб.²³¹ Положение рабочих, особенно сезонников, было очень тяжелым. Жили они большей частью в своих юртах, редко в специально выстроенных для них темных, грязных и тесных помещениях.

Созданные в городах и их окрестностях фабрики и заводы представляли собой лишь слабые зачатки кустарной промышленности. Низкая покупательная способность городского населения, узость рынка сбыта продукции местной промышленности усугубляли экономическую отсталость края. Все это дает основание считать городскую обрабатывающую промышленность Восточного Казахстана ранней формой капиталистического развития, охарактеризованного В. И. Лениным «средневековым, зачаточным»²³².

Но даже такой незначительный уровень развития городской промышленности оказался важным в формировании внутреннего товарного рынка, в расширении хозяйственного обмена с казахским аулом, с одной стороны, с горным промыслом — с другой. Последствием этого было углубление взаимовлияния городского населения и жителей приисков. Через города в казахский аул стали проникать капиталистические элементы, в немалой степени ускорившие разложение патриархально-фео-

дальных производственных отношений и традиций со всеми его последствиями. Все это позволило нам сформулировать тезис о том, что города Восточного Казахстана явились связующим звеном в упрочении разносторонних отношений городов с кочевниками, особенно в период развития капитализма вширь. В данной связи уместно привести слова В. И. Ленина о том, что отвлечение населения в города «вырывает его из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает в водоворот современной общественной жизни... приводит к росту городов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел и местечек»²³³.

²³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576, 581.

²²⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. С. 150.

²²⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3045, л. 73—74; д. 314, л. 64; д. 3982, л. 80, 42. Статистика Российской империи. Спб., 1893. Т. 27. Вып. 5. С. 38.

²³⁰ ГААК, ф. 3, оп. 3, д. 118, л. 10 об; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3104, л. 14; д. 3077, л. 102—103.

²³¹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3045, л. 74; д. 3104, л. 27, 14; ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 2, л. 46.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 333.

Глава II. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В результате добровольного вхождения Среднего и части Старшего жузов в состав Российской империи были значительно расширены хозяйственные и другие связи между кочевым казахским, русским, крестьянским, казачьим и городским населением. Усиление торгового обмена, появление в городах заводов и фабрик по переработке животноводческого сырья, установление и дальнейшее укрепление связей с горнозаводскими предприятиями стимулировало заселение этих районов, способствовало усилению подвижности населения (внутренней миграции). Произошли изменения в этнодемографическом составе, сословно-религиозной структуре городского населения изучаемого региона.

Существенным фактором роста населения городов и сельских поселений явилось превращение Усть-Каменогорска, Павлодара (Коряковска), Сергиополя (Аягуза), Семипалатинска и др. в центры торгово-экономических контактов Казахстана с Россией, в особенности с Западной Сибирью, и со среднеазиатскими странами. В связи с усилением административно-хозяйственного и культурного значения городов увеличивалась численность их жителей. В 1825 г. в Усть-Каменогорске насчитывалось 1304 чел., Бухтарминске — 718¹, Семипалатинске, заштатном городе Омской области, — 2000 чел.²

Упрочение русско-казахских взаимосвязей привело к постепенному увеличению в городском населении удельного веса казахов, что было обусловлено переходом ко-

¹ ГААК, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 34.

² Финш О., Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 91.

ренных жителей степи к оседлому образу жизни. Правительство, заинтересованное в завершении присоединения края к России, в его хозяйственном освоении, поощряло переход казахов к оседлости. В 1809 г. командир войск Сибирской линии предписывал комендантам крепостей «склонять (казахов. — Ж. К.) ко вступлению в вечное Российское подданство, и, дабы они привыкли к земледелию и прочим трудам, позволить им заниматься оным...»³. Далее он указывал на «необходимость дать им места в границах Российских на дистанции между крепостями Ямышевской и Железинской»⁴.

Преимущества оседлой жизни были хорошо известны кочевникам. Чиновник по особым поручениям Трофимов в докладной записке, составленной в августе 1839 г., подчеркивая стремление кочевых населения к оседлости, писал, что они «с завистью смотрят на удобства и пользу оседлости... Из кочевавших же около Семипалатинска уже 61 семейство живет домами в самом городе и слободах на левом берегу Иртыша»⁵. Однако царские чиновники на местах, проводя колониальную политику по отношению к казахам-кочевникам, порой препятствовали им селиться в городах. «Нельзя не сожалеть и не удивляться, что вместо поощрения их к тому и придания нужных способов они (казахи. — Ж. К.) встречают на местах строгое пресечение и надзор, чтобы ничего из дерева для жилищ строить не смогли», — писал тот же Трофимов⁶. Еще в 1818 г. комендант Усть-Каменогорской крепости охарактеризовал казахов-кочевников как «немогущих иметь никакой оседлости»⁷. Генерал-майор Ставицкий, побывавший в казахских степях в 60-х гг. XIX в., писал, что «киргизы (казахи. — Ж. К.) вообще ведут кочевую жизнь, ненавидят хлебопашество, и не думаю, когда-либо приучены к оному (к оседлости, хлебопашеству. — Ж. К.), к пастушеской (т. е. кочевой. — Ж. К.) жизни имеют непреоборимую склонность»⁸.

Несмотря на такие заверения, переход казахов на постоянное жительство в города стал обычным явлением. В архивных материалах имеются такие записи: «Вообще так называемые верноподданные киргизы постепенно

³ ГАОО, ф. 869, оп. 1, д. 97, л. 16, 37.

⁴ Там же, л. 34.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1112, л. 190.

⁶ Там же.

⁷ ГАОО, ф. 869, оп. 1, д. 97, л. 35.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 26 000, л. 3.

водворяются оседлой жизнью между крепостями Коряковскою, Ямышевскою»⁹. В числе первых жителей Кокпектов — оседлого русского центра — в 30-х гг. XIX в. было немало казахов, которые имели в окрестностях или в самой станице свои дома¹⁰.

Население городов росло также за счет расквартированных в них военных¹¹. Удельный вес русских жителей увеличивался в основном благодаря постоянному присутствию в станицах и городах воинских частей. Например, только лишь в 1847 г. в Кокпектинскую станицу была введена для квартирования сотня казаков¹².

В 40-х гг. XIX в., по архивным данным, в Западной Сибири было 2 губернских, 15 уездных, 15 заштатных, 6002 поселения другой категории, включая деревни¹³. По численности жителей Усть-Каменогорск (2181 чел. за 1840 г.), Семипалатинск (5221 тыс. за тот же год)¹⁴, Коряковск (Павлодар) занимали заметное место среди городов данного края. С открытием в 1824 г. в составе «Области сибирских казахов» Каркаралинского, в 1831 г. Кокпектинского, Аягузского (Сергиопольского) административных округов число городских поселений значительно возросло.

Появление в степи оседлых русских центров способствовало установлению экономических связей между казахами-кочевниками и русскими. Аягуз был центром семи округов Среднего жуза. На территории Аягузского округа, по данным А. Янушкевича, в 1847 г. кочевало 50 000 казахов¹⁵. Каркаралинск, расположенный на территории казахских родов, кочующих между озером Балхаш и Иртышской линией, служил «прикрытием диагональных» караванных путей из Петропавловска в Капал и из Семипалатинска в Ташкент¹⁶.

Рост городского населения обусловил заметное расширение градостроительства и соответственно увеличение занимаемых площадей. Например, в Семипалатин-

ске в 1835 г. было 684 дома, в 1851 — уже 880, в Усть-Каменогорске число домов возросло с 284 в 1835 г. до 375 в 1851 г.¹⁷

Часть жителей городов была связана с торговлей, поэтому купечество составляло довольно значительный процент населения. Согласно ведомости «об азиатках», поселившихся в Западной Сибири в 1830 г., только лишь в Семипалатинске одних торговцев с детьми было 54 семьи, в Усть-Каменогорске — 3¹⁸. Среди них встречались и казахи, избравшие торговлю источником своего существования. По данным И. Завалишина, на 1866 г. в Семипалатинске было 378 (местных) купцов, иногородних — 109, так называемых «гостей» — 90¹⁹. В исследовании М. Венюкова этот город назван местом, где особенно сосредоточены купцы²⁰. В 1867 г. в Павлодаре купцов мужского пола было 84²¹. В Каркаралах на 155 домов, имевшихся в городе, приходилось 36 купеческих лавок²².

Все это говорит о том, что торговля явилась важным фактором увеличения численности населения, подтверждая положение В. И. Ленина о том, что «население городов, представляющих из себя крупные... торговые центры, растет гораздо быстрее, чем население городов вообще»²³. Применительно к изучаемому региону справедлив вывод Т. Стенли о том, что «рост городов... был следствием внутренней торговли»²⁴.

Присоединение казахского края к России, в том числе восточных районов Старшего жуза, расширение его экономических связей с Россией оказали определяющее воздействие на этнодемографические процессы в городах. Число жителей в городах Восточного Казахстана в 1855 г. распределялось следующим образом: Семипалатинск — 4514 мужчин, 3185 женщин, Усть-Каменогорск — 2399 мужчин, 1072 женщины²⁵. Правда, в работах американско-

⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1112, л. 431.

¹⁰ Герасимов Б. Первые оседлые засельщики Кокпектинского округа // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Вып. 7. 9-я пагинация. Семипалатинск, 1914. С. 10.

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, л. 6830, л. 1.

¹² Герасимов Б. Первые оседлые засельщики... С. 8

¹³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 26000, л. 88 об.

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 424, оп. 1, д. 234, л. 7.

См.: Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966. С. 43.

¹⁵ ГА А К, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 34.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1112, л. 361.

¹⁹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. С. 70.

²⁰ Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ. М., С. 262.

²¹ АВГО СССР. Разряд 60, оп. 1, д. 3, л. 776.

²² Красовский М. Область сибирских киргизов. Спб., 1868. Ч. 3. С. 245.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 560.

²⁴ Stanley G. H. Patterns of urban growth in the Russian empire. P. 239

²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1265, оп. 13, д. 36а, л. 224.

го исследователя Т. Стенли по истории городов Российской империи в XIX в. данные занижены (1857 г.): Усть-Каменогорск — 2202 человека обоюбого пола, Семипалатинск — 6189 человек²⁶. За два года городское население Семипалатинска не могло сократиться на 1210 человек, т. е. почти на 16 % и на 2269 в Усть-Каменогорске, т. е. более чем на 36 %. В отдельных городах наблюдалось уменьшение жителей. Так, в Усть-Каменогорске в 1861 г. было 3334 человека²⁷, в 1863 г. — 3232²⁸. Число жителей Семипалатинска в 1862 г. составляло 8997 человек²⁹. В Каркаралах в 1866 г. было 611 человек, в Баянаульском поселении — 740³⁰. В Павлодаре всех городских жителей насчитывалось в 1867 г. 1033 человека: из них мужского пола — 534, женского — 499³¹.

Заметный рост населения в городах в известной степени объясняется ускорением перехода казахов к оседлости под влиянием более развитой экономики России и социально-экономических процессов в казахском обществе. К 1879 г. в Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах проживало около 120 000 казахов³².

О соотношении двух основных этнических групп — казахов и русских, составлявших большинство населения городов Восточного Казахстана, говорят следующие данные (нач. 80-х гг.)*:

	Русские	Казахи
Семипалатинск	12857	6497
Усть-Каменогорск	5659	259
Зайсан	2633	122

* Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. С. 215.

²⁶ Stanley Th. Patterns of urban growth in the Russian empire... Р. 120.

²⁷ Абрамов Я. Усть-Каменогорск в 1861 г. // Записки ИРГО. Кн. 4. Спб., 1867. С. 120.

²⁸ Городское население Российской империи. Спб., Т. 4, 1864. С. 197.

²⁹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Спб., 1867. Ч. 3. С. 69.

³⁰ Там же. См.: Приложение.

³¹ АВГО (Архив Всесоюзного географического общества). Разряд 69, оп. 1. д. 3, л. 7.

³² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 26000, л. 33.

Что касается русского населения, то оно в основном состояло из служащих административно-чиновничьего аппарата, воинских чинов местных гарнизонов и казаков, которые не только несли службу, но и занимались земледелием и нередко имели значительные стада скота. О численности военных в городах Восточного Казахстана можно судить по следующим сведениям: в Семипалатинске в начале 70-х гг. XIX в. было расквартировано 5 рот, в Усть-Каменогорске — 2 роты пехоты³³.

Со второй половины XIX в. численность казахоз-кочевников, оседавших по разным причинам в городах, все возрастала. В основном они искали работу на городских предприятиях, пополняя ряды рабочих. По справедливому утверждению Е. Бекмаханова, население городов Казахстана во второй половине XIX в. увеличивалось за счет беднейшей части казахов-джатаков, оторвавшихся от земледелия и живших продажей своей рабочей силы³⁴. Это было характерно и для городов Восточного Казахстана. К сожалению, в документах по переписи населения сведения о числе казахов, приехавших на «отхожие заработки», встречаются редко. В. И. Ленин отмечал, что «известная часть отхожих... регистрируется в числе личного населения городов... Но только часть, ибо при бродячем характере этого населения его трудно учесть переписью отдельных центров; а затем переписи населения бывают обыкновенно зимою, тогда как наибольшая часть промысловых рабочих уходит из дому весной»³⁵.

В состав городского населения Восточного Казахстана входили кроме русских и казахов татары, сарты (узбеки), особенно в Семипалатинске и Кокпектах³⁶.

Росту населения способствовал в определенной степени и тот факт, что Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Каркаралинск и др. использовались как мес-

³³ Там же. л. 314.

³⁴ См.: Бекмаханов Е. Б. Присоединение... С. 215. О росте отходничества косвенно можно судить по числу билетов, выдававшихся уездными начальниками казахам, отколовшимся от своих аулов. Данные за 1887 г.: по Усть-Каменогорскому уезду — 7028, по Семипалатинскому — 6728, по Зайсанскому — 706, по Каркаралинскому — 3656, по Павлодарскому — 2936 билетов, а всего в том году было выдано 20154 билета. См.: (Об этом см.: Касымбаев Ж. А. О роли отходничества в расширении рынка наемного труда в Казахстане (вт. пол. XIX в.) // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989. С. 91.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 570.

³⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19275, ч. 2, л. 231.

та ссылки для политзаключенных. Это не был доминирующий фактор увеличения рассматриваемого нами показателя, но следует отметить, что политические ссылки сыграли большую роль в политическом и культурном развитии края. Численность их в различных населенных пунктах края была немалая. Так, в 1855 г. в Усть-Каменогорске отбывало ссылку 108 человек, в Семипалатинске — 22 человека³⁷. В 1863 г. в городах Восточного Казахстана (без Сергиополя и Бухтармы) насчитывалось политических ссыльных с женами и детьми 129 человек³⁸.

Росту численности населения края способствовало и появление промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья: мыловаренных, салотопенных, маслобойных и других. Только в 1882 г. в городах Восточного Казахстана имелись 77 действующих фабрик и заводов с 344 рабочими³⁹. Часть городских жителей составляли ремесленники, которых в 1887 г. было мастеров 991, рабочих 248, учеников 99 человек⁴⁰.

Проникновение в Казахские степи капиталистических отношений, разложение патриархально-феодалного строя и вместе с тем укрепление торгово-экономических связей с промышленными районами России, вовлечение хозяйства казахов в систему общероссийской экономики — все это содействовало росту населения городов.

Определенную часть горожан составляли переселенцы, небольшими группами прибывшие из внутренних губерний России. «С открытием весны, ежегодно, через Семипалатинскую область начинают тянуться партии переселенцев, главным образом из губерний Европейской России», — зафиксировано в обзоре Семипалатинской области за 1887 г. За этот год только лишь через Семипалатинск прошли 53 семьи, составлявшие 244 человека⁴¹, часть этих переселенцев осталась жить в городе. Например, население Усть-Каменогорска с 3874 человек в 1861 г.⁴² увеличилось до 5372 человек в 1882 г.⁴³. О заметном росте населения городов региона в 80-х гг. XIX в.

³⁷ ЦГИА СССР. ф. 1265, оп. 3, д. 36а, л. 223—224.

³⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5, 297, л. 145.

³⁹ Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Семипалатинск, 1884. С. 8.

⁴⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 50.

⁴¹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 73 об.

⁴² Завалишин И. Описание. . . С. 83.

⁴³ Обзор Семипалатинской области за 1883 год. С. 14.

(по сравнению с 60-ми гг. XIX столетия) говорят такие данные*:

	1883	1887
Семипалатинск с казачьим форштадтом	16153	19310
Усть-Каменогорск с казачьим форштадтом	5372	7119
Кокпекты с казачьим форштадтом	2643	2752
Каркаралинск со станицей	1548	2005
Павлодар с казачьим форштадтом	2517	4224

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 63, 65.

При сравнении данных за 1883 и 1887 гг. можно выявить значительное увеличение численности населения по всем городам: общее число горожан (без данных по Аягузу, Бухтармы и Зайсана) достигло в 1887 г. 35 420 чел. обоюго пола против 24 468 в 1883 г.

Перечисленные факторы определяли также характер занятий, этнический, социальный и сословный состав жителей городов Восточного Казахстана в 70—80-х гг. О структуре жителей городов по вероисповеданию говорят следующие данные (1885 г.)*:

Вероисповедание	Семипалатинск	Усть-Каменогорск	Кокпекты	Аягуз	Капал
Православные	3882	2774	2329	1519	4425
Католики	38	73	6	5	31
Иудаисты	17	21	—	2	27
Магометане	3458	600	214	158	215
Прочие	4	2	—	2	27

* ЦГИА СССР. ф. 1265. оп. 5, д. 137, л. 74об.

По сведениям И. М. Ядринцева, в начале 80-х гг. XIX в. в Сибири было 60 городов⁴⁴. Самые значительные из них имели население по 30 000 чел., четыре города — от 15 000 до 20 000 чел.

При рассмотрении процесса формирования населения определенный интерес представляет показатель распре-

⁴⁴ Ядринцев И. Культурное и промышленное состояние Сибири. Спб., 1884. С. 27.

деления городского населения по сословиям. Эти сведения важны для характеристики тех изменений в сословном составе городского населения, которые произошли в 80-х гг. XIX в. Развитие капиталистических отношений в Казахстане объективно привело к тому, что сословия теперь становятся неоднородными, состоящими из представителей различных классов. В нижеприведенных данных отражен сословный состав населения городов Восточного Казахстана (1887 г.)^{*}:

	Семейный	Удельный	Павлодар	Кокшетау	Казах	Зайсан	Всего
Дворяне, офицеры, чиновники	633	162	77		88	31	994
Духовенство	135	29	18	15	12	11	220
Купцы и почетные горожане	657	73	141	21	47	28	957
Мещане	5478	3049	2350	582	183	194	11825
Крестьяне	1264	275	131		24	298	1902
Воинские и нижние чины и их семьи	2744	2004	377		178	1313	6537
Казаки	583	675	674	2004	432	616	4935
Прочие категории	443	6319	181		128	11	7582

^{*} ЦГА КазССР, ф. 6, оп. К, д. 338, л. 63--65; ф. 15, оп. д. 473, л. 2.

В число дворянского сословия входила и незначительная часть казахской феодальной знати, проявившей верность российскому трону. В архивных источниках казахское население не дифференцировано по социальным категориям. В вышеназванных городах проживало всего 9239 казахов.

Естественно, что при таком разнообразии сословного, а также национального состава население городов было неоднородным и по вероисповеданию. По данным 1887 г., состав жителей городов Восточного Казахстана по вероисповеданию выглядел так^{*}:

Вероисповедание	Семейный	Удельный	Павлодар	Кокшетау	Казах	Зайсан	Всего
Православные	6551	5465	3093	2129	2017	840	29158
Староверы	39	22	—	—	1	1	62

Католики	65	35	3	—	6	3	112
Протестанты	18	1	2	—	1		22
Иудаисты	281	133	10		10		414
Мусульмане	12395	1233	1116	544	470	1131	16850

^{*} ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 63--65; д. 1, д. 473, л. 2.

В последующие годы в городах преобладало по численности православное и мусульманское население, что можно объяснить ростом числа предприятий, на которых были заняты в основном русские и казахи (устраивавшиеся рабочими-сезонниками). Кроме того, росту численности православного (русского) населения способствовало то обстоятельство, что в административно-чиновничьем аппарате, как мы уже отметили, были заняты преимущественно русские.

Таким образом, усиление административного и хозяйственного значения городов Восточного Казахстана во многом предопределило неуклонный рост их многонационального состава населения. Укрепление дружественных отношений между казахским и русским народами в ходе присоединения Казахстана к России, переход части кочевого скотоводческого населения к оседлости способствовали увеличению удельного веса казахов в городах. Указанные процессы сыграли важную роль в приобщении коренного населения к передовой русской культуре.

Были созданы условия для открытия в городах новых школ, научных и культурно-просветительных обществ, организаций, учреждений. Эти и другие факторы, естественно, содействовали разложению феодально-патриархальных устоев, разрушая замкнутость кочевого населения. Все это подтверждает справедливость слов В. И. Ленина, который, изучив влияние капитализма на условия жизни населения, отметил, что он «разрушая патриархальную замкнутость... населения... создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности докапиталистических отношений»⁴⁵.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.

Интересные данные об изменении численности и состава населения России, в том числе и городов Восточ-

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 548.

ного Казахстана, дает первая и единственная до Октябрьской революции всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Несмотря на некоторые недостатки⁴⁶, она является более или менее достоверным источником информации. До всеобщей переписи населения производились так называемые ревизии, которые охватывали только податные сословия и «преследовали всегда одну и ту же цель — определить податную способность народа», а так как подать взималась с мужчин, то все внимание при проведении их обращалось главным образом на получение верных данных о населении мужского пола⁴⁷.

Население, не платившее подати, в перепись не входило и собранные о нем сведения носили приблизительный характер⁴⁸. Как справедливо отмечали в свое время В. К. Воблый и П. И. Пустоход, развивавшийся капитализм не мог удовлетворяться данными только о податном населении. Новые методы эксплуатации, принимающие все более сложные формы, требовали детализированных и точных сведений обо всем населении страны, дать которые могла только всеобщая поименная перепись⁴⁹.

В объяснении министерства внутренних дел об отличии всеобщей переписи от ревизии говорилось, что «всеобщая перепись (1897 г. — Ж. К.) не походит нисколько на прежние ревизии, считавшие только плательщиков подушной подати, которая теперь по всему государству почти отменена. Предстоящая всеобщая перепись не будет служить ни для каких налогов или повинностей, а равно каких-либо льгот»⁵⁰. Однако перепись 1897 г. производилась в интересах господствующих классов империи и была вызвана потребностью дальнейшего развития капитализма в стране. 17 сентября 1897 г. министром внутренних дел Горемыкиным были утверждены инструкции уездным и городским переписным комиссиям⁵¹. Всю работу по проверке и подсчету статистических данных предполагалось завершить в наикратчайший срок «и никак не более, как в две недели»⁵².

⁴⁶ Имеется в виду неточность сведений по отдельным населенным пунктам. ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 1.

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 487, оп. 1, л. 41.

Там же л. 4.

⁴⁹ См.: Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения. М., 1940. С. 40.

⁵⁰ ЦГА КазССР, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 2э.

⁵¹ Там же, ф. 462, оп. 9, д. 1, л. 1.

⁵² ЦГА КазССР, ф. 462, оп. 9, д. 1, л. 1.

Из-за сложности проведения переписи коренного населения, обусловленной разбросанностью или трудностью определения местонахождения зимовок (кыстау) кочевников, сроки для их переписи были продлены. Подсчет должен был производиться в течение ноября и декабря 1896 г.⁵³, т. е. значительно раньше, чем в центральной России.

Именно разбросанностью поселений кочевников, слабостью их связей с городами в зимние месяцы осложнялось проведение переписи в Восточно-Казахстанском крае. Так, только в Семипалатинской области было пять уездов, из них: в Семипалатинском уезде 3 казачьи станицы с 19 поселками, 1 крестьянская волость с 5 селениями и 3 особые поселка переселенцев, 18 казахских волостей с 196 старшинствами, в которых насчитывалось 23 585 кибиток; в Усть-Каменогорском — 14 казачьих станиц с 23 поселками, 5 поселков переселенцев, 4 селения чало-казахов и 12 казахских волостей с 96 старшинствами, в которых было 16 642 кибитки; в Зайсанском — 2 станицы с 4 поселками и 15 казахских волостей с 119 старшинствами, в которых была 22 381 кибитка; в Павлодарском — 3 казачьи станицы с 16 поселками и 17 казахских волостей с 149 старшинствами, с 23 565 кибитками, в Каркаралинском — 1 станица, 21 казахская волость с 194 старшинствами, 32 385 кибитками⁵⁴. Сергиопольский уезд, в административном отношении подчинявшийся Семиреченской области, состоял из нескольких волостей, связь между которыми также затруднялась отсутствием путей сообщения. Кроме того, не хватало людей, подготовленных к проведению переписи. В дополнительных правилах переписи населения Степного генерал-губернаторства, где было всего 10 городов, а территория вдвое больше Франции⁵⁵, внимание местной администрации обращалось на необходимость назначения заведующими переписными участками людей, знающих казахский язык, или предлагалось «по крайней мере иметь при себе надежных переводчиков»⁵⁶.

Поэтому для организованного проведения этой весьма сложной работы, требующей не только громадного числа исполнителей, но и прямого или косвенного участия все-

Там же, ф. 487, оп. 1, д. 1, л. 337.

Там же, л. 1.

ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 6027, л. 5.

Там же, ф. 487, оп. 1, д. 2, л. 241.

го населения, прежде всего привлекались преподаватели местных гимназий, училищ и других учебных заведений, а также чиновники колониального аппарата. Так, 19 октября 1896 г. с согласия Министерства просвещения Министерство внутренних дел разрешило губернским и областным переписным комиссиям воспользоваться услугами учителей народных училищ в качестве счетчиков с тем, чтобы «эти обязанности не наносили ущерб учебному делу»⁵⁷. Кроме того, в городах для переписи были привлечены военные из местных гарнизонов⁵⁸.

На совещании наблюдателей по переписи скотоводческого населения, состоявшемся в Павлодаре с 1 по 7 января 1897 г., было признано целесообразным перепись кочевого населения произвести по хозяйствам, а не по кибиткам, приняв зимовку за двор, т. е. за населенный пункт. К населенным пунктам относились не только «сплошные селения или владельческие усадьбы», но также дворы или жилые строения⁵⁹.

Ответственность за проведение переписи среди кочевого населения была возложена на волостных правителей, аульных старшин, баев, аксакалов и других «почетных лиц в волостях за круговую их порукою»⁶⁰. Специальным постановлением было разрешено привлечь к переписи кроме волостных писарей и их платных помощников счетчиков-добровольцев из числа грамотных киргиз (казахов. — Ж. К.)⁶¹. Однако сведения, собранные в 1897 г. через волостных управителей и других должностных лиц низшей администрации, значительно расходятся с данными о численности населения, полученными при подведении окончательных результатов.

При командировании ответственных лиц для переписи в аулы или зимовки власти стремились исключить возможности использовать эти поездки для других целей. «Лица, принимающие какое-либо участие в производстве переписи кочевого населения, при поездках сих по степи по делам переписи не могут попутно исполнять другие поручения, разъезды в киргизских волостях по делам переписи должны быть, безусловно, специальными и не связаны с какими-либо другими обязанностями и пору-

чениями», — говорилось в одном из протоколов заседания переписной комиссии от 14 декабря 1896 г.⁶²

Для четкой организации и своевременного подведения результатов подсчета населения правительство разрабатывало ряд поощрительных мер, предусматривавших награждение активных членов переписных комиссий.

Так, 21 ноября 1896 г. «за труды по... всеобщей переписи» была учреждена медаль, которой могли награждаться лица, безвозмездно принявшие на себя исполнение обязанностей счетчиков, участвующих в производстве переписи в качестве ее руководителей или непосредственных исполнителей, а также люди, «трудами или содействием способствовавшие ее успеху»⁶³. Местными властями в распоряжение заведующих переписными участками была выделена определенная сумма денег. Как сообщил Степной генерал-губернатор 7 января 1897 г. начальнику Павлодарского уезда, «выдача вознаграждений... должна быть произведена только частью, другая часть — по окончании дела (т. е. после подсчета населения. — Ж. К.)»⁶⁴. Очевидно, данная инструкция была продиктована необходимостью завершить перепись в строго установленный срок.

К числу организационных мер, осуществленных органами царского правительства на местах, относится создание самих переписных участков. Указания по организации таких участков были даны в инструкциях уездным и городским переписным комиссиям. В частности, в них говорится, что «к городу, имеющему население менее 10 000 жителей, могут, если то представляется удобным, быть причисляемы для образования переписного участка близлежащие сельские населения или владельческие усадьбы, фабрики, заводы, и т. п.»⁶⁵ Мы выделили этот пункт, принимая во внимание то, что население в городах Восточного Казахстана, за немногим исключением, не превышало 10 000 чел. Имеются такие сведения по четырем уездам Восточно-Казахстанского края об образовании переписных участков: по Семипалатинскому уезду — 22 участка⁶⁶, в том числе по городу Семипалатинску —

⁵⁷ Там же, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 17—18 об.

⁵⁸ Там же, д. 4, л. 384.

⁵⁹ Там же, ф. 462, оп. 9, д. 1, л. 1.

⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 487, оп. 1, д. 2, л. 1 об.

⁶¹ Там же.

² Там же, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 222.

³ ЦГА КазССР, ф. 462, оп. 1, д. 5, л. 54.

⁴ Там же, ф. 487, оп. 1, д. 2, л. 41.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 462, оп. 9, д. 1, л. 1.

⁶ Там же, оп. 6, д. 1, л. 13 об.

иять⁶⁷, по Павлодарскому уезду — 20⁶⁸, по Усть-Каменогорскому — 3, в том числе по городу Усть-Каменогорску — 2, по Зайсанскому — 19 участков⁶⁹.

Создание большого количества переписных участков было обусловлено необходимостью более или менее точно, без существенных отклонений установить численность каждого населенного пункта. Тем более инструкция требовала, что «район каждого переписанного участка должен быть настолько определен, [чтобы] не происходило недоразумений, к какому участку причислять то или другое селение, усадьбу, городской квартал»⁷⁰.

В планомерном осуществлении первой переписи населения Восточно-Казахстанского края немаловажную роль сыграло то, что председателем Семипалатинской областной переписной комиссии был назначен В. П. Никитин, автор ряда интересных исследований по истории казахского народа, секретарь статистического комитета. Предложение вице-губернатора Семипалатинской области утвердить на этот ответственный участок работы известного исследователя, человека, который придерживался прогрессивных взглядов и общался с политическими ссыльными, было вызвано, конечно, лишь необходимостью организованно провести перепись населения. В. П. Никитин, по признанию самого вице-губернатора, «...ближе всех знакомый с предварительными работами по... переписи»⁷¹, во многом соответствовал этому назначению.

В силу того, что перепись населения производилась впервые, было немало нарушений правил и инструкций, в отдельных случаях результаты возвращались для перепроверки и уточнения. Так, вследствие неправильного подсчета весь переписной материал по Зайсанскому уезду был отправлен в г. Зайсан для исправления⁷².

Администрация края важное значение придавала своевременной доставке переписных материалов. Примером может служить свидетельство, выданное 16 марта 1897 г. на имя полицмейстера Александра Зиновьева. «Предъявитель сего полицмейстер стражник Зайсанско-

⁶⁷ Там же, ф. 536, оп. 1, д. 4, л. 384.

⁶⁸ Там же, ф. 462, оп. 6, д. 1, л. 40 об.

Там же, оп. 9, д. 1, л. 9—10.

⁷⁰ Там же, л. 10.

⁷¹ ЦГА КазССР, ф. 462, оп. 9, д. 1, л. 7.

⁷² Там же, оп. 6, д. 1, л. 77.

го уездного управления Александр Зиновьев, — было записано в нем, — командирован по экстренной казенной надобности в Зайсан для доставления... в уездное управление четырех тюков клади, в каковых всего весу около двадцати семи пудов, а потому все должностные лица обязаны оказывать ему... содействие к безостановочному проезду его днем и ночью по назначению и беспрепятственно давать по две пары почтовых лошадей за указанные прогоны»⁷³.

Проведение первой всеобщей переписи в Казахстане, в том числе восточной его части, имело свои особенности, вызванные социально-экономической и политической спецификой развития казахского общества в изучаемый период. От четкой организации переписи во многом зависело получение верных данных о численности населения края, а следовательно, и выяснение некоторых вопросов хозяйственного развития, этнической, социальной, половозрастной структуры и семейно-брачного состояния населения рассматриваемого региона. С другой стороны, анализ вопросов, связанных с подготовительными мероприятиями царской колониальной администрации, позволяет нам в какой-то степени определить место, которое занимал Казахстан (с его неравномерно развитыми районами) в системе Российской империи. На наш взгляд, территориальное деление Казахской степи по жузам применительно к изучаемому периоду утратило всякий смысл, так как в то время активно шли миграционные процессы между отдельными административно-территориальными районами.

Реформы 60-х гг. XIX в. и последующие политические изменения в степи нанесли серьезный удар по родоплеменной разобщенности. Волости, старшинства с подчинением уездным управлениям притягивались к городам, расширялись взаимные связи городского и кочевого казахского населения, этнодемографические контакты между ними стали более тесными. К тому же степные районы, области как по национальному составу жителей, так и по условиям хозяйственной жизни имели сходные признаки. Прежде чем приступить к анализу материалов всеобщей переписи в сопоставительном плане разберем данные по степным областям⁷⁴: в Семипалатинской было зафиксиро-

⁷³ Там же.

⁷⁴ Обзор Семипалатинской области за 1897 год. Семипалатинск, 1898. С 40.

ровано 686 909 чел. обоого пола, Акмолинской — 682 429. Уральской — 645 590, Тургайской — 453 691 чел. Однако, определяя численность населения как отдельных областей, так и других административных единиц, дореволюционные авторы приводят различные, порою противоречивые сведения. Например, в исследовании Н. В. Турчанинова за 1897 г. содержатся следующие данные: Семипалатинская область — 684 590 чел., Акмолинская — 682 608 чел. обоого пола⁷⁵.

В обзоре за 1897 г. число жителей Семипалатинской области на 2319 человек больше по сравнению с данными, приведенными в исследовании Н. В. Турчанинова, а Акмолинской на 179 человек меньше. Эти расхождения в показателях движения населения можно объяснить неудовлетворительным состоянием дореволюционной статистики⁷⁶. Поэтому в дальнейшем для получения более верных сведений мы будем пользоваться первоисточниками — архивными материалами. Согласно данным, приведенным в них, население Семипалатинской области составляло 688 639 чел., Акмолинской — 683 721 чел.⁷⁷, что несколько больше вышеприведенных данных.

Как известно, успех переписи во многом зависел от степени подготовленности к ее проведению самого населения. Для получения наиболее точных ответов было необходимо заранее ознакомить людей с вопросами. Между тем в городах Восточного Казахстана, как и в других населенных пунктах, не было достаточного количества грамотных людей для привлечения их в качестве счетчиков. Коренное население, не знавшее для чего проводилась перепись, относилось к ней недоверчиво. Трудно сказать, все ли зимовки (кыстау) и другие населенные пункты кочевников были охвачены переписью. Кроме того, счетчики зачастую не проявляли особого стремления к уточнению собранных материалов: когда с казахского населения правительство продолжало взимать не подушную, а **кибиточную** подать, анализу естественного прироста населения должного внимания не уделялось. Разноречивость сведений по переписи 1897 г. была характерна и для других районов империи.

⁷⁵ См.: Турчанинов Н. Население Азиатской России // Азиатская Россия. Спб., 1915. Т. 1. С. 87.

⁷⁶ Казакова А. Т., Урланис Б. Ц. Проблемы народонаселения в русской марксистской мысли. М., 1975. С. 19.

⁷⁷ ЦГА КазССР. ф. 487, оп. 1, д. 2, л. 480.

Ниже приводятся сведения о численности городского населения Восточного Казахстана по переписи 1897 г. :

	Мужчины	Женщины	Всего
Семипалатинск	14119	12127	25246
Зайсан	2810	1592	4402
Усть-Каменогорск	4552	4169	8721
Павлодар	4173	3565	7738
Кокпекты	1492	1438	2930
Бухтарминск	1756	1730	3486

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Спб., 1905. Вып. 1, 34. С. 26—28; Календарные и справочные сведения // Памятная книжка Семипалатинской области за 1898 г. I пагинация. Семипалатинск, 1898. С. 81.

В число жителей Бухтарминска включено население близлежащих поселков: Феклистовского, Северного, Ермаковского, Александровского, Березовского, Вороньевского, Черемшанского.

По этим данным на 100 мужчин в Семипалатинске приходилось 85,5 женщин, в Зайсане — 70, Павлодаре — 85,4, в Усть-Каменогорске — 91,6, в Кокпектах — 96,3, в Бухтарме — 99. Однако в других источниках сведения по переписи 1897 г. несколько иные*.

	Мужчины	Женщины	Всего
Семипалатинск	14153	12200	25353
Зайсан	2829	1642	4471
Усть-Каменогорск	4667	4291	8958
Павлодар	4160	3570	7730
Кокпекты	1472	1436	2908

* Адресная и справочная книга Российской империи (Москва—Сибирь) // Посредник-указатель торгово-промышленных фирм. М., 1911. С. 31—33.

Из приведенных данных видно, что число мужчин заметно преобладает над числом женщин. Такое положение было характерно и для других городов Казахстана: например, **Кустанай — 6946 муж., 6119 жен.**, Акмолинск соответственно — 5055 и 4502; Верный — 12 448 — **10 534**⁷⁸.

На наш взгляд, это было вызвано тем, что до **1917 г.**

⁷⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. С. 504.

Во всех относительно крупных городах Казахстана были расквартированы воинские части, которые в основном состояли из несемейных, одиноких военнослужащих, включающихся во время переписи в число городского населения под названием «воинские чины». С другой стороны, такая диспропорция в половозрастной структуре городского населения объяснялась скрытием от переписчиков женщин-казашек, в особенности тех, которые не достигли брачного возраста, но находились в браке. Как известно, в дореволюционном Казахстане девушек из казахских семей по закону шариата и патриархальным обычаям отдавали замуж в раннем возрасте, нередко в 12—13, даже в 9 лет⁷⁹. Многоженство, сохранившееся в городах среди лиц мусульманского исповедания, также затрудняло учет численности женщин-казашек.

В связи с тем, что запись браков производилась муллами, законов, строго регламентирующих регистрацию браков у казахов, татар, узбеков и других народов исламского вероисповедания, не было, часть женщин вообще не попадала в перепись. Перевес численности мужчин помимо всего прочего был обусловлен тем, что значительное число выходцев из казахских аулов — джатауов, а также крестьяне близко расположенных селений, работавшие на городских предприятиях и в торговых учреждениях, селились в городах без семей.

При изучении демографических изменений большой интерес представляют вопросы, характеризующие семейно-брачное положение городских жителей (табл. 3).

Как видно, семейных было меньше, чем не состоявших в браке; последние в количественном и процентном отношении составляли: в Семипалатинске — 14 749 человек обоюбого пола, или 56 %; в Зайсане — 2567, или 58 %; в Кокпектах — 1756, или 86,5 %; в Павлодаре — 4518, или 58,3 %; в Усть-Каменогорске — 5133, или 58,7 %⁸⁰.

Проникновение капитализма в социально-бытовую сферу Казахстана, в том числе восточных его районов, проявилось в изменении показателей рождаемости и смертности (табл. 4).

Значительную часть городского населения Восточного

⁷⁹ См.: Аргынбаев А. Казак халкындагы семья мен неке. Алма-Ата, 1973, С. 145; Рахметов С. Из истории развития законодательства об уголовной ответственности за развращение // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1979. № 4. С. 82.

⁸⁰ Процентное соотношение подсчитано нами.

Таблица 3. Семейно-брачное положение городских жителей (1897 г.) *

Город	Холостые		Состоявшие в браке		Вдовы		Разведенные	
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	И	Жо	Мужч.	Женщ.
Семипалатинск	7692	5245	5839	5545	466	1307	20	19
Зайсан	1657	690	1057	763	82	136	—	2
Кокпекты	885	682	550	623	56	129	1	3
Павлодар	2334	1751	1687	1518	143	290	—	—
Усть-Каменогорск	2584	2104	1848	1731	1115	330	1	1

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 84. С. 26—28.

Таблица 4. Соотношение родившихся и умерших по православному населению (в соответствии с числом браков) *

Город	Число браков	Родилось		Умерло	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин
Семипалатинск	121	418	396	249	227
Павлодар	48	183	195	98	89
Усть-Каменогорск	105	308	284	143	102
Зайсан	16	61	56	35	26
Кокпекты	26	78	79	36	28
Каркаралы	9	38	42	24	16
Сергиополь	5	19	18	9	18
Урджар	10	40	40	22	24
Итого:	340	1145	1110	616	530

* Обзор Семиреченской области за 1897 год. Ведомость № 1 (стр. не пронумерованы). Верный, 1897; Обзор Семипалатинской области за 1897 год. Семипалатинск, 1897. С. 39.

Казахстана составляли тюркоязычные народности, исповедовавшие ислам (табл. 5).

Из представленных таблиц видно, что в среднем количество родившихся превышает число умерших. Небольшое снижение смертности объяснялось постепенным

Таблица 5. Соотношение родившихся и умерших по мусульманскому населению *

Город	Число браков	Родилось		Умерло	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин
Семипалатинск	92	149	148	139	92
Павлодар	5	11	17	2	3
Усть-Каменогорск	16	14	14	10	12
Зайсан	9	13	6	14	6
Кокпекты	7	15	18	6	10
Каркаралы	21	14	9	22	15
Итого:	150	216	212	193	138

* Обзор Семипалатинской области за 1897 год. Семипалатинск, 1897. С. 40, 41.

улучшением санитарно-гигиенических условий в городах, уменьшением заразных болезней вследствие принятия некоторых мер по улучшению здравоохранения в городских поселениях. Однако процент смертности был довольно высоким. Причем мужчин умирало больше, чем женщин. Особенно высокой была детская смертность. В статье «Капитализм и народное потребление» В. И. Ленин отмечал невероятно высокий уровень детской смертности в России⁸¹. Причиной этому были тяжелые жилищные условия, низкий уровень медицинского обслуживания, постоянное недоедание, изнурительный труд рабочих на фабриках и заводах.

Рост народонаселения городов Восточного Казахстана шел в основном за счет внутренних ресурсов, т. е. увеличения рождаемости. Так, по данным за 1898 г., православными в Семипалатинске, Павлодаре, Зайсане, Усть-Каменогорске, Кокпектах, Каркаралах, в станицах **Сергиополь, Урджар** было заключено 312 браков, родилось 922 человек мужского пола (м. п.), 957 женского пола

⁸¹ См.: Ленин В. Я. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 468.

(ж. п.), всего 1879 чел., умерло 751 чел. м. п., 673 ж. п., всего 1424 чел.⁸² Мусульманами было заключено 162 брака, родилось 274 чел. м. п., 238 ж. п., всего 512 чел., умерло 317 чел. м. п., 167 ж. п., всего 584 чел.⁸³

Таблица 6. Языковые группы, численность которых составляла в городском населении не менее 150 человек*

Город	Русские		Казахи		Татары	
	ч.	Жсх	Жч	Щ.	Жч	о
Усть-Каменогорск	3727	3598	441	215	227	219
Семипалатинск	5709	5410	5265	3607	2802	2879
Кокпекты	787	907	477	310	224	219
Павлодар	2883	2673	822	513	295	266
Зайсан	1015	711	989	625	198	201

* Первая всеобщая перепись... Т. 84. С. 54—55. В состав русских жителей городов не вошли украинцы и белорусы.

Перепись 1897 г. включает сведения о родном языке, а поскольку язык является одним из основных признаков национальной принадлежности, то можно составить некоторое представление о национальном составе городского населения. По переписи в городах было представлено 27 языковых групп (табл. 6).

В пяти названных городах кроме того проживали 92 иностранных подданных из Австро-Венгрии, **Великобритании, Германии, Китая** и других стран. Значительный процент русских приходится на Усть-Каменогорск и Павлодар, **казахов** — на Кокпекты и Семипалатинск. Казахи в целом составляли небольшой процент городского населения в отличие от городов Южного Казахстана, специфика которых заключалась в относительно высоком уровне материального производства⁸⁴.

⁸² Подсчет сделан нами по следующим источникам: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. С. 254; Обзор Семиреченской области за 1898 год. Ведомость № 2 (стр. не пронумерованы). Верный, 1898.

⁸³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. С. 25.

⁸⁴ Сатыбекова Г. Х. Из истории развития городов Казахстана на рубеже XIX—XX века // Проблемы социально-экономического этнодемографического развития городов Казахстана. Алма-Ата, 1985. С. 39.

Обращает на себя внимание почти равномерное распределение татар по всем указанным городам, что можно объяснить следующим: 1) административно-колониальный аппарат (переводчики, рядовые служащие) отчасти составляли татары; 2) из них комплектовался и основной штат учителей в городских мусульманских школах (медресе); 3) большая часть торгово-промышленных учреждений принадлежала татарам, они же служили в качестве посредников в торговле со среднеазиатскими народами, нередко с казахским аулом.

Развитие капиталистических отношений, растущие потребности общественно-культурной жизни городов Восточного Казахстана вызвали необходимость расширения сети учебных заведений. Для административно-чиновничьего аппарата и хозяйственного освоения природных богатств края нужны были грамотные, квалифицированные кадры. А в городах Восточного Казахстана, как и в других его районах, грамотность оставалась на низком уровне. О состоянии народного образования можно судить по следующим сведениям: за 1898 г. в Семипалатинске были открыты мужская и женская прогимназии, 2 сельскохозяйственные школы, пятиклассное и трехклассное городские училища; в Зайсане — сельскохозяйственное, приходское городское и женское приходское училище; в Усть-Каменогорске — сельскохозяйственное, городское пятиклассное и трехклассное училища; в Павлодаре — городское пятиклассное, трехклассное, женское приходское училища; в Кокпектах — женское городское и церковно-приходское училища⁸⁵.

В процентном отношении уровень грамотности среди городского населения по переписи 1897 г. составлял: в Павлодаре — 31,3 %, Кокпектах — 19,4 %, Семипалатинске — 27 %, Усть-Каменогорске — 30,9 %, Зайсане — 31,6⁸⁶. Более высокие показатели грамотности зафиксированы в Зайсане и Павлодаре, низкие — в Семипалатинске и Кокпектах. Средний процент грамотности по городам Восточного Казахстана на основании приведенных сведений был равен 28 %. Об уровне грамотности мужчин и женщин в городах по возрастным группам дают представление материалы переписи 1897 г. (%) *:

Возраст:	Мужч.	Женщ.
до 10 лет	7,6	5
10—19 лет	78,6	32
20—29 лет	41	23
40—49 лет	37,3	13
50—59 лет	33,5	11,2
60—69 лет	28,4	10,8
70—79 лет	27,9	8,8
80—89 лет	22,7	5,8

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вып. 34. С. 7.

Как мы видим, грамотность в городах среди мужского и женского населения наибольшего процента достигла в возрастной группе 10—19 лет, а в последующих группах наблюдается тенденция к ее снижению. При этом следует иметь в виду, что на образовательный уровень влияло постепенное увеличение удельного веса пришлого населения из близкорасположенных к городам казахских аулов и русских пригородных станиц, деревень, поселков, среди которого грамотность была очень низкая.

В целом, несмотря на отдельные недостатки в организации, методике проведения, обработке материалов, всеобщая перепись 1897 г. для Казахстана, в том числе его восточных районов имела огромное научно-практическое значение. Это был единственный источник, содержащий материалы (до 1917 г.) о численности городского населения изучаемого региона, о его половозрастной, семейно-брачной структуре, этнонациональном составе и религиозном вероисповедании, данные об изменении этих показателей после присоединения Казахстана к России и реформ 1867 — 1868 гг. Дальнейшее углубление взаимоотношений города с казахским аулом и как результат этого — ослабление родопатриархальных традиций, нарушение замкнутости экономики казахского аула способствовало расширению этнического состава населения.

⁸⁵ ГА ТО, ф. 126, оп. 1, д. 1146. л. 16.

⁸⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вып. 34. С. 5.

Глава III ГОРОДА В НАЧАЛЕ XX в.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ТОРГОВЛЯ

Как мы уже отметили, развитие капиталистических отношений, расширение торгово-экономических связей со смежными районами России и с зарубежными странами ускорило в исследуемом районе рост городского населения. Торгово-промышленной деятельностью стало заниматься все большее число городских жителей и часть населения пригородных казачьих, крестьянских селений и казахских аулов. Это внесло немало изменений в демографическую структуру городского населения.

Численность городского населения (без пригородных станций и деревень) составляла в 1907 г.*:

	Мужчины	Женщины	Всего
Усть-Каменогорск	6363	6313	12676
Зайсан	3165	1881	5047
Семипалатинск	13609	12725	26334
Павлодар	3623	3042	6665
Кокпекты	859	649	508
Сергиополь	857	729	1595

* ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 5937, л. 40; Записка о состоянии Семиреченской области в 1906 г. Зерный, 1908.

Восточно-Казахстанский край географически и исторически был связан с Юго-Западной Сибирью. Для сопоставления приводим данные о численности жителей наиболее крупных городов Западной Сибири за 1908 г. Томск — 73 000 чел., Барнаул — 42 000, Курган — 3400. Тюмень — 34 000, Тобольск — 20 000 чел.¹.

Характерной особенностью городов Северо-Восточно-

ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. I, л. 222.

го Казахстана (в отличие от городов Южного Казахстана) являлась их разбросанность, растянутость по площади, что было обусловлено прежде всего дешевизной земельных участков, отведенных под постройки. И в этом кроется одна из причин их слабой благоустроенности, так как на каждого домовладельца приходился «слишком большой по площади участок улицы, который он не в силах содержать на свои доходы»².

В известной степени рост городского населения был связан с переселением крестьян. Согласно данным отчета губернатора Семипалатинской области, з 1910 г. численность переселенцев, осевших в этом районе, составляла 11 494 человека только мужского пола³.

Прилив переселенцев в Казахстан, в том числе в его восточную часть, содействовал увеличению общей численности русских жителей края. Однако в работах отдельных зарубежных исследователей число русского населения в Казахстане несколько преувеличено. По мнению английского историка Сетон-Уотсона, оно составляет 40 % всего населения⁴. Американский историк Р. Пирс, преувеличивая роль переселенческой политики царизма, рассматривает ее как главный фактор в развитии городов Казахстана⁵.

Наш анализ имеющихся соответствующих материалов показал несостоятельность этой точки зрения — переселение крестьян не явилось доминирующим фактором роста городского населения, а главную роль в этом сыграли социально-экономические и внутренние миграционные процессы. При сравнении демографических данных, имеющихся в трудах отдельных зарубежных авторов и в дореволюционной литературе, выявляется значительное расхождение в определении численности городских жителей. В книге Т. Стенли за 1910 г. население городов составляло: Семипалатинска 29 387 чел., Усть-Каменогорска 12 462, Павлодара 7744, Зайсана 5147, Кокпектов 1506 чел.⁶.

По сведениям Н. В. Турчанинова за 1911 г., в Семипалатинске проживало 34 363 чел., в Усть-Каменогорске

² ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 222.

³ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 331, л. 2.

⁴ Seton-Watson. The Russian empire. 1801—1917. P. 71.

⁵ Piezce R. The Russian Central Asia. 1867—1917. A selected bibliography university of California. 1953. P. 104.

⁶ Stanley Th. Patterns of urban growth in the Russian empire during the nineteenth century. Chicago, 1975. P. 214.

—13 164, в Павлодаре — 9549, в Зайсане — 5142, в Кокпектах — 1679⁷, в Бухтарминске — 1454 чел.⁸. В этом и других источниках в состав городского населения не включены жители пригородов, окрестных селений и слобод. Этим и объясняется кажущееся уменьшение населения к 1911 г. по сравнению с 1897 г.

В хозяйственном развитии городов Восточного Казахстана в предоктябрьский период, как и в XIX в., определяющее значение имела торговля. Наличие огромного количества скота, создание новых предприятий по переработке животноводческого сырья по-прежнему выдвигало на первый план торговлю скотом.

Мелкий скот из степных районов Восточного Казахстана большей частью продавался или обменивался на местных ярмарках⁹, которых только в Акмолинской и Семипалатинской областях было 90. Основная торговля скотом сосредоточивалась на 5 ярмарках: двух в Семипалатинской области (Чарской, Куяндино-Ботовской) и трех в Акмолинской (Петропавловской в Атбасаре, Константиновской в Акмолинске и Таинчинской в Петропавловском уезде)¹⁰.

Официальные сроки открытия и закрытия ярмарок редко совпадали с фактическим началом и окончанием торговых сделок, так как они зависели от целого ряда факторов, и, главным образом, от того, в каких условиях провел зиму скот и успел ли оправиться от зимовки¹¹.

Самой крупной по торговому обороту оставалась Куяндинская, или Ботовская ярмарка. В начале XX в. ярмарка размещалась в 52 верстах от Каркаралинска вдоль почтового тракта на Павлодар. Куяндинская ярмарка функционировала ежегодно с 1 июня по 1 июля. «...Сней (Ботовской ярмаркой. — Ж. К.) считается торговый люд и рынки Семиречья, пограничного с ним Китая, Ташкента, Акмолинской области, Томской и Тобольской губернии...»¹² — в этом виделось ее значение в хозяйственной жизни не только Казахстана, но и ряда сопредельных районов Юго-Западной Сибири. Действительно, значение

⁷ Турчанинов Н. В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. Спб., 1914. Т. 1. С. 351: ЦГА КазССР, ф. 64. оп. I, д. 1250, л. 6.

⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1911 г. Спб., 911. С. 139.

⁹ ЦГВИА СССР. ф. 1450, оп. 7, д. 1. л. 52.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 52.

¹¹ Там же

¹² Сибирская жизнь. 1900. 9 июля.

Т а б л и ц а 7. Торговый оборот Ботовской ярмарки по скоту и скотоводческому сырью в 1900 г.

Скот и скотоводческое сырье	Привезено		Продано	
	голов, штук	на сумму (руб.)	голов, штук	на сумму (руб.)
Верблюды	50	1500	5	150
Лошади	5000	100000	2729	54580
Рогатый скот	12000	180000	8090	121350
Бараны и козы	245000	612500	185154	462885
Джабага, свечья шерсть	36800	110400	36800	110400
Овчина	31500	12600	31500	12600
Мерлушка, конский волос				
верблюжья шерсть, козий пух		85100	—	85100
Невыделанная кожа	22700	25225	22700	25225
Кошма и армячина	—	1264		1264

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 3400, л. 2.

Ботовской ярмарки для поддержания постоянных торговых связей между Казахстаном и другими районами страны было огромно. Сюда пригоняли крупный рогатый скот и мелкий скот, привозили большое количество животноводческого сырья: кожу, шерсть, и все это продавалось и обменивалось на русские фабрично-заводские изделия (табл. 7, 8).

Т а б л и ц а 8. Торговый оборот Ботовской ярмарки по мануфактурным изделиям и продуктам питания в 1900 г. *

Товар	Привезено		Продано	
	пудов	на сумму (руб.)	пудов	на сумму (руб.)
Мануфактурные, бакалейные и мелочные товары	—	856970		705-330
Изделия из железа, меди, чугуна		56240	—	486870
Выделанные кожи		61445		54600
Азиатские товары		28415	—	25200
Мука	18300	16470	17000	15300
Масло	22	176	11	144
Овес	1300	910	1300	310
Крестьянские изделия		1500	—	1000
Прочие товары	—	840	—	700

* ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 3400, л. 2.

При сопоставлении этих данных видно преимущество реализации мануфактурных изделий по сравнению с продажей скота, хотя привоз последнего поддерживался на уровне конца XIX в. По мере расширения торговых связей с городским рынком металлические предметы домашней утвари, орудия труда заняли прочное место в повседневной жизни коренного населения. В 1902 г. торговый оборот Ботовской ярмарки составил 3 млн руб.¹³

В зависимости от количества пригнанного скота колебалась его стоимость. Средняя ярмарочная цена баранов на Ботовской ярмарке при «партийных покупках» в начале XX в. составляла: в 1900 г. 3 р. 25 к., в 1901 3 р. 80 к., в 1902 4 р. 80 к., в 1903 4 р. 50 к., в 1904 4 р. 10 к.¹⁴

Помимо ярмарок торговля велась на местных рынках. «Сырье, продукты животноводства, как-то: кожи, шерсть, волос, сало и проч., а также эти продукты в обработанном виде, например, войлок, ярмячина, волосяные веревки и пр., составляющие продукты кустарной промышленности, широко сбываются на местных... постоянных рынках», — было записано в отчете Степного генерал-губернатора за 1905 г.¹⁵ Однако на городских рынках торговля велась неустойчиво.

Местные общества взаимного кредита, городские банки обслуживали главным образом среднюю и мелкую торгово-промышленную буржуазию. Отделения же Сибирского и Государственного банков не были им доступны¹⁶. Открытая в 1902 г. в Усть-Каменогорске ссудная касса, предназначавшаяся для казахов, выдала ссуду лишь в размере 16 368 руб.¹⁷

Были и другие причины, тормозившие развитие торговли. В частности, увеличение торговых оборотов сдерживалось низкой зарплатой работников, занятых в торговле. В корреспонденции, помещенной в местной печати, говорилось следующее: «В Зайсане есть фирма «Торговый дом Бегентаев и Абыханов». Обороты этой фирмы около миллиона. Приказчики этой фирмы ни русские, ни татары не знают, что такое праздник, работают днем и

ночью. Получают жалованье грошевое. И то таковое фирма считает очень большим»¹⁸.

Тем не менее торговля развивалась, втягивая в свою сферу все новые населенные пункты. Зайсан, ранее бывший в основном лишь административно-пограничным пунктом, стал торговым центром. То же самое можно сказать и о заштатном городе Зайсанского уезда — Коклектах, ставшем торговым центром обширного района, заселенного в основном казахами¹⁹. Об усилении торгового значения городов Восточно-Казахстанского края говорят данные о сделках, оформленных у местных нотариусов. Если в 1900 г. у всех нотариусов данного региона были зарегистрированы сделки на 6 млн руб., то в 1909 г. — уже на 21 млн руб.²⁰

Определенную роль в укреплении торговых связей с кочевым населением играло открытие 29 июня 1910 г. торговой биржи в Семипалатинске, назначение которой состояло «в поддержании... местной торговли и промышленности»²¹. Выросли торговые обороты крупных ярмарок Восточного Казахстана, самой большой из которых по-прежнему была Куяндинская²².

Ниже приведены суммированные итоговые обороты без выявления их размеров по отдельным видам товаров (в их число не вошли показатели по продаже скота)*:

Ярмарка	Уезд	Денежный оборот (руб.)
	Каркаралинский	2722550
Телевская	Семипалатинский	851800
Июльно-Златоустовская	Павлодарский	851800
Коклекташская	Семипалатинский	251938
Павлодарская	Павлодарский	208510
Домашняя Гляя	Павлодарский	115620
Коклекташская	Усть-Каменогорский	107900
Павлодарская	Усть-Каменогорский	68864
Куяндинская	Павлодарский	51210
Куяндинская	Семипалатинский	51210

* Савари А. М. Краткие сведения о Семипалатинской области. Полтава, 1910. С 15—16.

¹³ Семипалатинский листок. 1906. 18 октября.

¹⁹ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 4, л. 46.

²⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5937, л. 247 об.

²¹ Там же, ф. 15, оп. 1, д. 405, л. 228 об.

²² Савари А. М. Краткие сведения о Семипалатинской области.

С. 15.

Т

¹³ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 11.

и Там же л. 19

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, д. 36, л. 6 об.

¹⁶ Фридман Ц. Л. Кредит и кредитные учреждения в условиях многоукладности дореволюционного Казахстана // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 150.

¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1010, л. 44 об.

О реализации скота на Куяндино-Ботовской ярмарке говорят следующие данные (кол. голов)*

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Быки	20392	14304	13501	9189
Коровы	7907	7503	4258	4301
Овцы и козы	129836	126405	123478	88642
Лошади	1420	2247	3713	1546
Всего	159855	150459	153934	103672

* ЦГИА СССР, ф. 442, оп. 1, д. 469, л. 5 об.

Мы уже упоминали о продаже на Куядинской ярмарке кроме скота и скотоводческого сырья различных изделий мануфактурно-заводского производства, в которых остро нуждалось кочевое казахское население. Приведем данные о продаже этих товаров (в тыс. руб.)*:

Товары:	1910	1911	1912	1913
мануфактурные	2242	2192	2350	2500
галантерейные	69	77	85	2500
азнатские товары	82	90	101	100
чай и сахар	680	760	800	780
изделия из железа	50	65	80	82
прочие товары	193	222	262	339

ЦГИА СССР, ф. 442, оп. 1, д. 469, л. 5 об.

В начале XX в. в Восточном Казахстане все более расширялось зерновое хозяйство, чему во многом способствовало переселение сюда крестьян из центральных районов России, которые в основном занимались хлебопашеством. Количество переселенческих семей с каждым годом росло: в 1906 г. в этот регион приехало 999 душ мужского пола, в 1907 — 4006, в 1908 — 6287, в 1909 — 10 459, в 1910 — 11 494 чел.²³

Как и в других районах Степного края, вопросами обеспечения крестьян земельными участками занималось переселенческое управление. Например, только за 1907 г. переселенцам из внутренних губерний было отведено 53 435 десятин пахотной земли²⁴. При этом, сгоняя казахских шару а с обжитых мест, царское правительство стремилось осуществить свои колонизаторские цели, что-

²³ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 331, л. 17—18.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 73, л. 45 об.

бы «... обеспечить жизнь и имущество немногочисленного пока русского населения и обуздать дерзость киргизцев»²⁵ (читай — сопротивление казахских шаруа против насильственной экспроприации их наделов).

Отнимая для переселенцев земли у местного населения, оно стремилось вызвать вражду и столкновения между ним и переселенцами. В. И. Ленин, подчеркивая эту сторону аграрной политики царизма, указывал, что она несет «обострение противоречий вместе с перенесением их на более широкую арену»²⁶.

Однако вопреки политике царизма русские крестьяне-переселенцы содействовали подъему производительных сил в крае. Объективно процесс переселения способствовал освоению пустующих земель, увеличению посевной площади под зерновые, а следовательно, и расширению хлебной торговли.

Главными пунктами хлебной торговли в Восточном Казахстане были города Павлодар и Семипалатинск. Хлеб местными купцами скупался в течение года. С открытием навигации по Иртышу скупленный за зимние месяцы хлеб на буксирных пароходах отправлялся вниз по Иртышу в Омск, Тюмень для дальнейшего следования в европейскую часть России. О размерах скопления хлеба можно судить по данным, собранным местной полицией: в 1900 г. в Семипалатинске было до 380 тыс. п. пшеницы и около 500 тыс. пшеничной муки²⁷. Мука скапливалась в основном на двух больших мельницах купцов Красильникова и Плещеева, число рабочих на которых достигало 400 человек²⁸.

Сосредоточение огромных запасов зерна и усиление значения речных пристаней Верхнего Прииртышья было связано также с высоким качеством местной пшеницы. По свидетельству источников тех лет, район, «прилегающий к Семипалатинску, явился бы исключением как производящий твердые сорта пшеницы...»²⁹. Поэтому большое количество восточно-казахстанского хлеба поступало на продажу в сибирские города, на мельницы Волжского, Уральского промышленных районов, а также на

²⁵ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 331, л. 22—23.

²⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 103.

²⁷ Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск, 1903. Вып. 5. С. 40.

²⁸ ЦГА КазССР, ф. 460, оп. 1, д. 19, л. 106.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 4, д. 369, л. 288 об.

зарубежные рынки. Только в 1907 г. екатеринбургские (свердловские) мукомолы закупили около 3 млн. пудов семипалатинской пшеницы. В погоне за прибылью **торговцы**, убедившись в выгоде продажи хлеба, **взвнчивали** цены на пшеницу, занимались спекуляцией. Нехваткой продовольствия, его дороговизной воспользовались в период русско-японской войны алыпсары — местные перекупщики, «новые аферисты под кличкой „япошки“»³⁰. Власти стремились не допустить обострения конфликта и вынуждены были заняться урегулированием цен. 15 декабря 1904 г. на заседании уполномоченных г. Зайсана обсуждался вопрос «Об урегулировании цен на муку, возвышаемых алыпсары». Было решено «закупать хлеб на средства города и продавать (по установленной цене. — Ж. К.) **нуждающимся**»³¹.

Торговцы наживались также на продаже зерна казахам-кочевникам, пользуясь их безграмотностью и неосведомленностью о действительной его цене. Кроме того, у казахов долги за «казенный» хлеб доходили нередко, по данным М. Боголеповой, до 200 руб. на одного человека и взыскивались со всей **строгостью**³². Причем хлеб кочевникам продавался такого низкого качества, что от употребления его распространялись эпидемические болезни, часто со смертельными исходами.

В годы русско-японской войны цены на хлеб резко возросли. Об этом можно судить по данным за сентябрь 1905 г.: мука пшеничная (п.) в Семипалатинске стала стоить 1 р. 30 к., в **Павлодаре** — 1 руб., в **Каркаралинске** — 1 р. 50 к., в Усть-Каменогорске — 1 р. 30 к. В отдельных городах Северного Казахстана цены на хлеб (на **пшеничную** муку) были несколько ниже, чем в Восточном Казахстане. Так, в Петропавловске она равнялась **90 коп.**, в **Кокчетаве** — **65 коп.**³³ В основном мука вывозилась в другие районы России, даже в зарубежные страны. На местных рынках продавалась лишь незначительная часть хлеба, что в определенной мере обусловило его дороговизну.

Итак, главным фактором исторического развития городов Восточного Казахстана в начале XX в., как и в

³⁰ Семипалатинский листок. 1905. 13 января.

³¹ Там же.

³² См.: Боголепова 31 Торговля в Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. Спб., 1908. С. 174.

³³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1292, л. 79.

XVIII—XIX в., была торговля. В укреплении торгово-хозяйственных отношений между кочевым скотоводческим и русским крестьянским населением значительная роль принадлежала ярмаркам, находившимся в городах или в непосредственной близости от них.

Рост числа переселенцев объективно расширил возможности для освоения пустующих или ранее не обжитых районов, усиливая значение городов как центров хлебной торговли. Города, кроме того, превратились в выгодные пункты, где между казахами-кочевниками и русским крестьянством происходил взаимовыгодный торговый обмен. Однако торговля хлебом, в котором коренные жители степи испытывали постоянную нужду носила колониальный характер. Непомерное взвнчивание купцами цен на хлеб, низкое качество его, огромные долги кочевников хлеботорговцам усугубляли зависимость казахов от купцов и зажиточных крестьян-переселенцев.

Мы согласны с утверждением, что города служили опорными пунктами царской колонизации. Объективно же они во многом способствовали оживлению экономических отношений. Именно городам отводилась решающая роль в активном хозяйственном освоении изучаемого региона.

ГОРОДА В СИСТЕМЕ ТОРГОВЛИ РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

В начале XX в. Казахстан стал сырьевым придатком развивающейся промышленности России. Огромные запасы животноводческого сырья привлекали внимание предприятий текстильной и пищевой промышленности не только России, но и отдельных зарубежных стран. Для ведения торговых операций в городах Восточного Казахстана была создана широкая для того времени сеть кредитно-банковских учреждений. В Павлодаре функционировали два городских банка и отделение Российского государственного банка для внешней торговли, в Семипалатинске было учреждено отделение Сибирского торгового банка. Обороты этих банков и Павлодарского уездного казначейства определялись, например, только за 1916 г. более чем в 100 млн руб.³⁴ В Павлодаре, Усть-Каменогорске, Зайсанае, в Кокпектах создавались обще-

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 168, д. 1464, л. 10; ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 91, л. 5.

ственные банки³⁵. Кроме того, развитию внешней торговли в немалой степени содействовал «Семипалатинский союз кооперативов», образованный 1 апреля 1917 г., который входил в состав «Комиссии сибирских кооперативов» с центром в Ново-Николаевске (Новосибирске)³⁶.

Значительное место во внешней торговле городов Восточного Казахстана занимала торговля хлебом. Высокосортная восточно-казахстанская пшеница успешно экспортировалась в западно-европейские страны, где потребность в зерне, по свидетельству документов тех лет, была большой. Тем более, что казахстанский хлеб на западно-европейских рынках стоил гораздо дешевле, чем европейская пшеница. Например, в Кенигсберге, Стокгольме, Гельсингфорсе цена пшеницы за пуд была 1 р. 30 к. вместо 1 р. 05 к. в городах Восточного Казахстана³⁷. Средняя стоимость пуда пшеницы в Семипалатинске в 1905 г. определялась в 45 коп., в то время как в Лондоне она не падала ниже 1 р. 10 к.³⁸

Возраставший вывоз хлеба в западные страны из степных районов Казахстана в определенной мере был затруднен из-за плохого состояния путей сообщения, поэтому на заграничный рынок хлеб попадал через год после снятия урожая³⁹. При существовавших в начале XX в. условиях транзитной торговли самым выгодным рынком сбыта пшеницы из Степного края являлась Англия. Наиболее удобным, хотя и не кратчайшим путем доставки хлеба в Англию, было направление Семипалатинск — Тюмень — Котлас — Архангельск — Лондон. Объем экспорта восточно-казахстанской пшеницы на один лишь лондонский рынок достиг, например, в 1904 г. более 5 млн п.⁴⁰

Благодаря увеличению маслодельного промысла расширились возможности для экспорта масла, которое ежегодно на миллионы рублей поступало не только на российские, но и зарубежные рынки⁴¹.

См.: Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1974. С. 119; ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3929, л. 8.

ГАНО, ф. 51, оп. 1, д. 70, л. 3.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 969, л. 9, 8 об.

³⁸ Семипалатинский листок. 1905. 20 сентября; ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 969, л. 9.

³⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 10.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 969, л. 9.

⁴¹ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 41.

Являясь центрами переработки животноводческого сырья, Зайсан, Павлодар, Семипалатинск и др. в начале XX в. торговали с западными пограничными районами Монголии. Одним из перспективных пунктов этой торговли являлся г. Зайсан, где торговые обороты отдельных купцов и торговых фирм достигали внушительных сумм. Так, товарищество «Ерзин и К^с» только в 1911 г. продало товаров на 155 тыс. руб., а закупило сырья и скота на 140 тыс. руб.⁴² До 1910 г. таможенный осмотр всех видов товаров, вывозившихся из Монголии, осуществлялся в Зайсанском посту. Однако губернатор Степного края с целью оживить торговлю с Монголией предложил, чтобы «... осмотр всех... товаров проводился на Тополевом мысу (в 70 км от города), а не в самом Зайсане, лежащем (по его мнению. — Ж. К.) в стороне от прямого транзитного пути»⁴³. Зайсанские купцы, не прибегая в услугам правительства, использовали для торговли с Монголией судходство по Иртышу⁴⁴. В ведомости товаров, вывезенных из Монголии через Зайсанскую таможню за период с 16 по 31 декабря 1915 г., значатся кожи невыделанные, шкуры волков, лисиц, деревянные изделия, галантерейные вещи, войлок, а также пшеница, просо, скот, и т. п.⁴⁵ Общая сумма товаров, доставленных через Зайсанский пост с 16 по 31 января 1916 г., составила 21 404 руб., а с 1 по 15 апреля того же года — 39 744 руб.; за период с 1 по 31 июля объем торговли достиг 832 305 руб.

В торговле с городами Восточного Казахстана участвовали также казахи, жившие в Монголии. В Зайсан, Усть-Каменогорск, Семипалатинск и другие города они привозили для продажи и обмена большое количество разных товаров преимущественно через Катон-Карагайскую заставу. Согласно данным, представленным работниками этой таможни Омскому окружному штабу, с 8 по 16 декабря 1916 г. казахами из Монголии было привезено шкур невыделанных бараньих 2106 п., козьих — 160, конских — 260, воловьих — 114, лисьих — 4, архарьих — 1 пуд и др.⁴⁷

В 1917 г. зайсанские купцы ходатайствовали об отво-

⁴² Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. С. 53

⁴³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 6627, л. 7.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 938, л. 5, 6.

⁴⁶ Там же, л. 24 об, 115 об.

⁴⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 38, л. 171.

де им участков земли в поселке Евгеньевском (Нижне-Кальджирликском) для устройства фактории или складов для торговли с Монголией. Просьба эта была удовлетворена. Им было отведено три участка на берегу Черного Иртыша⁴⁹. Пограничная администрация возлагала большие надежды на поселок Нижне-Кальджирликский как на один из важных пунктов торговли с Западной Монголией. Новый алтайский правитель, староторгоутский князь Палта во время пребывания в Омске высказал намерение перенести свою резиденцию на берег Черного Иртыша⁴⁹. Содействуя развитию судоходства, он разрешил русским торговым судам плавание по верховьям Черного Иртыша в пределах Монголии, предоставил русским подданным право на временную аренду береговых участков урянхайцев⁵⁰. Дальнейшее расширение торговых связей вызвало необходимость учредить в поселке Нижне-Кальджирлик и на Тополевом мысу почтово-телеграфные отделения. Кроме того, чтобы облегчить скотопромышленникам выгон скота из Монголии, предполагалось осуществить придорожную нарезку земли по всем скотогонным пунктам для обеспечения пригоняемого скота кормом⁵¹. В 1910 г. были открыты специальные торговые классы, в которых изучался монгольский язык и которые готовили «кадры энергичных работников, знакомых с условиями рынка»⁵².

Города Восточного Казахстана, особенно Усть-Каменогорск, Зайсан, Семипалатинск, были известными пунктами торговли России с западными районами Цинской империи. Основным торговым путем в этом направлении была р. Иртыш. В 1901 г. П. Березницкий и П. Плещеев организовали «Верхне-Иртышское Товарищество пароходства и торговли» с основным капиталом в 30 000 руб. Первоначальной целью его была разведка возможностей пароходного сообщения по озеру Зайсан и Черному Иртышу до китайских пределов, а если условия будут благоприятными, то и за пределы Китая, для чего был приобретен небольшой пароход «Св. Ключ» с несколькими баржами. Учредители «Товарищества», зная край и «предвидя его блестящее будущее», основательно иссле-

довали этот путь и постепенно увеличили свой флот, который в 1908 г. состоял уже из 7 больших двухэтажных товарно-пассажирских пароходов и 2 буксирных с десятком барж⁵³. Пароходы эти совершали рейсы от Тюмени через Павлодар и Усть-Каменогорск до Семипалатинска, доставляя грузы из европейской России. В Семипалатинске грузы перегружались на мелкосидящие пароходы, специально построенные для навигации по Черному Иртышу. Из пограничных областей Китая на этих судах вывозились кожи, шерсть, хлеб, коровье масло и другие товары.

О развитии русско-китайской торговли в начале XX в. говорят такие данные (руб.) *:

Год	Ввоз	Вывоз
1903	53290	51640
1904	86050	73240
1905	121840	96520
1906	232040	157490
1907	3118058	194325
1908	350820	222017

ЦГА КазССР, ф. 64, оп. д. 3784, л. 24, 25, 27об.

Здесь отражены данные по объему грузов, перевезенных лишь пароходами «Верхне-Иртышского пароходства и торговли». Следовательно, максимальные масштабы русско-китайской торговли через Восточный Казахстан были гораздо больше. «Товарищество», развивая выгодную как для российской, так и китайской сторон торговлю, привлекло к себе новых членов, увеличило свой капитал и флот, что дало его учредителям возможность преобразовать «Товарищество» в «Русско-китайское акционерное общество пароходства и торговли», которое было организовано в 1908 г.⁵⁴ «Нам желательно, — писали учредители общества, определяя цель его создания, — чтобы через посредство учрежденного нами общества были завязаны торговые международные сношения с прилегающими к нашей границе обширными китайскими владениями... Сами по себе прочные торговые сношения, завязанные между двумя нациями, создают почву для

⁴⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1263, л. 9.

⁴⁹ Там же, л. 10.

⁵⁰ Там же, л. 9.

⁵¹ Там же, л. 10.

⁵² Там же, д. 1259, л. 302.

⁵³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 24.

⁵⁴ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 24; ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 6, л. 77.

мирного, дружеского и спокойного **сосожительства**⁵⁵. Важное значение в осуществлении этой задачи придавалось улучшению сухоходного сообщения по Черному Иртышу, «**протекающему** и через наши и через китайские владения...»⁵⁶.

В 1911 г. для исследования Черного Иртыша была организована экспедиция, которая подтвердила полную пригодность реки для пароходного сообщения. Организаторы экспедиции, в состав которой вошли члены русско-китайского общества, а также богатые купцы, в том числе известный торговец М. М. Красильников, выразили желание, чтобы «на этот... водный путь русский промышленно-торговый мир обратил серьезное внимание и проявил бы свое сочувствие и участие в деле развития русской торговли и промышленности»⁵⁷. Торговым домом купцов Плотниковых для обслуживания судоходства по Черному Иртышу на первое время были выделены два парохода.

Русско-китайские торговые связи через Восточный Казахстан осуществлялись также и по сухопутным маршрутам. Китайские товары подвергались на границе дезинфекции, чтобы недопустить «**повально заразных болезней**»⁵⁸. Многие городские жители Синьцзяна тайно провозили скот в Казахстан, крали его в русских пограничных районах. Для пресечения подобных действий пограничная стража была **увеличена**⁵⁹.

Как и раньше, интересы России столкнулись со стремлением Англии укрепить свое влияние в этом районе. В октябре 1909 г. учредители «Русско-китайского акционерного общества» в докладной записке на имя министра торговли и промышленности сообщали, что через **Борчумский** пункт проследовал английский караван с товарами, который держал путь на **Шара-Сумбе** (один из **пунктов** русско-китайской торговли)⁶⁰. Это послужило поводом для обращения местных купцов к Степному генерал-губернатору **Шмитту Е. О.**, в котором они предло-

⁵⁵ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 11.

⁵⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 6, л. 77.

⁵⁷ Там же, л. 78.

⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5895, л. 42 об., 55.

⁵⁹ *Касымбаев К.* Торговые связи России с Синьцзяном через Восточный Казахстан в конце XIX — начале XX вв. (по русским источникам) // Общество и государство в Китае. 13-я научная конференция. М., 1982. Ч. 3. С. 23.

⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 32.

⁶¹ Там же, л. 39 об.

жили для удержания русского торгового влияния в Западном Китае и ввиду перенесения административного центра из Кобдо в Шара-Сумбе (Тулта) открыть здесь, а также в устье р. Кран (реки Кран и Каба впадали в Черный Иртыш) факторию, чтобы «утвердиться торговлей ранее всех других иностранцев». «И тогда, — писали в обращении местные **купцы**, — уже другим труднее будет отбивать у русских купцов **рынок**»⁶¹.

С 1 января 1910 г. правительство ввело пошлины на товары, ввозимые из китайских пределов, что, по мнению купцов, могло отрицательно сказаться на **состоянии** русско-китайской торговли. Опасения торговцев были вызваны тем, что, во-первых, хлопок, привозимый из Китая, на границе стоил 5—7 руб., а к обрабатывающим предприятиям доходил уже по цене 12—14 руб. за п., т. е. дороже, чем египетский и американский, хотя качество **китайского** хлопка значительно хуже⁶². Во-вторых, высокая стоимость доставки хлопка-сырца в российские города уменьшила бы количество купцов, занимавшихся продажей или перевозкой хлопка из Западного Китая.

Однако, несмотря на отдельные препятствия, торговые связи между Россией и Цинской империей через **Восточный** Казахстан развивались. В 1912 г. из Китая в Восточный Казахстан было ввезено товаров на сумму 1 212 067 руб. и экспортировано в китайские города на 922 224 руб. Судя по этим сведениям, импорт китайских товаров в Россию через Восточный Казахстан заметно преобладал над их экспортом из рассматриваемого района. Основными статьями ввоза из Китая по сухопутным маршрутам были шерсть, хлеб, рыба, чай, шкуры животных, мех, предметами вывоза являлись хлеб в зерне, мука, сахар, керосин, мануфактурные **изделия**⁶³.

Для решения **вопросов**, представляющих взаимный интерес, китайские торговцы часто посещали города Восточного **Казахстана**, а русские купцы выезжали в китайские пределы. В 1912 г. из Восточного Казахстана в Китай выехало 1121 русских подданных и 2369 китайских, а оттуда прибыли 678 русских и 4078 **китайских**⁶⁴.

Начавшаяся в 1914 г. империалистическая война еще

⁶² ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 26.

⁶³ Там же, д. 5895, л. 55; д. 3385, л. 2.

⁶⁴ Там же, д. 5895, л. 55.

более усилила **торгово-экономическое** значение животноводческих районов России, в том числе Восточно-Казахстанского края. На богатый сырьевыми запасами Восточный Казахстан обратили внимание крупные капиталистические страны, в том числе торгово-промышленные круги Соединенных Штатов Америки.

24 августа 1914 г. некий Эдмунд Нобель от имени Бостонского отделения промышленности и торговли обратился с просьбой к исполняющему обязанности губернатора Семипалатинской области оказать содействие в установлении и развитии торговых сношений между США и степными районами. При этом он выразил желание получить сведения о том, какие товары могут высылаться в Америку из Акмолинской и Семипалатинской областей и на какие американские товары имеется спрос в **Степном** крае. Были запрошены мнения канцелярии министра торговли и промышленности Семипалатинского биржевого комитета о том, заслуживает ли внимания его **ходатайство**⁶⁵. Биржевой комитет Семипалатинска признал весьма желательным и своевременным обсуждение этого вопроса и рекомендовал учредить при канцелярии Степного генерал-губернатора так называемое «**особое** совещание», в задачу которого входило выяснить пути установления непосредственного торгового обмена Степного края, в том числе Восточного Казахстана, с Америкой. Со своей стороны комитет **обещал** оказывать содействие «в доставке сведений о характере» импорта **товаров** из США и экспорта товаров из Степного края⁶⁶.

После всестороннего обсуждения данного вопроса комитет решил: 1) просить членов комитета и лиц, заинтересованных в установлении торговых сношений с Америкой, сообщить **свои** соображения; 2) наладить связи с Бостонским отделением торговли и промышленности, «предложить ему образцы нашего сырья (Степного края. — **Ж. К.**) и просить «о присылке их... образцов»; 3) сообщить «Совету съездов биржевой торговли и сельского хозяйства» о желательности обсуждения вопроса о вывозе сырья из нашего края в **Соединенные Штаты Америки**»⁶⁷.

Просьбы американских предпринимателей также **были** рассмотрены в высших **инстанциях** царской админи-

⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3895, л. 1, 2.

⁶⁶ Семипалатинский телеграф. 1914. 6 ноября.

⁶⁷ Семипалатинский телеграф. 1914. 6 ноября.

страции. 15 ноября 1914 г. торговый отдел Министерства торговли и промышленности уведомил губернатора Семипалатинской области о том, что в **Нью-Йорке** учрежден особый «Русский отдел». «В настоящее время, особенно в связи с начавшимися военными действиями, когда некоторые рынки сбыта оказались совершенно закрытыми (Германия, **Австро-Венгрия**), на другие рынки (Англия, Франция, Италия) вывоз товаров был затруднен из-за нарушения правильного морского сообщения, было бы желательно развитие товарообмена между **Россией** и Северной Америкой», — говорилось в этом **уведомлении**⁶⁸.

16 ноября 1916 г. в канцелярию Степного генерал-губернатора был представлен список наименований американских товаров (41 название), включавший различные изделия — от пушек и сельскохозяйственных машин до сухих продуктов. А в ассортименте товаров из Степного края, предложенных «Русским отделом» при Национальной ассоциации промышленников в **Нью-Йорке**, значились продукты **животноводства**: масло, рыба, икра, шерсть, шкуры и др. Опыты по вывозу свинины, сливочного масла и дичи вследствие высокого налога, которым облагались ввозимые товары, оказались не совсем **удачными**⁶⁹.

Желая изучить объем производства обрабатывающей промышленности, разнообразие ассортимента продуктов, Бостонский отдел запросил рапорты, статистические сведения, характеризующие состояние, развития скотоводческого хозяйства в **крае**⁷⁰. Кроме того, Бостонский отдел обратился к Степному генерал-губернатору с вопросом, не существуют ли какие-либо препятствия на **пути** развития торговли между США и **Степным краем**⁷¹.

Развитию торговли России с Америкой через Степной край мешал ряд обстоятельств, в частности, отсутствие прямой транспортировки грузов к пунктам их **назначения**. Все грузы из Америки и из Степного края в США должны были направляться через транспортные или **комиссионные** конторы, находящиеся в г. **Владивостоке**⁷². Расширение торговых связей осложнялось и неосведом-

⁶⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3895, л. 2, 4.

⁶⁹ Там же, л. 13 об.

⁷⁰ Семипалатинский телеграф. 1914. 6 ноября.

⁷¹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3895, л. 1.

⁷² Там же, л. 8.

ленностью местных торговых учреждений в тарифных ставках и таможенных пошлинах в других странах. Устранение указанных препятствий оживило торговые отношения с Северной Америкой⁷³.

Огромные запасы сельскохозяйственных продуктов, прежде всего животноводческого сырья, а также хлеба привлекли внимание зарубежных торгово-промышленных фирм, проявлявших большую заинтересованность в приобретении по относительно дешевой цене разных товаров, в которых они нуждались.

Внешняя торговля через Восточный Казахстан и другие смежные районы могла бы достигнуть более внушительных оборотов, если бы не препятствия, обусловленные отсутствием железнодорожных путей, связывавших изучаемый район с промышленными центрами европейской России и городами Юго-Западной Сибири, недостаточностью опыта и предприимчивости у местных торгово-коммерческих учреждений в экспорте товаров из пределов Степного края и т. п.

Несмотря на все трудности, связи с зарубежными странами через Восточный Казахстан продолжали развиваться. Торговые контакты Степного края с внешним миром значительно ослабили его территориально-хозяйственную замкнутость.

РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТА

Рост промышленности в центральных губерниях, неуклонно расширявшийся спрос на животноводческое сырье оказали значительное воздействие на развитие местной промышленности в городах Восточного Казахстана. Особенно быстрый темп набирали предприятия по первичной обработке сырья: сала, кож, овчин. Поставщиками были преимущественно зажиточные казахи, которые кроме шерсти и кожи привозили войлок, волосяные и шерстяные веревки, джабаги. Эти и другие товары поступали для продажи на рынки и в лавки городских ярмарок, на предприятия обрабатывающей промышленности.

Ниже приводятся данные за 1902 г. о количестве предприятий в городах. Пивоваренных в Павлодаре и Се-

⁷³ Там же. л. 13 об.

мипалатинске — по одному предприятию, кирпичных в Усть-Каменогорске — 4, в Павлодаре — 17, в Семипалатинске — 18, мыловаренных в Усть-Каменогорске — 2, в Семипалатинске — 3; кожевенных в Зайсане — 1, в Павлодаре — 2, в Усть-Каменогорске — 6, в Семипалатинске — 3; маслобойных в Усть-Каменогорске — 8. Кроме того, в этих же городах находились паровые мельницы, дрожжевые, кишечные, клееваренные, шубо-рукавичные, винокуренные, овчинные и другие предприятия, общее количество которых составило 86⁷⁴. По количеству заводов преобладающее положение занимал Усть-Каменогорск. «Поражает своим экономическим и культурным ростом город Усть-Каменогорск». — писал в связи с этим известный исследователь Н. В. Турчанинов⁷⁵.

Ведущую роль в городской промышленности играли предприятия по обработке животноводческого сырья. По данным за 1907 г. в Усть-Каменогорске, Павлодаре и Семипалатинске действовало 64 завода, которые производили товаров на сумму (руб.) *:

Предприятие	Количество предприятий	Произведено товаров
Салотопенные	13	55854
и мыловаренные	27	212367
Кожевенные	16	13520
Маслобойные	8	607403
Шерстомойные	(не указ.)	40000
Овчинные		

* Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. Томск. 1911. С. 203.

Городская обрабатывающая промышленность была тесно связана с предприятиями горного промысла, достигшего в начале XX в. значительного уровня. В 1907 г. в Зайсанском, Усть-Каменогорском и Семипалатинском степных округах было добыто медных руд 9700 п., медно-серебро-свинцовых — 7400, железных — 300, каменного угля — 37800, бурого угля — 79 650, графита — 1500 п., в Павлодарском и Каркаралинском степных округах: медных руд — 1 982 283 п., серебро-свинцовых — 13 356,

⁷⁴ ЦГА КазССР. ф. 64, оп. I, д. 1017, л. 9—25.

⁷⁵ Турчанинов Н. Города Азиатской России / Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 300.

медно-серебро-свинцовых — 13 500, каменного угля — 42 688 п.⁷⁶

С внедрением нового оборудования постепенно стали утверждаться капиталистические методы производства. Технически безграмотные, лишенные какой-либо подготовки рабочие-сезонники стали вытесняться более квалифицированными кадрами. В 1908 г. недалеко от Каркаралинска, близ пикета Джильтив, «братьями Вахтер и К^о» был построен новый завод, где медь добывалась посредством электролиза⁷⁷. Винокуренный завод, находившийся в 6 верстах от Семипалатинска и принадлежавший торговому дому «Плещеев П. и К^о», был оснащен аппаратом, изготовленным на механическом заводе «Дангацер и Кайзер» в Москве⁷⁸.

Наибольшая концентрация капитала была достигнута в мукомольной промышленности. Примером может служить синдикат акционерного общества мукомольных предприятий, организованный в 1908 г. Во главе акционерного общества стояли Семипалатинский городской голова П. Плещеев, крупные купцы — владельцы мукомольных предприятий М. Красильников, М. Артамонов, В. Ядрышников, Л. Мусин и др. Всего 27 человек⁷⁹. Члены акционерного общества захватили городское управление в свои руки. Не имея конкурентов, они назначали цены на зерно и муку по своему усмотрению. Продавая муку по очень высокой цене в Омске, Петропавловске, Тюмени и других городах, получали «громатные барыши». Достаточно привести такой пример: с 21 мая 1908 г. по 1 октября 1909 г. на основной капитал в 1 800 000 руб. «Общество» получило чистой прибыли 744 881 р. 16 к.⁸⁰, т. е. 41,3 % первоначального капитала. В исследовании Г. Х. Рабиновича данные несколько занижены — 744 тыс. руб.⁸¹ Г. А. Бочанова называет цифру 744,8 тыс., т. е. 40 % основного капитала⁸².

Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. С. 201.

⁷⁷ Там же. Отдел 5. С. 93.

⁷⁸ ГАНУ. ф. 94. оп. 1, д. 31, л. 183.

⁷⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4743, л. 14.

⁸⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4743, л. 14.

⁸¹ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. Томск, 1975. С. 103.

⁸² Бочанова Г. А. Обработывающая промышленность Западной Сибири: Конец XIX — начало XX вв. Новосибирск, 1978. С. 148.

Крупные мельницы были почти во всех городах Восточного Казахстана. В 1900 г. в Павлодаре было три мельницы, в Усть-Каменогорске одна⁸³, несколько мельниц действовало в Семипалатинске. В Бухтарме были одна колесная водяная и до 10 мелких мельниц⁸⁴. По мнению Г. А. Бочановой, сибирское мукомолье, как и общероссийское, уступало наиболее развитому зарубежному мукомольному производству⁸⁵.

В подъеме экономической жизни северо-восточных районов Казахстана велика была роль Иртышского водного пути. Авторы, так или иначе изучавшие хозяйственное развитие Западной Сибири и смежных с ней районов, в частности Восточного Казахстана, умалчивали о роли Иртышского речного пароходного сообщения в хозяйственном освоении края. Мы по возможности постараемся восполнить этот пробел и на конкретных примерах показать значение судоходства по Иртышу в развитии промышленности.

Еще в 80-х гг. XIX в. были предприняты первые попытки наладить постоянное судоходство по Иртышу в коммерческих целях. Река Иртыш, по свидетельству путешественников, по величине не уступала величайшим рекам Европы⁸⁶. В целях совместного использования Иртышского речного бассейна для хозяйственных нужд в 1900 г. было учреждено «Общество буксирного пароходства» по верхнему течению реки от Зайсана до Семипалатинска, для чего были закуплены пароход и несколько барж.

В 1900 г. в течение навигации за подвозку грузов поступило доходов по Павлодарским пристаням 539 р. 38 к., по Семипалатинским 8 058 р. 74 к., по Омским (для сопоставления) 1266 р. 56 к.⁸⁷

Быстрый рост городов на Иртыше выдвигал серьезные требования к судоходству не только в отношении увеличения объема перевозимых грузов, но и в отношении скорости и удобства передвижения. Доставка быстропортящихся продуктов (масла, мяса, дичи) требовала замены

⁸³ Чуланов Г. Промышленность дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 27.

⁸⁴ Герасимов Б. Поездка на Рахмановские ключи... С. 25.

⁸⁵ Бочанова Г. А. Обработывающая промышленность Западной Сибири: Конец XIX — начало XX вв. С. 139.

⁸⁶ Оланьон К. О. Сибирь и ее экономическая будущность. Спб., 1903 С. 17

⁸⁷ ГАНУ, ф. 145. оп. 1, д. 1, л. 9 об.

прежних буксирных перевозных средств более скоростными судами, которые могли бы совершать срочные рейсы с большими удобствами и безопасностью⁸⁸. В результате предпринятых судовладельцами мер грузы, например через павлодарские пристани, стали перевозиться хорошо оборудованными пароходами волжского типа.

В 1908 г. в Верхне-Иртышских пристанях находилось 46 паровых судов и 87 барж⁸⁹. Кроме того, в этом же году в Тюмени началось строительство нескольких мелких парусных судов, предназначенных для плавания по Верхнему Иртышу и озеру Зайсан⁹⁰. В отчете по полевой поездке офицеров Генерального штаба Омского военного округа в Зайсано-Иртышский пограничный район в 1908 г. выражалась надежда, что «... вследствие значительного количества грузов, которые направляются на пристани верхнего плеса р. Иртыш можно полагать, что здесь судоходство разольется особенно с окончанием работ по очистке фарватера»⁹¹.

Кроме грузовых по Иртышу ходили и пассажирские пароходы. С 1900 по 1911 гг. «Торговым домом И. Н. Корнилова», «Товариществом Западно-Сибирского пароходства и торговли», «Русско-китайским акционерным обществом пароходства и торговли», «Торговым домом Плотниковых», «Товариществом „Коншин и Двинаренко“», «Пароходством Разумского», «Пароходством А. Русанова и Путиной З. А.» было перевезено 241 600 чел.⁹²

Рост числа предприятий, необходимость своевременной доставки сырья на заводы, фабрики и ярмарки требовали улучшения транспортировки товаров. В 1914 г. в Зайсане была организована первая в Восточном Казахстане автомобильная кампания, целью которой была правильная эксплуатация грузового и пассажирского⁹³ автомобильного движения. Использование автомобильного транспорта имело большое значение, так как основным видом сухопутного сообщения и перевозки были поезда, преимущественно конной упряжи⁹⁴.

До 1917 г. в Восточном Казахстане железнодорожных

⁸⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3784, л. 10.

⁸⁹ АВГО СССР. Разряд 69, оп. 1, д. 11, л. 3—6.

⁹⁰ ЦГВИА СССР. ф. 1450, оп. 7, д. 4, л. 27.

⁹¹ Там же.

⁹² ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1259, л. 61—74.

ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 425, л. 3.

⁹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 28.

линий, соединявших административно-экономические центры с другими районами России, не было. Воскресенская железнодорожная ветвь не играла существенной роли в хозяйственном развитии Восточного Казахстана. Она связывала лишь Экибастузские каменноугольные копи с Воскресенской пристанью и в 1914 г. перешла в собственность барона В. В. Меллер-Закомельского и местного предпринимателя В. В. Романова⁹⁵. Попав под управление частных лиц, Воскресенская железнодорожная ветвь обслуживала ограниченную территорию, работа ее всецело зависела от корыстных интересов владельцев.

В экономическом развитии Северо-Восточного Казахстана первостепенное значение имело строительство в 1913—1915 гг. Алтайского участка Туркестано-Сибирской магистрали. Главной ветвью ее была линия Барнаул — Семипалатинск⁹⁶, которая пролегла в непосредственной близости от городов Восточного Казахстана. 21 октября 1915 г. на этом участке началось регулярное движение пассажирских и товарных поездов⁹⁷. Строительство Алтайской железной дороги вызвало большое оживление в экономической жизни восточных районов Казахстана, обеспечив быструю доставку продукции сибирской промышленности в Казахстан, расширив рынки сбыта товаров из степных районов. Установились тесные связи фабрично-заводской промышленности края с экономикой Западной Сибири. Трудно преувеличить значительную роль Восточного Казахстана в снабжении Западной Сибири животноводческими продуктами (например, Западный Казахстан, преимущественно Уральская область, снабжал поволжский промышленный район шерстью, кожей, салом и другим сырьем).

Изобилие сырья, строительство путей сообщения, принятие мер по развитию Иртышского водного пути, приближение железной дороги к центрам скотоводства — все это способствовало развитию обрабатывающей промышленности. Она находилась в известной зависимости от предприятий горнодобывающего промысла. Многочис-

⁹⁵ ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 8, л. 168.

⁹⁶ Макаревич В. И. Строительство Алтайской железной дороги (1913—1915 гг.) // Исторические науки. Алма-Ата, 1974. Вып. 2. С. 50.

⁹⁷ Асылбеков М. Х. Развитие сети железных дорог Казахстана в XIX — начале XX в. // Казахстан в канун Октября. Алма-Ата, 1968. С. 202.

ленные каменноугольные копи, рудники входили в ведомство Томского горного управления.

Экибастузские копи обеспечивали Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар каменным углем⁹⁸. В качестве посредника между Киргизским горнопромышленным акционерным обществом и теми, кто доставлял уголь в города Восточного Казахстана и селения Томской губернии, выступало Павлодарское агентство, которому представлялись отчеты о размерах и ценах проданного угля⁹⁹. Заявки на выдачу свидетельств на поиск месторождений полезных ископаемых в Степном южном Горном округе выдавались в городах уездными начальниками. На 1 января 1917 г. таких заявок было по Зайсанскому уезду 34, по Усть-Каменогорскому 2, по Семипалатинскому 38 (для сравнения: по Капальскому 6, по Верненскому 14)¹⁰⁰.

Об усилении экономического значения Усть-Каменогорска как крупного центра по добыче цветных металлов свидетельствуют съезды золотопромышленников, которые прошли в этом городе в феврале и мае 1917 г.¹⁰¹

Особенно возросло значение предприятий в годы первой мировой войны. Экибастузские копи были внесены в списки работающих на государственную оборону¹⁰². Предприятия Киргизского горнопромышленного общества добыли с 1914 по 1916 гг. 10 000 000 п. угля. Вследствие нехватки рабочих в 1916 г. добыча угля несколько упала и составила 400 000 п. В 1917 г. Воскресенские заводы выплавляли для артиллерийских заводов 10 000 п. цинка, из них 300 п. подлежало отправке на Ижорский завод морского ведомства¹⁰³.

Развитие промышленности в городах объективно сопровождалось ростом числа рабочих и постепенным пробуждением их классового сознания. Точно определить их число в Казахстане, в том числе в восточной части, затруднительно по ряду причин: слабое состояние статистики, не позволяющее вести точный учет наемного труда; отрывочность сведений о рабочих в разных отраслях городской промышленности. Подсчет численности по от-

⁹⁸ ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 5, л. 12.

⁹⁹ Там же, д. 1, л. 6.

¹⁰⁰ ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 5, л. 4.

¹⁰¹ Там же, л. 6.

¹⁰² Там же, л. 12.

¹⁰³ Там же, л. 12.

дельным районам Казахстана за последние десять лет никем из авторов не проведен.

Тот факт, что большую часть рабочих в предоктябрьский период составляли казахи, не подлежит сомнению. По данным А. Кияницы, в 1905—1906 гг. на 3491 предприятии Казахстана было занято 11 025 человек, из которых 60—70 % составляли казахи¹⁰⁴.

В третьем томе Истории Казахстана удельный вес казахов определен в 50—60 % общего числа рабочих¹⁰⁵. По подсчету академика А. Н. Нусупбекова, численность рабочих Казахстана за 1913 г. составляла 19 851 человек, в том числе казахов — 50%¹⁰⁶. Противоречивость итоговых данных осложняет определение уровня пролетаризации населения (промышленный пролетариат или «Предпролетариат») и ставит перед нами ряд вопросов: каковы источники формирования рабочего класса, влияние городской промышленности на его состав; каким было положение рабочих?

Главным источником формирования рабочих кадров городской промышленности были казахи-сезонники. В число сезонников кроме «желтых рабочих» — кочевников — входили крестьяне окрестных деревень, станиц, нанимавшиеся предпринимателями преимущественно в зимнее время. В период первой мировой войны заводы и фабрики, выполнявшие заказы правительства для государственной обороны, испытывали острый недостаток рабочих¹⁰⁷. Поэтому широко использовались австро-венгерские и германские военнопленные. Число рабочих-военнопленных на отдельных предприятиях превышало 100 чел.¹⁰⁸

Согласно официальным данным, в 1902 г. на предприятиях Усть-Каменогорска, Зайсана, Семипалатинска, Павлодара числилось 511 чел. рабочих.¹⁰⁹ На наш взгляд, эти данные явно занижены и не могут быть приняты для определения максимальной численности рабочих в городах Восточного Казахстана. Так, за 1908 г., по

¹⁰⁴ Кияница А. Из истории первых большевистских организаций в Казахстане // Большевик Казахстана. 1952. № 3. С. 30.

¹⁰⁵ История КазССР: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 313.

¹⁰⁶ См.: Нусупбекова А. Н. К вопросу о формировании казахской буржуазной нации // Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1954. С. 41.

¹⁰⁷ ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 5, л. 35.

¹⁰⁸ ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 5, л. 35.

¹⁰⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1017, л. 22—25.

данном помощника Омского жандармского управления ротмистра Леваневского, рабочих, занятых на мукомольных предприятиях, было 1500 чел.¹¹⁰ А в 1917 г. только в Семипалатинске численность рабочих составляла 5000 чел.¹¹¹ Среднее число рабочих на городских предприятиях равнялось примерно 7,5 тыс. чел., не включая рабочих горных заводов, рудников и ремесленников.

Положение рабочих на городских предприятиях, в том числе на близрасположенных к городским центрам приисках, было тяжелым. Они выполняли самые трудоемкие, наиболее скудно оплачиваемые работы. О заработной плате чернорабочих можно судить по данным за 1904 г. (коп. в день)*:

	Мужчины	Женщины
Усть-Каменогорск	40—55	30—35
Павлодар	50—70	30—40
Семипалатинск	40—80	30—50
Зайсан	30—50	30—40
Каркарашнек	60	50
Кокпекты	45—50	30—35
Верный	50—65	35—50
Петропавловск	75	45

* Города России в 1904 г. Раздел 7. Средняя Азия. С. 331.

Отчетливо видна большая разница в оплате труда женщин и мужчин. В некоторых крупных городах (Павлодар, Семипалатинск) заработная плата наемных чернорабочих-женщин составляла немногим более 40 % оплаты труда мужчин. Цены же на продовольственные товары были непомерно высоки. К примеру, оптовая цена сахара-рафинада в Кокпектах составляла 9 р. 55 к. за пуд, 27 коп. за фунт. Самая низкая цена была установлена в Павлодаре и Семипалатинске; 7 р. 30 к. за пуд, 21 коп. за фунт¹¹².

Согласно отчету Павлодарской городской управы, цены на мясо в 1917 г. были следующие: первый сорт — 8 руб. за пуд, 20 коп. за фунт; второй — 7 руб. за пуд и 17 коп. за фунт; третий — 6 р. 15 к. соответственно¹¹³.

На городских предприятиях взрослый рабочий казах получал от 5 до 6 руб. в месяц. Рабочие горных предпри-

ятий дополнительно получали по 4 фунта хлеба. Средний дневной заработок рабочего казаха составлял 20 коп.¹¹⁴ Законодательств же, ограничивающих произвол предпринимателей, правил по урегулированию рабочего дня или заработной платы, выработано не было. Рабочие находились в полной зависимости от владельцев предприятий. На рудниках, расположенных недалеко от городов, работали в среднем по 12—16 часов в сутки.

Несколько иным было положение рабочих мукомольных предприятий. В 1910 г. они добились установления 8-часового рабочего дня с тремя сменами¹¹⁵, что стало возможным благодаря действиям профессиональной организации «Рабочий союз», руководителем которой был впоследствии большевик В. Брудневский. Владельцы паровых мельниц, намереваясь упразднить 8-часовой рабочий день, хотели вместо 3 смен ввести снова две, мотивируя это пользой для самих рабочих¹¹⁶, на что последние ответили решительным отказом. Кроме того, рабочие добились права на лечение за счет предпринимателей. Правда за это хозяева урезали значительную часть и без того низкой зарплаты. Угроза увольнения, административное давление со стороны городских властей вынуждали рабочих соглашаться с требованиями владельцев крупчатых мельниц.

Дороговизна, которая в черте города прогрессивно повышалась, тяжелые условия жизни способствовали пробуждению политического сознания городских трудящихся. Владельцы фабрик и заводов, пытаясь отвлечь внимание слоев городского населения от борьбы за социальное освобождение, позволяли рабочим создавать культурно-просветительные общества, деятельность которых была строго ограничена предпринимателями.

Таким образом, Восточный Казахстан по уровню экономического развития отставал не только от европейских районов империи, но и от некоторых сопредельных районов, в частности Западной Сибири. Объяснить это только географической отдаленностью, слабым состоянием путей сообщения, сохранением патриархально-феодалных пережитков было бы недостаточно. Следует обратить внимание на колонизаторскую направленность

¹¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5733, л. 52.

¹¹¹ ГАНО, ф. 144, оп. 1, д. 63, я. 12.

¹¹² ЦГА КазССР, ф. 453, оп. 1, д. 401, л. 42.

¹¹³ ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 18, л. 158.

¹¹⁴ ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 2, л. 52—53.

¹¹⁵ Омский вестник. 1910 3 января.

¹¹⁶ ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 2, л. 97.

хозяйственной политики царизма: правительство прежде всего использовало огромные запасы скотоводческого сырья для нужд развивающейся пищевой и легкой промышленности центра, поэтому ведущей отраслью промышленности была обрабатывающая. Но и она развивалась не во всех городах. Бухтарминск, Кокпекты, Каркаралинск, Аягуз остались в стороне от промышленного развития, хотя как торговые пункты сохранили определенную роль.

Патриархально-религиозные взгляды, низкий культурный уровень, отдаленность казахских аулов от городских поселений затрудняли непосредственное общение сезонных рабочих с угнетенным населением городов. Общественно-политические события в административно-культурных центрах изучаемого района доходили до них со значительным опозданием. Что касается казахов, проживающих в городах, то они не являлись кадровыми рабочими. Тем более в городах не было потомственных рабочих. На наш взгляд, неправы те исследователи, которые для характеристики рабочих, Казахстана, в том числе его районов, употребляют выражение «промышленный пролетариат». Анализ документов побуждает нас сделать вывод, что рабочие кадры здесь не вышли за пределы «предпролетариата». Следовательно, мы не вправе переоценивать степень их социальной зрелости. Произвольное ограничение в правах замедлило политическое пробуждение рабочих и соответственно отразилось на классовых выступлениях в предоктябрьский период.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОРОДАХ В 1905—1907 гг.

Под воздействием революционной борьбы рабочих и крестьян центральных районов России и крупных городов Сибири в Восточный Казахстан стали проникать **марксистско-ленинские** идеи. Существенную роль в этом играли ссыльные революционеры. И хотя часть из них к началу XX в. отошла от политической борьбы и ограничилась культурно-просветительными мероприятиями, все же основу для революционной борьбы заложили именно они.

По данным Б. С. Сулейменова, в Усть-Каменогорске к середине 1902 г. под надзором полиции состояли 10 по-

литических заключенных¹¹⁷. Кроме того, здесь постоянно проживали бывшие политические ссыльные А. Н. Федоров, Н. Я. Антонов¹¹⁸. Несколько человек из бывших поднадзорных, оставшись здесь на постоянное жительство, занимали видное положение в городе. Так, Костюрин был городским старостой, Федоров, Иньков и Дзельватозский-Гинтов — городскими уполномоченными. Они поддерживали связи с политическими ссыльными¹¹⁹. Исследователь В. Ф. Борзунов отмечал огромную роль политической ссылки в воспитании сибирских революционеров¹²⁰. Путь ссыльных революционеров к марксизму в условиях Казахстана был очень сложным.

Важная заслуга в пропаганде и распространении марксистских взглядов принадлежала созданному в 1903 г. «Сибирскому социал-демократическому союзу». Им было издано и распространено в городах Сибири и Северо-Восточного Казахстана написанное В. И. Лениным «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Руководящую роль в идейном сплочении социал-демократических групп Северо-Восточного Казахстана играла Омская социал-демократическая организация, являвшаяся одной из крупных в «Сибирском союзе». Первыми марксистами в Омске исследователи считают А. А. Беляева и его жену, высланных туда в 1894 г. под гласный надзор полиции¹²¹.

Местные власти были обеспокоены деятельностью подпольных социал-демократических организаций. Чтобы воспрепятствовать распространению революционной литературы, все книжные лавки, магазины, библиотеки в городах были взяты под контроль полиции.

Специальным распоряжением городских полицмейстеров от 17 октября 1902 г. для выявления прибывших в города «подозрительных» лиц в местной печати было опубликовано обязательное постановление, согласно которому домовладельцам, держателям гостиниц, постоялых дворов было предписано вести особые регистра-

¹¹⁷ Сулейменов Б. С. Рабочее и аграрное движение в Казахстане // Вопросы истории Казахстана XIX — нач. XX в. Алма-Ата, 1961. С. 12

¹¹⁸ ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 3025, л. 5—6.

¹¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1010, л. 46 об.

¹²⁰ См.: Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965. С. 149.

¹²¹ Блинов П. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций Сибири. Томск, 1972. С. 9.

ЦИОННЫЕ книги. За нарушение обязательного постановления жителям городов грозило привлечение к ответственности¹²². Не вызывает сомнения, что решение было направлено прежде всего против тех, кто активно вел революционную пропаганду.

Поворотным моментом в развитии революционного движения и пробуждении классового сознания угнетенного населения явился II съезд РСДРП. Вскоре после съезда из центральных районов, Томска, Омска и других сибирских городов начала поступать марксистская литература, нелегальным путем доставлялись прокламации и другие печатные документы партии. В 1903 г. членами местных социал-демократических кружков были получены материалы II съезда РСДРП и программные документы, принятые на съезде¹²³. Выдающуюся роль в идейном воспитании первых марксистов в городах Восточного Казахстана сыграли газета «Искра» и книга В. И. Ленина «Что делать?», которые распространялись в марксистских кружках Павлодара, Семипалатинска и других городов¹²⁴.

Растущее влияние марксистско-ленинских идей на местное население побуждало колониальные власти увеличить штат полиции. Расходы по содержанию полицейских полностью возлагались на городскую администрацию, что легло тяжелым бременем на плечи трудящихся.

В 1904 г. в Усть-Каменогорске и Семипалатинске были открыты отделения Омского жандармского управления. О штате полицейского аппарата говорят данные за 1903 г. *:

	Полицейские	Приставы	Помощники приставов и надзирателей	Нижние полицейские чины
Семипалатинск	1	3	3	52
Зайсан	—	1	—	6
Каркаралынк	—	—	—	5
Павлодар	—	1	—	8
Усть-Каменогорск	—	2	1	12
Верный	—	2	6	44
Петропавловск	1	2	—	118

* Города России в 1904 г. Раздел 8. Средняя Азия С. 316, 317.

¹²² ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 337, л. 1.

¹²³ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. // Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1955. С. 180.

¹²⁴ Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. С. 90.

Развертыванию революционных событий в Восточном Казахстане, как и повсеместно в России, способствовала начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война. Она подорвала хозяйство, принесла новые бедствия трудовому народу. «Возникшая война с Японией вызвала мобилизацию войск со стороны городского управления, потребовала наряд подвод, обывательские квартиры для размещения войск...», — говорится в отчете по г. Усть-Каменогорску за 1904 г.¹²⁵ Городские жители испытывали большой недостаток в продуктах, подвоз которых в значительной мере затруднялся из-за военного времени¹²⁶. В безвыходном положении оказались семьи призванных на войну, которые, лишившись кормильцев, не имели источников существования. «Явилась необходимость принять меры к презрению (оказанию помощи. — Ж. К.) оставшихся в городе семейств тех нижних чинов и ополченцев, которые были призваны на действительную службу», — записано в том же отчете по г. Усть-Каменогорску за 1904 г.¹²⁷ Для оказания помощи семьям, потерявшим кормильцев, а также изувеченных на войне, создавались комитеты попечительства о вдовах и сиротах воинов, призванных от населения края на войну с Японией¹²⁸. По данным за декабрь 1904 г., такие комитеты были созданы в Каркаралах, в Усть-Каменогорске, в Семипалатинске¹²⁹. Они возникали по инициативе общественности. Помимо оказания денежной помощи комитеты призваны были определять детей-сирот в учебные заведения, содействовать нуждающимся в обеспечении топливом или в найме квартир. 12 ноября 1904 г. чрезвычайное собрание уполномоченных г. Павлодара приняло решение выделить семьям из городских средств на наем квартиры с отоплением по 1 руб. для взрослых и по 50 коп. для детей в месяц. Средства для этих целей поступали в виде членских взносов, частных пожертвований, выручки от выставок, лотереи и т. п.

В феврале 1904 г. по Усть-Каменогорску пособие в сумме 193 руб. было выдано 130 семьям¹³⁰. Однако число семей, потерявших на войне кормильцев, увеличивалось

¹²⁵ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1307, л. 180.

¹²⁶ Сибирская жизнь. 1905. 15 июня.

¹²⁷ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1307, л. 180.

¹²⁸ ЦГИА ССР, ф. 1284, оп. 194, д. 36, л. И об.

¹²⁹ ЦГА КазССР, ф. 417, оп. 1, д. 2, л. 2, 3.

¹³⁰ ЦГА КазССР, ф. 16, оп. 1, д. 1307, л. 101.

с каждым днем. 7 июля 1905 г. собрание уполномоченных г. Усть-Каменогорска из-за отсутствия требуемых средств в городском бюджете приняло решение: поручить городскому старосте ходатайствовать перед высшей администрацией Степного генерал-губернатора о выдаче денежных пособий воинским семьям за счет казны.

Еще в начале 1904 г., когда разразилась война с Японией, Сибирский социал-демократический союз развил широкую агитацию за проведение всеобщей забастовки под лозунгом «Долой войну». В прокламации «Сибирского союза», распространенной среди рабочих Западно-Сибирской железной дороги, содержался открытый призыв: «Каждый честный человек видит, как сотни миллионов народных денег растрчивает правительство на войну, вредную для народа... неужели сибирские рабочие не сумеют защитить своих братьев, отсылаемых на дикий убой... В Варшаве, в Баку и других местах рабочие уже начали войну с царским самодержавием. За нами очередь. Да здравствует всеобщая стачка против войны»¹³¹.

Однако малочисленность рабочего класса, политическая незрелость его, особенно рабочих-казахов, слабость организации РСДРП осложняли объединение всех революционных сил и создание сплоченного союза трудящихся. В таких условиях недовольство, зреющее среди городского населения, могло перерасти в открытую классовую борьбу лишь под воздействием революционных выступлений рабочих и крестьян центрально-промышленных районов и относительно крупных городов Сибири. «Русская революция вызвала движение во всей Азии», — писал В. И. Ленин¹³².

Известия о «кровавом воскресеньи» и дальнейших событиях дошли до Казахстана. Члены социал-демократических кружков развернули революционную пропаганду среди солдат местных гарнизонов, крестьян близлежащих сел и деревень, в среде казахского населения, учащихся школ и других учебных заведений. Одним из таких пропагандистов был преподаватель Семипалатинской учительской семинарии Степанов, который, по донесению агента полиции, «являлся образцовым руководителем революционной пропаганды»¹³³.

Большую роль в активизации агитационно-пропаган-

¹³¹ ГАНО, ф. 144, оп. 1, д. 63, л. 3—3 об.

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 326

¹³³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5989, л. 1.

дистской работы играла Семипалатинская организация РСДРП, созданная осенью 1905 г., руководителем которой был В. О. Солодовников¹³⁴. В 1906 г. в Павлодаре была создана социал-демократическая группа, действовавшая под руководством Петропавловской автономной группы Омского Комитета¹³⁵. Социал-демократические кружки возникли в Усть-Каменогорске, Каркаралинске. Причем Усть-Каменогорский кружок большей частью состоял из бывших политических ссыльных, в числе которых были Ы. Я. Антонов, И. Н. Кожевников¹³⁶. В состав социал-демократических кружков входили передовые представители местной интеллигенции, учащиеся гимназий, рабочие городских предприятий. Социал-демократической пропагандой были охвачены также жители казачьих станиц и хуторов. Как сообщала местная газета, «казачье предместье Семипалатинска живет совершенно обособленной от городов жизнью, по порядкам и беспорядкам, происходящим в нем, оно представляет из себя какой-то город в городе, так как, что воспрещается в городе (антиправительственные выступления. — Ж. К.), здесь пользуется правом гражданства»¹³⁷.

Рост антиправительственных настроений заставил жандармско-полицейские власти усилить наблюдение за всеми выступлениями перед населением. Согласно предписанию администрации, для чтения лекций перед городскими жителями требовались справки, которые свидетельствовали бы прежде всего о политической благонадежности лекторов¹³⁸.

Одной из форм пропаганды революционных идей явилось распространение прокламаций и листовок. В этом большевики Восточного Казахстана руководствовались тактическими указаниями партии. «...Надо создать живые, подвижные, быстрые, краткие листки-бюллетени, дающие основные лозунги и итоги основных событий», — по этому поводу писал В. И. Ленин¹³⁹. Особенно усилилось распространение листовок в связи с нарастанием рабочего и крестьянского движения в стране летом 1905 г.

¹³⁴ Сибирская жизнь. 1905. 12 марта.

¹³⁵ Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в революция 1905—1907 гг. Алма-Ата, 1976. С. 34.

¹³⁶ ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 3025, л. 6.

¹³⁷ Семипалатинский листок. 1905. 11 февраля.

¹³⁸ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 523, л. 5—11.

¹³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.

Пропагандистско-агитационная работа велась также среди казахского населения городов и уездов, которые по примеру русских товарищей втягивались в революционную борьбу. «Местное киргизское население (Каркаралинска. — Ж. К.) очень живо интересуется всеми теперешними событиями, о которых хорошо осведомлено. Вообще, разные лица, смело утверждающие, что киргизы чужды всякой гражданственности и пр., могли бы здесь убедиться, как горько ошибаются, аттестуя подобным образом этот живой и подвижный народ»¹⁴⁰. Правда, находились отдельные авторы, которые в своих статьях, выдержанных в шовинистическом духе, утверждали, что «мусульмане не занимались политикой, мало интересовались спорами русской интеллигенции...»¹⁴¹. Несмотря на строжайшую цензуру, на страницах местной печати часто появлялись статьи, «осмелившиеся дерзновенно беспокоить особу государя императора». Полицейские чины докладывали «о наглости и тенденциозности» заметок и корреспонденций, печатавшихся в газетах¹⁴². В октябре 1905 г. помощник министра внутренних дел в телеграмме Степному генерал-губернатору требовал «не допустить никаких сборищ, сходок, собраний... прекращая подобные неразрешенные сборища всеми мерами, вплоть до применения открытой силы»¹⁴³.

Огромную роль в сплочении революционных сил играла Всероссийская политическая стачка. «Ежедневное оповещение телеграфным агентством об успехах руководителей всеобщей забастовки во всей России производит потрясающее впечатление, порождает панику, возбуждает беспокойные элементы» — так характеризовал влияние октябрьской стачки генерал-губернатор Степного края Н. Н. Сухотин 14 октября 1905 г.¹⁴⁴ Рабочие горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, служащие почтово-телеграфных учреждений, учащая молодежь приняли активное участие в этой стачке, проявив пролетарскую солидарность с рабочим классом центра России. Примером может служить длительная забастовка служащих Семипалатинской почтово-телеграфной конторы, начавшаяся 16 ноября 1905 г. по инициативе

¹⁴⁰ Сибирская жизнь. 1905. 15 июня.

¹⁴¹ Исое Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль. 1909. Кн. 7. С. 45.

ЦГАОР СССР. ф. ДП-00оп. 1905, д. 1380, л. 2.

¹⁴³ ЦГА КазССР. ф. 64, оп. I, д. 5055, л. 14.

¹⁴⁴ Там же, д. 5657, л. 1.

Всероссийского съезда почтово-телеграфных служащих. Одновременно проходили забастовки этих служащих в Павлодаре, Усть-Каменогорске.

Всероссийская политическая стачка, показавшая силу и мощь российского пролетариата, вплотную подвела массы к вооруженному восстанию против самодержавия. Царское правительство вынуждено было пойти на частичные уступки трудящимся. 17 октября 1905 г. царь подписал манифест, который провозгласил неприкосновенность личности, свободу слова, собраний, союзов. Однако, как и в других районах страны, у трудового населения Восточного Казахстана царский манифест не нашел одобрения. В местной печати текст манифеста печатался не полностью. Например, в Семипалатинске были пропущены слова: «... народу даруется свобода совести, личности, собраний, союзов...». Стремление администрации обеспечить широкое обсуждение манифеста потерпело полный провал. В Каркаралинске известие о манифесте вызвало взрыв негодования и вылилось в антиправительственную демонстрацию трудящихся. О том, что «высочайший» манифест привел к печальным событиям, вынуждена была признать и администрация края¹⁴⁵.

Массовые расстрелы и зверские избиения последовали за манифестом 17 октября. Россия оказалась накануне вооруженного восстания. Начавшись 7 декабря 1905 г. в Москве, оно вызвало новый подъем революционного движения по всей России.

Велика роль декабрьского вооруженного восстания в развитии революционной борьбы в Восточном Казахстане. 6 декабря 1905 г. политический ссыльный Орест Костюрин, выступая в народном ломе г. Усть-Каменогорска, предложил почтить память павших за свободу. Он разъяснил присутствовавшим, что главное в революции — это решение аграрного вопроса, «чтобы у господ помещиков была отобрана земля и передана в пользование крестьянам»¹⁴⁶.

15 декабря 1905 г. заведующий сельскохозяйственным школой Корсаков, явившись к генерал-губернатору Семипалатинской области Галкину, сообщил ему о намерении жителей Заречной слободки устроить в ней общест-

¹⁴⁵ ЦГА КазССР. ф. 64, оп. I, д. 5864, л. 3.

¹⁴⁶ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. (докум. № 82). С. 114, 115.

Пропагандистско-агитационная работа велась также среди казахского населения городов и уездов, которые по примеру русских товарищей втягивались в революционную борьбу. «Местное киргизское население (Каркаралинска. — Ж. К.) очень живо интересуется всеми перешедшими событиями, о которых хорошо осведомлено. Вообще, разные лица, смело утверждающие, что киргизы чужды всякой гражданственности и пр., могли бы здесь убедиться, как горько ошибаются, аттестуя подобным образом этот живой и подвижный народ»¹⁴⁰. Правда, находились отдельные авторы, которые в своих статьях, выдержанных в шовинистическом духе, утверждали, что «мусульмане не занимались политикой, мало интересовались спорами русской интеллигенции...»¹⁴¹. Несмотря на строжайшую цензуру, на страницах местной печати часто появлялись статьи, «осмелившиеся дерзновенно беспокоить особу государя императора». Полицейские чины докладывали «о наглости и тенденциозности» заметок и корреспонденций, печатавшихся в газетах¹⁴². В октябре 1905 г. помощник министра внутренних дел в телеграмме Степному генерал-губернатору требовал «не допустить никаких сборищ, сходок, собраний... прекращая подобные неразрешенные сборища всеми мерами, вплоть до применения открытой силы»¹⁴³.

Огромную роль в сплочении революционных сил играла Всероссийская политическая стачка. «Ежедневное оповещение телеграфным агентством об успехах руководителей всеобщей забастовки во всей России производит потрясающее впечатление, порождает панику, возбуждает беспокойные элементы» — так характеризовал влияние октябрьской стачки генерал-губернатор Степного края Н. Н. Сухотин 14 октября 1905 г.¹⁴⁴ Рабочие горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, служащие почтово-телеграфных учреждений, учащаяся молодежь приняли активное участие в этой стачке, проявив пролетарскую солидарность с рабочим классом центра России. Примером может служить длительная забастовка служащих Семипалатинской почтово-телеграфной конторы, начавшаяся 16 ноября 1905 г. по инициативе

¹⁴⁰ Сибирская жизнь. 1905. 15 июня.

¹⁴¹ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Русская мысль.

1909. Кн. 7. С. 45.

¹⁴² ЦГАОР СССР, ф. ДП-00, оп. Д- 1380, л. 2.

¹⁴³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5055, л. 14.

¹⁴⁴ Там же, д. 5657, л. 1.

Всероссийского съезда почтово-телеграфных служащих. Одновременно проходили забастовки этих служащих в Павлодаре, Усть-Каменогорске.

Всероссийская политическая стачка, показавшая силу и мощь российского пролетариата, вплотную подвела массы к вооруженному восстанию против самодержавия. Царское правительство вынуждено было пойти на частичные уступки трудящимся. 17 октября 1905 г. царь подписал манифест, который провозгласил неприкосновенность личности, свободу слова, собраний, союзов. Однако, как и в других районах страны, у трудового населения Восточного Казахстана царский манифест не нашел одобрения. В местной печати текст манифеста не печатался полностью. Например, в Семипалатинске были пропущены слова: «... народу даруется свобода совести, личности, собраний, союзов...». Стремление администрации обеспечить широкое обсуждение манифеста потерпело полный провал. В Каркаралинске известие о манифесте вызвало взрыв негодования и вылилось в антиправительственную демонстрацию трудящихся. О том, что «высочайший» манифест привел к печальным событиям, вынуждена была признать и администрация края¹⁴⁵.

Массовые расстрелы и зверские избиения последовали за манифестом 17 октября. Россия оказалась накануне вооруженного восстания. Начавшись 7 декабря 1905 г. в Москве, оно вызвало новый подъем революционного движения по всей России.

Велика роль декабрьского вооруженного восстания в развитии революционной борьбы в Восточном Казахстане. 6 декабря 1905 г. политический ссыльный Орест Костюрин, выступая в народном доме г. Усть-Каменогорска, предложил почтить память павших за свободу. Он разъяснил присутствовавшим, что главное в революции — это решение аграрного вопроса, «чтобы у господ помещиков была отобрана земля и передана в пользование крестьянам»¹⁴⁶.

15 декабря 1905 г. заведующий сельскохозяйственный школой Корсаков, явившись к генерал-губернатору Семипалатинской области Галкину, сообщил ему о намерении жителей Заречной слободки устроить в ней общест-

¹⁴⁵ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5864, л. 3.

¹⁴⁶ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. (докум. № 82). С. 114, 115.

венное самоуправление¹⁴⁷. За это он был привлечен к ответственности. Невзирая на опасность преследования со стороны царских властей, жители Заречной слободки решительно выступили в защиту Корсакова.

18 декабря 1905 г. в Павлодаре объявили забастовку речники пароходов Западно-Сибирского товарищества Плотниковых, Корниловых, Вардропера. Они создали комитет по установлению связи с работниками пароходств Западной Сибири для борьбы против самодержавия¹⁴⁸. Напуганный дальнейшим ростом забастовочного движения, исполняющий обязанности губернатора Семипалатинской области обнародовал постановление, согласно которому запрещались митинги, собрания. Нарушителям постановления грозил арест сроком до трех месяцев или денежный штраф до трех тысяч рублей. 4 января 1906 г. Николай II подписал указ о введении на территории Акмолинской и Семипалатинской областей чрезвычайного положения. Министр внутренних дел обязал цензурные органы этих областей вести строгое наблюдение за местными периодическими изданиями. На основании этого распоряжения печатание некоторых газет «за вредное направление» было приостановлено¹⁴⁹.

Были запрещены ежедневные газеты «Прииртышский край», «Семипалатинская жизнь», «Семипалатинский листок» и «Трудовая жизнь», а сотрудники, в том числе редакторы, были привлечены к судебной ответственности за печатание «явно преступной пропаганды с целью вызвать возмущение против правительства» и за призыв к стачкам¹⁵⁰. Введение нового положения сопровождалось обысками и арестами.

В противовес революционным силам буржуазия, чиновники, буржуазная интеллигенция стали объединяться вокруг местного бюро партии «народной свободы». «...Как и везде, совершенно обозначалась тенденция к организации нескольких партий, которые получили клички по лидерам того или другого направления. Но доминирующий тон, безусловно, взяла партия „народной свободы“», — писала газета «Семипалатинский листок»¹⁵¹.

¹⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5657, л. 53 об., 56—55.

¹⁴⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5657, л. 56—65; Сулейменов Б. С. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. С. 114.

¹⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 532, л. 7.

¹⁵⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5660, л. 25, 29, 31, 33, 44.

¹⁵¹ Там же, д. 5655, л. 116.

Крупные чиновники административно-колониального аппарата, представители местного духовенства, купцы и часть предпринимателей сколотили в Семипалатинске отделение черносотенного «Союза русского народа».

В условиях обострения классовых противоречий царизм старался посеять в народе иллюзии, что удовлетворения требований можно добиться мирным путем, через российский парламент. Однако избирательный закон лишил более половины населения страны права участия в выборах. Особенно были урезаны в правах жители национальных окраин, в том числе Казахстана. Генерал-губернатор Степного края Н. Н. Сухотин обратился в правительство с проектом-предложением лишить казахское население избирательных прав в Государственную думу, обосновывая это тем, что якобы «киргизский народ дикий и не дозрел до обсуждения политических вопросов»¹⁵². Позиция высшей администрации Степного края вызвала острую реакцию среди коренного населения. На имя царя была направлена петиция, в которой говорилось, что «подобное недалевидное решение объяснимо лишь незнакомством с характером развития и стремлением главной массы Степного края, на которое это устремление произвело удручающее впечатление»¹⁵³. Составители петиции обрисовали бесправное положение скотоводческого населения: «В самом деле, какие же могут быть серьезные основания выделять... киргизцев в особую бесправную, незаконную группу. Правда, мы занимаемся скотоводством и интересы скотоводческого хозяйства заставляют нас кочевать, а не бродить. Но следует ли за это лишать... права участвовать в земском собрании»¹⁵⁴. Во второй части петиции внимание царя обращалось на беззащитность казахов: «Кто может правильно выяснить назревшие нужды и способы их удовлетворения, если не будут участвовать в Земском собрании?»¹⁵⁵. В начале 1906 г. телеграмма подобного содержания под названием «Заявление 25 граждан Усть-Каменогорска» была направлена на имя председателя Совета Министров графа О. Ю. Витте, в которой авторы выразили сожаление по поводу затянувшегося решения прави-

¹⁵² Сибирская жизнь, 1905. 21 сентября.

¹⁵³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 2322, л. 116.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же, л. 116 об.

ТЕЛЬСТВОМ вопроса об участии городских жителей на выборах в I Государственную думу¹⁵⁶.

Проект Н. Н. Сухотина был отвергнут. Решили предоставить 4 депутатских места населению Акмолинской и Семипалатинской областей¹⁵⁷. Лица, не знающие русского языка, не могли избираться.

Большевистская тактика активного бойкота выборов в I Государственную думу была поддержана и социал-демократами Казахстана. Но в результате влияния колониальных властей и незрелости части городского населения сорвать выборы оказалось невозможным. Сами выборы, по свидетельству горожан, сопровождались такими вопиющими «несправедливостями, что их совершение нельзя было назвать законными»¹⁵⁸.

8 мая 1906 г. I Государственная дума была распущена. В. И. Ленин писал, что «народное представительство есть нуль, если оно не полновластно, если его создала старая власть»¹⁵⁹. Роспуск российского парламента породил глубокое разочарование. В переданной из Усть-Каменогорска корреспонденции реакция городских жителей выразилась так: «Когда к нам пришло известие о роспуске Государственной думы, многие этому не поверили... настроение подавленное, хотя неизбежность конфликта между народными представителями и высшей бюрократией здесь предвиделась»¹⁶⁰. Роспуск Государственной думы сильно поколебал веру мелкобуржуазных слоев городского населения и угнетенной части коренных жителей «в конституционное учреждение», с деятельностью которого они связывали осуществление своих требований. Вскоре были объявлены выборы во II Государственную думу. Местные социал-демократические организации и кружки, поддерживая решение партии большевиков, активизировали свою деятельность в ходе избирательной кампании. Они разъясняли населению позицию большевиков, содержание работ В. И. Ленина «Кого выбирать в Государственную Думу», «К избирателям». Только на улицах Усть-Каменогорска 29 сентября

¹⁵⁶ Там же, ф. 15, оп. I, д. 1307, л. 253.

¹⁵⁷ Сибирская жинь. 1905. 21 сентября.

¹⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 537, оп. I, д. 2, л. 154.

¹⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 311

¹⁶⁰ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. С. 244.

1906 г. полицией было подобрано 144 листовки РСДРП¹⁶¹. Омским комитетом РСДРП отдельной листовкой была размножена и распространена в Степном крае, в том числе в Усть-Каменогорске, Павлодаре, Семипалатинске, ленинская статья «Проект обращения к избирателям»¹⁶².

Агитационная работа, которую проводили социал-демократы по выборам во II Государственную думу, встревожила местную администрацию. В печати кадеты и другие контрреволюционные организации развернули клеветническую кампанию против прогрессивно настроенных лиц.

Выборы в Государственную думу для городских жителей были двусторонними: вначале избирали выборщиков, а затем — депутатов. Съезды городских избирателей были назначены на 2 января 1907 г. в Зайсане, 15 — в Кокпектах, 19 — в Павлодаре, 23 — в Каркаралинске, 25 — в Семипалатинске, 26 — в Усть-Каменогорске¹⁶³, в центре Степного края — Омске — на 10 февраля 1907 г. Значительное влияние на ход выборов в городах Северо-Восточного Казахстана оказала предвыборная борьба в Омске, где с едиными требованиями под флагом «беспартийная прогрессивная часть населения» выступили кадеты и эсеры¹⁶⁴. Социал-демократическая группа, отказавшись объединиться с ними в единый блок, самостоятельно выставила свои кандидатуры, оказав реальное противодействие. Из 4987 избирателей¹⁶⁵, зарегистрированных в избирательных списках, на выборы явились 2233 человека, то есть 41 % общего количества избирателей. По итогам выборов из всех политических групп и объединений наибольших успехов добились социал-демократы, получившие в среднем 1000 голосов, т. е. 44,7 %, так называемый «прогрессивный блок» набрал 836 голосов, октябристы — 201. остальные распределились среди беспартийных групп. Все 4 выборщика прошли от соци-

¹⁶¹ Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в революции 1905—1907 гг. С. 191.

¹⁶² Там же. С. 244.

¹⁶³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, л. 3685, л. 100. 100 об.; ф. 488, оп. 1, д. 2, л. 45.

¹⁶⁴ Там же, ф. 64, оп. I, д. 3685. л. 100.

¹⁶⁵ В работе П. М. Пахмурного число избирателей определено в 5000 чел. // Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в революции 1905—1907 гг. С. 194.

2.1-демократической организации: двое — рабочие-железнодорожники, один конторщик и один врач¹⁶⁶.

Выборы, судя по архивным документам, сопровождались грубыми нарушениями правил. Например житель Кокпектов А. И. Рейзнер в жалобе указывал на незаконность избрания выборщиком казаха К. Теленгутова, не проживавшего в той местности, от которой он избирался. В станице Баянаульской выборщиком был избран А. Размазов, привлеченный к суду в качестве обвиняемого; в станице Урлютюкской были избраны выборщиками отставной медицинский фельдшер И. Сыро-тошкин и учитель В. Шабалин не путем баллотирования, а по желанию жителей открытой подачей голосов¹⁶⁷. Результаты выборов были аннулированы.

Особенно острая борьба между политическими партиями шла в Семипалатинске. Кадеты и другие реакционные силы всеми силами стремились дискредитировать прогрессивные силы перед населением. Под разными предлогами от участия в выборах были отстранены представители городской интеллигенции, придерживавшиеся передовых взглядов. Местные меньшевики, вынужденные считаться с влиянием большевиков, предложили создать «прогрессивный блок» и выступить «под флагом какой-нибудь демократической группы»¹⁶⁸. Из 2703 избирателей на выборы явились 1512 человек, или около 56 %. Депутатом во II Государственную думу от рабочих Семипалатинска был избран Н. Я. Коншин, выступавший от имени социал-демократической партии¹⁶⁹. Узнав о своем избрании, он послал избирателям телеграмму, в которой выразил благодарность за оказанную честь¹⁷⁰. Однако в действительности Н. Я. Коншин не был защитником интересов угнетенных, а поддерживал тесную связь с казахской буржуазной интеллигенцией.

Таким образом, революционная борьба, развернувшаяся в центральных районах России и в крупнейших городах Сибири, способствовала пробуждению классового сознания различных социальных слоев.

Борьба против существующего строя велась в условиях глубокого подполья и постоянного преследования.

¹⁶⁶ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3685, л. 100 об.
Там же, ф. 540, оп. 1, д. 1, л. 24, 85, 105. 119.

¹⁶⁷Семипалатинский листок. 1006. 1 июля.

¹⁶⁸Сибирь. 1907. 24 февраля.

¹⁶⁹Семипалатинский листок. 1906. 28 июня.

Действия местных социал-демократов в основном были направлены на пропаганду марксистско-ленинских идей, распространение листовок и прокламаций. Эта работа была сопряжена со всевозможными трудностями: не был накоплен необходимый опыт конспирации, отсутствовали типографии и другие средства для печатания различных воззваний и т. п.

В период наивысшего подъема российской революции выступления приобретают политический характер. События 1905—1907 гг. доказывают несостоятельность высказываний некоторых американских историков о том, что якобы «ко времени революции среди местного населения царило настроение против русских»¹⁷¹.

РОСТ АКТИВНОСТИ МАСС В ГОРОДАХ В КАНУН ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

3 июня 1907 г. был обнародован манифест о роспуске II Государственной думы. Начался период столыпинской реакции. Эта волна, прокатившаяся по всей России, охватила и города Восточного Казахстана. Репрессии обрушились в первую очередь на членов социал-демократических организаций. Была приостановлена работа легальных профессиональных объединений рабочих, возникших в годы первой русской революции в основном для оказания товарищеской взаимопомощи¹⁷². Однако, как показали дальнейшие события, профессиональные общества не ограничивались рамками утвержденных правительства правил и переходили к организации стачек и нередко к политической борьбе. 9 июня 1907 г. была запрещена деятельность профессиональной организации «Общество взаимопомощи», или «Рабочий союз», объединявшая в своих рядах рабочих предприятия и ремесленников Семипалатинска и его предместий. Ликвидация «Рабочего союза» была вызвана тем, что усилилось его влияние на рабочих и он принял «угрожающее общественной безопасности и спокойствию направление»¹⁷³.

Местные административно-колониальные власти усилили полицейский надзор за неблагонадежными людьми. В сентябре 1907 г. под усиленным надзором полиции на-

¹⁷¹Demko G. Russian colonisation of Kasachstan 1896—1916. Bloomington, 1969. P. 203.

¹⁷²ТАНО, ф. 149, оп. 1 д. 32, л. 1.

¹⁷³ЦГАОР СССР, ф. Д-4, оп. 1907, д. 63. ч. 8, д. 20 об.

ходились в Усть-Каменогорске 15, в Зайсане 4, в Павлодаре 9, в Семипалатинске 5 человек¹⁷⁴. В Кокпекты из Омска был выслан за «противоправительственную деятельность» социал-демократ Николай Беляев¹⁷⁵.

Причину того, что борьба народа против самодержавия в условиях реакции не прекращалась, высшая администрация края видела «в отсутствии планомерной борьбы с этим злом» и в антиправительственной агитации «левой» печати, которая не порицала такие явления, а иногда восхваляла их»¹⁷⁶. Это и побудило департамент полиции направить губернаторам Степного края уведомление в том, чтобы они доставили список всех издающихся газет и журналов с указанием редакторов и издателей, а равно их политического направления¹⁷⁷. Издание газеты «Трудовая жизнь» было запрещено в связи с несоответствием ее направления официальному положению о периодической печати.

Пропаганда революционных идей продолжалась в годы реакции и политического террора, хотя царские чиновники в своих донесениях умышленно скрывали это. Губернатор Семипалатинской области А. Тройницкий, сменивший в этой должности Галкина, в сопроводительном письме царю к отчету за 1907 г. сообщал, что «печальные политические события, совершавшиеся в разных частях империи... не повлияли на мирное настроение населения, все время остававшееся неизменно преданным и верным»¹⁷⁸.

Тем временем распространение революционных прокламаций, агитационная работа получили широкое распространение. «Опасными агитаторами среди толпы»¹⁷⁹, по признанию Павлодарского уездного начальника, были А. Мелихов и Г. Евдокимов. После отмены чрезвычайного положения в Акмолинской и Семипалатинской областях они развернули революционную пропаганду, оказывая все большее влияние на городских жителей.

16 апреля 1907 г. по г. Павлодару и пригородным поселкам неизвестными лицами от имени социал-демократической партии были разбросаны прокламации, в ко-

торых осуждались действия полицейских, ворвавшихся в народный дом¹⁸⁰. Полиции удалось установить составителей этих воззваний. При обыске у Г. Мелихова обнаружили 46 книг и брошюр, в том числе произведения А. Бебеля, К. Каутского, В. Либкнехта, К. Маркса, доклад об объединительном съезде Российской социал-демократической партии¹⁸¹. Г. Евдокимов, П. Терентьев и другие активные члены тайного революционного кружка были арестованы и брошены в тюрьму¹⁸².

Полиция оказалась беспомощной в борьбе с подпольными социал-демократическими кружками и организациями. В ночь на 30 апреля 1907 г. в Павлодаре по случаю Дня солидарности трудящихся члены социал-демократического кружка распространили прокламации «Праздник труда», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», которые призывали трудящихся «примкнуть к социализму»¹⁸³. В телеграмме местного полицейского отделения Омскому жандармскому управлению указывалось, что «эти прокламации разбрасываются ночью, и главари... которые настраивали жителей города против порядка управления и правительственных властей, известны местной полиции...»¹⁸⁴. Немало пропагандистов было среди населения. Например, бывший помощник учителя Павлодарского 3-классного училища П. Л. Верещагин, который был связан с А. Мелиховым и Г. Евдокимовым, занимался распространением нелегальной литературы, за что был арестован.

Распространение листовок антиправительственного содержания имело важное значение для пробуждения политического сознания отсталого населения городов, постепенного укрепления классовой солидарности казахов, русских и народов других национальностей.

Подпольщики придавали большое значение изучению революционной литературы и произведений В. И. Ленина. Так, в сентябре 1911 г. при обыске у мещанина И. Ф. Кайгородцева были обнаружены различные брошюры и книги, на которые был наложен арест и решение

¹⁷⁴ Там же, д. 57, 59, л. 7—19.

¹⁷⁵ Там же, д. 5733, л. 57.

¹⁷⁶ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1263, л. 36.

¹⁷⁷ Там же, д. 97, 10, л. 15—19.

¹⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 17, д. 73, л. 50 об.

¹⁷⁹ ЦГА КазССР, ф. 726, оп. 1, д. 4, л. 5.

¹⁸⁰ ЦГА КазССР, ф. 726, оп. 1, д. 3, л. 4 об; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. // Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 54.

¹⁸¹ Там же. С. 54.

¹⁸² ЦГА КазССР, ф. 726, оп. 1, д. 5, л. 8.

¹⁸³ Рабочее и аграрное движение в Казахстане. С. 54.

¹⁸⁴ ЦГА КазССР, ф. 726, д. 5, л. 55 об.

уничтожить¹⁸⁵. В числе конфискованных полицией книг были брошюры «К рабочему вопросу» (Ф. Лассаль), «Ежегодный праздник рабочих и 8-часовой рабочий день», «Русский рабочий в революционном движении», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Подпольная Россия», брошюра В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», где имеется проект аграрной программы, требующий низвержения существующего строя.

Надо отметить, что в революционную борьбу была вовлечена также учащаяся **молодежь**¹⁸⁶ (это один из главных результатов работы местных социал-демократов). В августе 1908 г. местные жандармские власти, выявив «нежелательные и вредные проявления, замеченные среди молодежи» в городских мужских и женских гимназиях и учительской семинарии, постановили: 1) в будние дни вообще запретить посещение зрелищ, концертов, собраний; 2) обязать полицейские чины доводить до сведения учебного начальства о всех посещениях учащимися недозволенных собраний; 3) учащимся запретить посещение общественных библиотек и **читален**¹⁸⁷. Полиция проверяла политическую благонадежность учителей и других работников учебных заведений.

Колониально-чиновничий аппарат, сознавая свое бессилие в борьбе с революционерами, добивался пополнения **жандармско-полицейского** штата. Так, в октябре 1908 г. генерал-губернатор Семипалатинской области А. Тройницкий в донесении Степному генерал-губернатору А. Н. Сухотину предложил увеличить число жандармских чинов и выделить дополнительные средства на их содержание. Для ведения борьбы с революционным движением губернатор полагал нужным отпускать в распоряжение помощника начальника жандармского управления до тысячи рублей для организации и содержания **агентуры**¹⁸⁸. Для заключенных была организована система пыток, в которых деятельное участие **принимали** полицейские **приставы**¹⁸⁹. Несмотря на репрессивные меры, случаи открытых **выступлений** городских жителей против правительства стали обычным **явлением**.

¹⁸⁵ ЦГА КазССР, ф. 453, оп. 1, д. 83, л. 9 об.

¹⁸⁶ ЦГА КазССР, ф. 726, оп. I, д. 5, л. 24.

¹⁸⁷ ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 2334, л. 14—14 об.

¹⁸⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 5864, л. 8 об.

¹⁸⁹ Сибирские вопросы. 1909. № 12. С. 76.

Революционное брожение охватило и предприятия, расположенные вблизи городов Восточного Казахстана. В ноябре 1911 г. в урочище Багоджал на приисках **барона Медея (Усть-Каменогорского уезда)**, на Николаевском руднике рабочие требовали улучшить условия жизни¹⁹⁰.

Антиправительственные настроения особый размах приняли в годы первой мировой войны, которая до предела обострила социальные противоречия. Размеры пособий семьям, оставшимся без кормильцев, составляли 2 р. 80 к. в месяц для взрослого и детей старше 5 лет и 1 р. 40 к. на ребенка младше 5-летнего **возраста**¹⁹¹. В связи с недостатком требуемых средств было решено **изыскать** источники посредством добровольного **самообложения** имущей части населения ежемесячным **сбором**. Но городские попечительства сомневались в готовности местных состоятельных людей оказывать им материальную помощь. «Отмечая отзывчивость массы горожан, охотно жертвующих на нужды семей запасных, нельзя умолчать и о явлениях обратного характера... таковы отказы от взносов и пожертвований со стороны **крупных** представителей торгово-промышленного класса», — записано в резолюции «попечительства» г. Семипалатинска¹⁹². Из общего числа (750 чел.) первоначально призванных по Семипалатинску в ноябре 1914 г. было обследовано положение 511 семей. Обеспеченных оказалось только 43 семьи, нуждавшихся в оказании **безотлагательного** содействия — 245. Кроме того, в Заречной слабодке, являвшейся частью Семипалатинска, проживало 29 семей, в которых мужчины были призваны на **войну**, из них в дополнительном пособии нуждались 20 семей. По инициативе общественности с целью сбора средств в пользу пострадавших на войне устраивались концерты, музыкальные вечера, драматические представления, лекции научно-популярного **характера**¹⁹³.

Городской **комитет** «повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» был создан 27 июля 1914 г. в Усть-Каменогорске. Было опубликовано воззвание к горожанам, составлены **письма** с призывом к **пожертвованиям** во все частные заведения, были выделены

¹⁹⁰ ЦГА КазССР, ф. 453, оп. 1, д. 83, л. 37.

¹⁹¹ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. I, д. 405, л. 288 об.

¹⁹² Там же, л. 288.

¹⁹³ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 5, л. 52.

сборщики денег с подписными листами¹⁹⁴. В результате активных действий в первый же день обращения городского комитета попечительства удалось собрать 300 руб. Усть-Каменогорское отделение комитета увеличивало фонд оказания помощи членских взносов, выручки от организации лотерей, кинематографических сеансов, отчислений из жалования служащих. Но несмотря на стремление общественности, материальное положение изувеченных, больных воинов, их семей по-прежнему оставалось тяжелым.

Стоимость жизни резко возросла. Население остро нуждалось в предметах первой необходимости, перебои в снабжении жителей продуктами питания приняли хронический характер. О росте дороговизны говорят данные, опубликованные в газете «Сибирский телеграф»: мука-сеянка продавалась от 70 до 90 коп. за пуд, пшеница — от 45 до 75 коп., овес — 40—55 коп., мясо привозное — от 2 до 3 руб. за пуд, свиное — 3 р. 20 к. — 3 р. 60 к.¹⁹⁵ Настойчивые просьбы городских жителей об оказании помощи наталкивались на равнодушие властей.

До предела обострив классовые противоречия, война способствовала тому, что в революционную борьбу втягивались все более широкие слои населения, в том числе казахского. «Война, несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии всех стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это...неминуемо создаст революционные настроения в массах», — писал В. И. Ленин в 1915 г.¹⁹⁶

Неслышанно разбогатели в годы войны местная буржуазия, купцы, казахские баи. Они взвинчивали цены, наживались на казенных поставках муки, кожи и других продуктов и товаров.

Нужда и разорение вызвали резкий протест населения, который вылился в целый ряд совместных антиправительственных выступлений русских и казахских трудящихся Восточного Казахстана. Осенью 1916 г. города Восточного Казахстана охватили волнения, которые царские чиновники охарактеризовали «бунтом солдаток». Настоящий переполох правительства и администрации

ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 257.

¹⁹⁵ Сибирский телеграф. 1915. 8 ноября

¹⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 325.

Степного края вызвало разграбление нескольких лавок и магазинов в Семипалатинске¹⁹⁷. В ходе следствия по делу о разгроме магазинов было осмотрено 17 разграбленных магазинов и складов и допрошено 54 свидетеля. В качестве обвиняемых к допросу было привлечено 120 человек¹⁹⁸.

Выступления солдаток оказались настолько многочисленными, а требования настойчивыми, что местные власти, не полагаясь на воинские части в Семипалатинске, для их подавления вызвали две роты дружинников из Барнаула и полторы сотни казаков из Павлодара¹⁹⁹. Угроза народных выступлений возникла и в других городах. «Солдатки, подготовленные дороговизной и начинающей голодовкой, могут устроить разгром в Зайсане. В целях предупреждения... позаботиться о немедленном снабжении Зайсана хлебом. В отрицательном смысле неминувша катастрофа с насильственными действиями»²⁰⁰, — предупредил председатель Совета Министров в телеграмме местных властей.

Администрация края была встревожена размахом волнений и принимала меры к их предотвращению. Начальник Туркестанского почтово-телеграфного округа в телеграмме с грифом «совершенно секретно» от 1 ноября 1916 г. предостерег начальника телеграфной конторы Сергиополя «от каких-либо проявлений преступных замыслов» и требовал «не ослаблять надзора ввиду переживаемых событий»²⁰¹. Высший чиновник почтовых учреждений вынужден был признать тот факт, что «...под влиянием создавшейся дороговизны жизни идет объединение масс»²⁰².

Администрация и жандармские органы, умалчивая о революционной борьбе большевиков, в официальных донесениях и отчетах старались уверить начальство края и правительство, что местной социал-демократической партии не существует, хотя и признавали, что отдельные личности разделяют ее программу²⁰³. Принявшие широкий размах волнения солдаток и примкнувшей к ним беднейшей части городского населения окрестных сел и

¹⁹⁷ ЦГАОР СССР, ф. Д-4, оп. 1916, д. 3, л. 22.

¹⁹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹⁹ ЦАОО, ф. 190, оп. 1, д. 383, л. 5.

²⁰⁰ ЦГАОР СССР, ф. Д-4, оп. 1916, д. 63, ч. 3, л. 18.

²⁰¹ ЦГА КазССР, ф. 188, оп. 1, д. 14, л. 22.

²⁰² Там же.

²⁰³ ЦГАОР СССР, ф. Д-4, оп. 1916, д. 5, ч. 2, л. 7.

деревень явились проявлением глубокого разочарования и **недовольства** трудящихся грабительской политикой царизма. Эти волнения были составной частью революционного процесса в стране. В. И. Ленин, полемизируя с лидерами меньшевиков, высоко оценил выступление **женщин-солдаток**²⁰⁴. Оно явилось ярким признаком политического кризиса в крае и представляло собой **антивоенное**, антиколониальное выступление.

В связи с активизацией **деятельности** подпольных групп РСДРП 23 сентября 1916 г. в местной печати было обнародовано постановление Степного генерал-губернатора, согласно которому запрещались собрания, нарушающие государственный порядок, демонстрации на улицах, манифестации или шествия без разрешения властей; было запрещено пение революционных песен, посещение посторонними людьми типографий, литографий²⁰⁵. За нарушение постановления грозило тюремное заключение сроком до 3 месяцев или денежный штраф 3000 руб.²⁰⁶

Большевики, прибывшие из сибирских городов для установления связей с местным населением, усилили подпольную пропагандистскую работу. Из Западной Сибири и центральных районов нелегально поступала **революционная** литература. В начале февраля 1916 г. в Семипалатинской почтово-телеграфной конторе была изъята брошюра «Кому нужна война»²⁰⁷. Начальник Туркестанского почтово-телеграфного округа и почтовых учреждений направил в Сергиопольскую почтовую контору секретную инструкцию, в которой предупреждал о тайной рассылке по почте писем с **экземплярами подпольной газеты** «Вперед» — органа «Петербургского международного комитета объединенных социал-демократов», указывал на необходимость принять все меры к задержанию этой **газеты**.²⁰⁸

Назревший в России революционный кризис привел к февральской революции. «Ее всемогущим **режиссером**», этим могучим ускорителем, — по словам В. И. Ленина, — явилась всемирная империалистическая **война**»²⁰⁹.

²⁰⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 230—233.

²⁰⁵ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1310, л. 13 об.

ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 337, л. 48.

²⁰⁷ ЦГА КазССР, ф. 188, оп. 1, д. 20а, л. 3.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13.

Первые сообщения о победе февральской революции в Петрограде были получены в Омске 1 марта 1917 г. (по старому стилю)²¹⁰. В тот же день было организован так называемый **коалиционный комитет** — орган местной буржуазии, который состоял из бывших членов **Городской думы**, представителей различных общественных **организаций**, учреждений и **ведомств**²¹¹. Одновременно стали создаваться органы власти рабочих, солдат и крестьян. 3 марта 1917 г. в помещении Омского отдела Московского сельскохозяйственного общества состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов, на котором **постановили** арестовать представителей старой **власти**²¹².

В Семипалатинске сообщение о февральской революции было получено 2 марта 1917 г. Все население приветствовало свержение царизма. Местная буржуазия под давлением революционно настроенной части жителей Семипалатинска вынуждена была арестовать военного губернатора, начальника **жандармского** управления и других чиновников бывшей **колониальной администрации**. Капиталисты, проявив определенную гибкость, сумели замаскироваться и при поддержке казахской буржуазии, торговцев прибрать в свои руки реальную власть.

5 марта был образован «Областной исполнительный комитет объединенных общественных организаций», в который вошли 16 капиталистов, 7 **кулаков**, 8 офицеров, 3 представителя казахской буржуазии и только два рабочих. Такой состав свидетельствует о **буржуазном**, контрреволюционном направлении комитета. С другой стороны, усилилась революционная активность **трудящихся** городов. В крупных городах **начали** создаваться профессиональные союзы и другие объединения **Восточно-Казахстанского края**. Так, на собрании **«водников»** (профессиональный союз рабочих водного транспорта Семипалатинского участка) старые подпольщики **Сиротин**, Устинов, Горбунов, Кораблев призывали рабочих сплотиться в союз. Было избрано правление, в которое вошли Сиротин, Кораблев, **Оранович**, Голубев. Организация получила название **«Профессиональный союз судовых служащих и рабочих»**. **Пароходовладельцы** опасаясь

²¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 188, оп. 1, д. 20а, л. 9.

²¹¹ ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 168, л. 1.

²¹² ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 168, л. 1.

лись деятельности **Союза**, принимая во внимание тот факт, что рабочие имели теперь защитников своих интересов²¹³. В других городах Восточного Казахстана таких профессиональных объединений не было. В Павлодаре, к примеру, ограничились выборами старост по судам. Для поддержания связей между павлодарскими рабочими-водниками и городским населением был выбран **некий** Смольников, человек «с чисто монархическими воззрениями»²¹⁴. Причиной неудачного выбора явилась «неосведомленность о профессиональном движении и отсутствие опытного руководителя в этой отрасли, к голосу которого прислушивались бы **массы**»²¹⁵.

В марте в городах были образованы отделения контрреволюционной организации «Союз республиканских офицеров», ставившие целью поддержать Временное правительство, которое требовало довести войну до победного **конца**²¹⁶. Местные органы Временного правительства преследовали прогрессивно настроенных людей, борющихся за прекращение империалистической войны, называя их провокаторами. 17 апреля 1917 г. в печати было объявлено «о появлении в Усть-Каменогорске провокаторов и неизвестных людей, ведущих агитацию против **войны**...». Каждый вновь прибывший должен был «пройти регистрацию в местном отделении милиции»²¹⁷.

Недовольство, неповиновение властям охватило и солдатские массы. В результате отказа солдат подчиняться воинскому начальству возникли большие затруднения в своевременном открытии навигации на Оби и Иртыше. Солдаты заставляли отправлять рейсовые пароходы, несмотря на опасность ледохода на реках. Командующий Омским военным округом сообщил комиссару Временного правительства, что выше **Усть-Каменогорска** пароход, вышедший в рейс по требованию солдат, когда лед еще не сошел, получил несколько пробоин и затонул. Согласно **его** донесению, солдаты распределялись по пароходам **комигётами**, образованными с участием представителей Советов рабочих и солдатских **депутатов**²¹⁸.

Брожение охватило также солдат местных гарнизонов. Тяжелые условия жизни, продолжавшаяся **импери-**

²¹³ ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 168, л. 1.

²¹⁴ Там же, л. 16.

²¹⁵ Там же, л. 1.

²¹⁶ Там же, л. 41.

²¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 337, л. 60.

²¹⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3897, л. 25, 40.

алистическая война привели к ослаблению дисциплины в армейских частях, расквартированных в тылу.

Одной из причин усиления открытого недовольства населения политикой Временного правительства по-прежнему была острая потребность в продовольствии. Продовольственные и другие неурядицы местные власти объясняли действием людей, имеющих крайне левые взгляды. Надо полагать, власти имели в виду местных большевиков, которые неустанно разоблачали антинародную политику Временного правительства.

Однако часть населения в силу политической отсталости по-прежнему возлагала надежды на Временное правительство, считая, что оно в состоянии осуществить **демократические** преобразования. Вот текст **одной** телеграммы кооперативного союза Семипалатинской области в Петроград в адрес Временного правительства: «**Министру-председателю Г. Е. Львову**. Первый свободный Семипалатинский областной общекрестьянский союз, приветствуя Временное правительство, выражает полную готовность поддерживать единую революционную власть и просит неуклонно проводить демократические реформы... Военно-морскому министру **А. Ф. Керенскому**... союз приветствует Вас как стойкого защитника интересов трудового **народа**...». В части телеграммы, адресованной Совету рабочих и солдатских депутатов, сказано, что кооперативный союз «... приветствует Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган революционной демократии, выражает уверенность, что Совет своим авторитетом устранил разлад среди рабочих и в армии и примет энергичные меры в борьбе с контрреволюцией, могущей привести страну к **гибели**»²¹⁹.

Судя по содержанию, телеграмма была составлена мелкобуржуазными элементами, которые, хотя и признавали авторитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, опасались дальнейших выступлений местных трудящихся. Как писал **В. И. Ленин**, «гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все... захватила **очень** широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на **политику**»²²⁰.

Одним из факторов дальнейшего укрепления **единства** трудящихся в совместной борьбе против Временного правительства явился состоявшийся в **Усть-Каменогор-**

²¹⁹ ГАНО, ф. 51, оп. 1, д. 79, л. 228, об.
Ленин **В. И.** Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

ске 26 июня 1917 г. уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором часть делегатов выразила недовольство несправедливыми действиями буржуазного областного исполнительного комитета. Съезд принял решение организовать районные и уездные земельные комитеты для подготовки материалов по передаче земли трудящимся.

Еще в марте 1917 г. было объявлено об установлении восьмичасового рабочего дня, но фактически решение оставалось на бумаге. Это подрывало влияние и авторитет органов управления Временного правительства. Для урегулирования трудоустройства жителей городов были организованы биржи труда, формально был установлен минимум заработной платы²²¹, но даже «с выдачей жалования происходили громадные задержки»²²².

По мере ослабления позиции местных органов Временного правительства укреплялось влияние большевиков, которые наладили и поддерживали тесную связь с организациями РСДРП Западной Сибири. Например, большевики Восточного Казахстана были участниками Западно-Сибирского съезда рабочих и солдатских депутатов, который состоялся в Омске в августе 1917 г.²²³ В резолюции группы большевиков осуждалась экономическая политика Временного правительства, которая привела страну к «экономической разрухе... заставив большинство оставшихся, занятых на производстве, работать на войну». За резолюцию большевиков было подано 27 голосов, за резолюцию «оборонцев» — 36²²⁴. В главном вопросе — вопросе о власти — все группы, участвовавшие на съезде, выдвинули единое требование — передать всю власть «в руки большинства революционной демократии, организованной в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²²⁵. Кроме того, большевик Яковлев внес предложение осудить «действие судебных властей Петрограда, державших в течение месяца в тюрьмах рабочих и солдат без предъявления к ним обвинений и отпускаявших в то же время провокаторов а контрреволюционеров»²²⁶. В положении о Западно-Си-

²²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 229; Победа Великой Октябрьской социалистической революции. С. 100—101

²²² ГАНО, ф. 144, оп. 1, д. 63, л. 12.

²²³ Там же, ф. 149, оп. 1, д. 63, л. 24.

²²⁴ ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 63, л. 2121.

²²⁵ Там же, л. 23.

²²⁶ Там же, л. 24.

бирском областном Совете рабочих и солдатских депутатов указывалось, что данный Совет «является частью Всероссийской организации Советов рабочих и солдатских депутатов...»²²⁷. Представители Советов рабочих и солдатских депутатов Восточного Казахстана приняли участие в Сибирской конференции общественных организаций, которая проходила в августе 1917 г. в Томске²²⁸.

Местные органы Временного правительства, продолжая политику национального и социального угнетения, противопоставляли себя трудящемуся населению, обнаруживая при этом бессилие приостановить процесс консолидации сторонников коренных социально-экономических преобразований. В результате агитационно-пропагандистской работы большевиков по политическому воспитанию масс, а также под воздействием важнейших событий, развернувшихся в центральных районах страны, сложились условия для победы социалистической революции.

Изложенные факты и научный анализ их опровергают измышления буржуазных исследователей о том, что якобы население Казахстана не было подготовлено к восприятию идей марксизма-ленинизма, а это было доступно узкой группе местной интеллигенции²²⁹. Революционное движение в городах Восточного Казахстана — убедительное доказательство того, что этот процесс являлся составной частью революционных событий многонациональной России. «Мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудило Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию», — писал В. И. Ленин

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ГОРОДАХ (1914—1917 гг.)

Общественно-политическая жизнь Казахстана претерпела в рассматриваемый период значительные изменения в связи с пребыванием австро-венгерских и гер-

²²⁷ Там же, л. 30.

²²⁸ ГАНО, ф. 143, оп. 1, д. 28, л. 15, 16.

²²⁹ См.: Ермагамбетов К. Действительность и фальсификация. Алма-Ата, 1976. С. 155.

²³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 146.

манских военнопленных. Необходимость освещения вопроса объясняется тем, что из этой среды вышло немало интернационалистов, которые приняли активное участие в Октябрьской революции и в дальнейшем упрочении власти Советов на местах. Многие из них объединились в отряды бойцов Красной Армии, влились в отдельные отряды интернационалистов. Вернувшись в свои страны, они стали сторонниками Советской России и немало сделали для укрепления международных позиций первого в мире социалистического государства.

Кровопролитные сражения на фронтах вызвали огромный поток военнопленных, который в основном направлялся в уездные центры Степного края — Усть-Каменогорск, Омск, Акмолинск, Павлодар, Семипалатинск. По данным за декабрь 1914 г., в г. Омске скопилось до 20 000 военнопленных различных национальностей. Среди них много было уроженцев Галиции, а также турок, попавших в русский плен на Кавказском фронте²³¹. В журнале общего присутствия Акмолинского областного правления за 28 января 1915 г. численность пленных, размещенных в 155 селениях одноименной области, была определена в 22 200 чел.²³² Итоги однодневной переписи военнопленных, произведенной 28 февраля 1915 г., определяют их численность следующим образом: в Зайсане, Павлодаре, Семипалатинске, Усть-Каменогорске — 7490 чел., в селениях Акмолинской области — 8612²³³. К этому следует прибавить военнопленных, размещенных в селениях Туркестанского военного округа, которому в военно-административном отношении подчинялись южные районы Казахстана²³⁴.

Первые партии военнопленных прибыли в Западную Сибирь, в том числе северо-восточные районы Казахстана в августе 1914 г., среди них преобладали австро-венгерские подданные. В начальный этап войны до весны 1915 г. специальных лагерей для приема и размещения военнопленных создано не было, поэтому людей размещали в сараях. Смертность среди пленных была значительная. Некоторые, наспех созданные лагеря, пользо-

²³¹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 73, 74.

²³² Там же, ф. 389, оп. I, д. 4842, л. 60—64.

²³³ Там же, л. 115.

²³⁴ Матвеев Л. Буржуазные авторы об иностранных интернационалистах в Средней Азии // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 307—308.

вались зловещей репутацией. Так, Троицкий лагерь, находившийся между Челябинском и Кустанаем, получил название «лагерь мертвецов»²³⁵. Постепенно для приема военнопленных в Казахстане стали выделяться специальные помещения. Но как сообщил генерал-губернатор Степного края К. А. Сухомлинов Генеральному штабу русской Армии, в августе 1914 г. в Омске для расквартирования пленных было подготовлено 27 помещений, которые могли вместить всего 1716 человек.

31 декабря 1914 г. начальник Омской местной бригады уведомил Акмолинского областного губернатора о временном прекращении отправки немцев, венгров, евреев и турок в Иркутский военный округ²³⁶. Пленных славянского происхождения было разрешено размещать в крайнем случае «по обывательским квартирам, так как освобожденные ими помещения занимали пленны троественного союза».

Местные власти стремились изолировать военнопленных от местного населения. Командующий Омским военным округом писал генерал-губернатору Акмолинской области: «Прошу распоряжения Вашего превосходительства спешно приготовить помещения для славян военнопленных в деревнях и поселках, сохраняя города для временного размещения германцев, венгров и турок, которых необходимо разместить в землянках и других изолированных помещениях под самым строгим режимом на положении арестованных, но отнюдь не в центре города...»²³⁷.

Очевидно, с целью исключить побег военнопленных юродским властям было строго предписано расселять их вдали от Сибирской железной дороги. В данной связи городской голова Петропавловска потребовал от уездного начальника срочно представить списки населенных пунктов, находящихся в двухсотверстном расстоянии от Сибирской магистрали, с указанием, сколько в каждом поселке можно расположить пленных, «избегая скученности»²³⁸.

Принятие некоторых мер по предварительному размещению военнопленных было обусловлено и стремлени-

²³⁵ Шнейдер К. Революционное движение среди военнопленных в России в 1917—1918 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 56.

²³⁶ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4842, л. 6.

²³⁷ Там же, л. 53.

²³⁸ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4842, л. 53.

ем Военно-административной власти соблюдать международные соглашения о военнопленных. Известное воздействие на проведение намеченных в этом плане мероприятий оказало сообщение Генерального штаба о намерении правительства США (принявшего на себя заботы по защите интересов находящихся в России подданных Германии и Австрии) направить в Омский военный округ своих представителей, которым предстояло совершить ознакомительную поездку по местам постоянного квартирования германских и австрийских пленнх. Несмотря на принятые местной администрацией меры, помещений для расселения пленнх не хватало, что вынуждало городские управления временно помещать их в общественных зданиях и культурно-просветительных учреждениях. Например, в г. Семипалатинске часть военнопленнх была размещена в гостинице²³⁹.

Социальный состав военнопленнх был неоднороден. В основном это были бедные слои населения государств Германского и Австро-Венгерского блока. Так, среди военнопленнх Омского военного округа лиц, принадлежащих к низшим слоям, было 97,98 %, 2,08 % представляли офицеры, остальные относились к чиновничьему сословию и церковно-служителям²⁴⁰.

Разнообразным был национальный состав военнопленнх. Большую часть размещенных на территории Акмолинской и Семипалатинской областей составляли лица славянского происхождения. Среди военнопленнх часто упоминаются румыны, турки, немцы, мадьяры. В числе офицеров заметно преобладают лица германско-венгерского происхождения. В рапорте начальника Акмолинской местной команды губернатору области от 23 декабря 1915 г. число офицеров обозначено в 115 человек, из них немцев — 64, венгров — 51²⁴¹.

Царская администрация препятствовала установлению контактов между военнопленными и жителями городов и других селений. 20 сентября 1914 г. начальник штаба Омского военного округа в предписании начальникам гарнизонов Усть-Каменогорска, Барнаула, Семипалатинска и Павлодара обязал принять строжайшие меры с целью свести на нет общение военнопленнх с местными жителями, не допускать посещения ими обще-

ственных собраний и клубов «даже для обедов и ужинов», опасаясь, что в подобных условиях местные посетители «часто откровенно и вслух делятся своими мыслями и впечатлениями на разнообразные темы переживаемых военных и политических событий, о которых неудобно и не в интересах государства осведомлять наших врагов»²⁴².

В обязанности комендантов городов, помимо других функций входило держать пленнх в строгой дисциплине и порядке, следить за пленными офицерами и нижними чинами, которые могли распространять заведомо ложные слухи, а также за разговорами среди русского населения. От австро-венгерских и германских пленнх офицеров местные власти добивались соблюдения установленных для них правил и требовали быть крайне осторожными в своих суждениях²⁴³.

Несмотря на официальные распоряжения властей, между военнопленными и местным населением постепенно устанавливалось доверие. Простые люди хотели узнать действительное положение на фронтах, поделиться своими мыслями со вчерашними участниками сражений. Панславистские устремления местной буржуазии и патриотический угар среди имущих слоев горожан привели к тому, что военнопленные славянской национальности: чехи, словаки, сербы, поляки и другие в Казахстане пользовались определенными льготами, они могли даже вступать в брак с русскими²⁴⁴. «Пленные славяне продолжают прочно входить в местную жизнь. Несомненно, населению, особенно сельскому, очень нравится их вежливое отношение к окружающим. Пан и пани всегда на устах пленного, и в общем контакты пленнх и населения самые добродушные» — так характеризовались взаимоотношения между местными жителями и пленными славянского происхождения²⁴⁵. Сближение горожан с пленными вызывало тревогу командующего Омским военным округом. В особом распоряжении он обратил внимание комендантов городов на распущенность военнопленнх, которые, навещая квартиры горо-

²⁴² ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 37

²⁴³ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 33, 35 об.

²⁴⁴ Лисеикий Л. О положении военнопленнх после победы февральской революции // Участие зарубежных трудящихся в Октябрьской революции. С. 117.

²⁴⁵ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 72.

²⁴¹ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4837, л. 77.

жан, обсуждали разные политические вопросы, касаясь положения в армии и на фронте²⁴⁶.

Чем дальше затягивалась война, тем губительнее отражалась на хозяйственном состоянии региона мобилизация мужского населения на фронт. В 1915 г., когда на войну было мобилизовано более четырех миллионов человек (в основном крестьян), недостаток рабочих рук испытывали буквально все аграрные районы страны. В 1916 г. фронту потребовалось еще около пяти миллионов человек. По данным 50 губерний и областей, призывники составляли 47,4 % всего трудоспособного мужского населения, занятого земледельческим трудом²⁴⁷. По четырем уездам Тургайской области: Актюбинскому, Иргизскому, Кустанайскому, Тургайскому к 15 февраля 1915 г. было мобилизовано 3924 чел. призывного возраста. В Семипалатинской и Акмолинской областях мобилизация охватила более 50 % лиц мужского пола, в Оренбургской губернии — 35,8 %²⁴⁸, в Семиреченской области — до одной трети. Потери в рабочей силе местные хозяева пытались восполнить за счет сезонных работников-казахов, но «они были малоопытными в сельских (земледельческих. — Ж. К.) работах...»²⁴⁹.

Стали обсуждаться возможности привлечения военнопленных для общественных и частных работ в городах Западной Сибири, Урала, а также в Казахстане. Вопрос о применении труда военнопленных рассматривался в 1915 г. на междуведомственном совещании при Главном управлении землеустройства и земледелия, а затем при расширенном составе с привлечением земских деятелей. Были выработаны «Правила», считавшиеся общеобязательными для всех категорий пленных, но в действительности они распространялись лишь на незначительный отряд военнопленных, исключая лиц немецкого и мадьярского происхождения²⁵⁰.

В канцелярию военного губернатора Степного края часто обращались частные лица с просьбой выделить военнопленных. Они должны были гарантировать то, что пленные будут расквартированы не по бытовым

²⁴⁶ Там же. л. 68.

²⁴⁷ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 47; Обзор Тургайской области за 1915 г. Оренбург. 1915. С. 55.

²⁴⁸ Такенов А. С. Узы международной дружбы. С. 24.

²⁴⁹ ЦГА КазССР. Ф. 64, оп. 1, д. 1282. л. 25.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция, С. 53.

семьям, а в отдельных домах казарменным порядком. Пленные получили от военного ведомства через уездных начальников особые суммы для продовольственного пайка²⁵¹. Домохозяев, у кого временно устраивали военнопленных, в случаях их заболевания, какого-либо несчастья или неявки на ночлег обязывали немедленно заявлять об этом местному сельскому старосте, который, в свою очередь, информировал о случившемся волостного старшину или урядника²⁵². Ниже приведем текст одного из «прошений» заведующему военнопленными в Омском военном округе генерал-майору Плавскому: «Прошу Вашего разрешения взять на сельхозработы двух человек военнопленных солдат. Плату обязуюсь выдавать с обоюдного согласия. Одежду и обувь обязуюсь выдавать свою. О всяком неблаговидном поступке, отлучке и побеге обязуюсь немедленно сообщать местным властям и в управление Омского уездного воинского начальника. В случае заболевания какой-либо болезнью я обязуюсь сообщать в ближайшее лечебное заведение и воинскую часть, откуда они будут взяты...»²⁵³.

По данным Главного управления Генерального штаба, к 1 мая 1915 г. на сельхозработах было занято в общей сложности 56 056 военнопленных²⁵⁴. В 1915 г. на гидротехнических сооружениях в Тургайской области работало до 280 военнопленных, привезенных из Омского и ташкентского лагерей²⁵⁵.

Местные полицейские чины строго следили за выполнением крестьянами-земледельцами условий найма военнопленных. В случае их нарушения военнопленные отбирались у хозяев и возвращались в места расквартирования. Наблюдались и факты отказа зажиточных крестьян от нанятых военнопленных, если те не повиновались им, либо были непригодны к земледельческому труду.

Нелегкое положение частных земледельческих хозяйств в Казахстане усугублялось отсутствием техники, что усиливало заинтересованность хозяев в найме дешевой рабочей силы — пленных. Так, в Акмолинской обла-

²⁵¹ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4842, л. 127.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же, л. 4841, л. 135.

²⁵⁴ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. С. 54.

²⁵⁵ Сиргебаев Б. Глубокие корни братства. Алма-Ата, 1977. С. 17.

сти более половины военнопленных, около 14 тыс. человек работали в сельском хозяйстве. Если в крестьянских хозяйствах беженцы и военнопленные составляли немногим более 1 %, то в частновладельческих — свыше 20 % всей рабочей силы. Особенно присматривались к ним казаки-крестьяне, которые хотели нанимать их на весь летний полевой сезон работ за 10 руб. в месяц на полном обеспечении²⁵⁶. Были разногласия между военнопленными и хозяевами по поводу продолжительности рабочего дня. Акмолинский областной губернатор предлагал ставить их на работу с 5 часов утра при 8-часовом рабочем дне. Арендаторы считали необходимым начинать работу с 3 ч. утра до 8—9 ч. вечера²⁵⁷.

Труд военнопленных эксплуатировался и относительно крупными предприятиями, выполнявшими заказы военного ведомства. Нехватка топлива препятствовала расширению производства и увеличению объема выпускаемой для нужд фронта продукции. Выход из затруднительного положения предприниматели видели в использовании военнопленных. Многие из них, начиная с 1915 г., работали в Экибастузских, Кум-Гульских каменноугольных копях и Риддерском (Лениногорском) руднике²⁵⁸.

На нужды фронта работала и кустарная промышленность Казахстана. С объявлением войны часть сельских кустарей была призвана в армию. Другие перебирались в города в надежде получить более высокие заработки. Из числа военнопленных подбирались ремесленники, в основном для кузнечно-слесарных, сапожных, портняжных, столярных мастерских. В таких мастерских в среднем работало от 1 до 15 человек²⁵⁹. Организация ремесленного производства в широком масштабе требовала повышения квалификации ремесленников. Военнопленные изготавливали парные повозки, хомутные клещи, ящики для снарядов и другие изделия для военного ведомства²⁶⁰. Так как многие военнопленные имели профессию, власти решили обеспечить мастерские необходимыми инструментами и материалами. В первые месяцы войны были созданы специальные казенные мастерские,

²⁵⁶ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4840, л. 31.

²⁵⁷ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4840, л. 31.

Сиргебаев Б. Глубокие корни братства. Алма-Ата, С. 17.

²⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 175.

²⁵⁹ Там же. ф. 369, оп. 1, д. 9630, л. 140.

которых насчитывалось в Европейской части России 112, в Сибири и Туркестане 59²⁶¹.

Военнопленные преимущественно славянской национальности широко привлекались для ремонта железнодорожных путей. В июне 1915 г. по участкам Омской железнодорожной ветви было распределено 5580 пленных славян²⁶². Их отпускали также для ремонта телеграфных линий, так как в переживаемое время нельзя было допустить разрушения линий сообщения.

Роль военнопленных в выполнении различных, особенно квалифицированных работ в условиях почти полного отсутствия соответствующих местных кадров, была настолько значительной, что всякие попытки местной администрации сократить число пленных, занятых в хозяйственной сфере, вызвали нескрываемое раздражение нанимателей. О «расстройстве и панике, которые были вызваны распоряжениями властей о снятии с работ военнопленных», информировал Омский биржевый комитет 8 июля 1915 г. Министерство торговли и промышленности²⁶³.

Военнопленных использовали также для благоустройства городских улиц, площадей. Как доносил Акмолинский городской голова Областному губернатору, в мае 1915 г. городским управлением для очистки городских улиц и площадей от мусора было привлечено до 200 военнопленных²⁶⁴.

Особым расположением местных властей пользовались музыканты, которых среди пленных было немало. С их помощью организовывались музыкальные вечера, концерты. В октябре 1915 г. Усть-Каменогорский отдел «Общества попечителей помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» просил Степного губернатора разрешения пригласить военнопленных музыкантов, находившихся в городе, для проведения ряда музыкальных концертов в осенне-зимние месяцы в пользу увечных, раненых воинов и их осиротевших семейств²⁶⁵.

Часть военнопленных за свой труд стала требовать вознаграждений. Нередко они отказывались работать даже за 12 руб. в месяц, что на 2 руб. превышало установлен-

²⁶¹ Шнейдер К. Революционное движение среди военнопленных в России в 1917—1918 гг. С. 5

²⁶² ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 77

²⁶³ Там же. ф. 369, оп. 1, д. 9630, л. 172.

²⁶⁴ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4840, л. 71.

²⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 254.

ленную военными властями плату. Некоторые из арендаторов соглашались с предъявленными условиями военнопленных. Пленные соседних сел или имений, узнав об этом, также требовали дополнительной оплаты, в случае отказа угрожая прекратить работу²⁶⁶. Такое поведение военнопленных побудило командующего Омским военным округом еще 14 марта 1915 г. разослать подведомственным учреждениям циркуляры следующего содержания: «...военнопленные славяне, как видно, не поняли своего положения в той стране, которая силою оружия их взяла и разместила на положении пленных, а не равноправно с русскими гражданами, и стали предъявлять за работу такие требования, которые намного превышают существующие. Поэтому необходимо принять меры для пресечения подобных выступлений»²⁶⁷.

Стремление властей к широкому вовлечению военнопленных в различные сферы хозяйства вызывало недовольство местных наемных рабочих, ремесленников, смотревших на пленных как на своих конкурентов. В архивных фондах отложилось немало жалоб и ходатайств ремесленников мастерских, добивавшихся от властей ограничения наема пленных. К примеру, прошение на имя Степного генерал-губернатора, подписанное 38 рабочими мастерских Омска. Они сообщали о намерении хозяев заменить их пленными: «...Выйдет то, что мы, русские подданные, должны будем в своей России остаться без честного труда, крова и хлеба насущного, а враги наши места займут и будут процветать...»²⁶⁸. Подписавшие петицию хлопотали перед высшим начальством запретить военнопленным отлучаться на портняжные работы. Тревога ремесленников вызывалась тем, что среди пленных было значительное число лиц, до войны овладевших профессией²⁶⁹. Хотя следует признать, что численность пленных, отпускавшихся из лагеря по заявкам хозяев ремесленных предприятий, все же была невелика²⁷⁰. Так, к 1915 г. среди наемных рабочих Сырдарьинской области военнопленные составляли всего 6 %²⁷¹.

Трудно согласиться с мнением Н. Колмогорова, который писал, что «военнопленные лишены были самых эле-

²⁶⁶ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4840, л. 109.

²⁶⁷ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 87.

²⁶⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 181.

²⁶⁹ Там же, ф. 369, оп. 1, д. 4841, л. 93.

²⁷⁰ Там же, л. 93.

²⁷¹ Сиргебаев Б. Глубокие корни братства. С. 17.

ментарных человеческих прав, грубо, подчас подчеркнуто издевательски, попирались культурные, бытовые и другие обычаи, навыки и потребности, не учитывались и национальные особенности людей»²⁷². Сведения, содержащиеся в исследованиях А. С. Такенова, П. Сиргебаева, создают иное впечатление о положении пленных. Мы далеки от идеализации правового положения военнопленных, но большая часть из них, особенно те, которые имели возможность общаться с местными жителями, не терпели серьезных лишений. Оно было несколько ужесточено в связи с резким обострением внутривосточного кризиса в стране, выразившемся в усилении классовых противоречий, активном участии в политической борьбе против царизма широких слоев населения, в том числе национальных окраин. В этих условиях правительство тревожило скопление огромного числа военнопленных в северо-восточных районах Казахстана. Общение их с местными жителями усиливало антивоенные настроения. Тревога местных властей еще более возросла в связи с прибытием в Казахстан беженцев из прифронтовой зоны. К середине ноября 1915 г. только лишь в Сырдарьинской области оказалось 22 тыс. беженцев, покинувших зону боевых действий. В Акмолинской области к концу 1916 г. их насчитывалось 20 000²⁷³.

В Казахстане не было правил, регулирующих условия прибывания беженцев в населенные пункты края. Как и в центре, они распределялись стихийно, без учета квалификации и профессии. «Иного положения, — по мнению исследователя Т. М. Китаниной, — и быть не могло, ибо и условия труда и условия быта беженцев мало кого интересовали»²⁷⁴.

Касаясь вопроса об экономических предпосылках интернациональной солидарности угнетенных, В. И. Ленин писал, что «далее, совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих»²⁷⁵.

Протест военнопленных против грубого обращения с ними и ограничения передвижений неизбежно привел их

²⁷² Колмогоров Н. Красные мадьяры. Новосибирск, 1970. С. 9.

²⁷³ Сиргебаев Б. Глубокие корни братства. С. 16.

²⁷⁴ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. С. 51.

²⁷⁵ Ленин В. И. Поля. собр. соч. Т. 2. С. 91—92.

к вопросу организации забастовок. Первая забастовка на территории Казахстана, в которой приняло участие 60 человек, произошла в мае 1915 г. на Риддерском руднике²⁷⁶. В октябре того же года волнения наблюдались в Казалинском лагере, где находилось около 300 военнопленных австро-венгерской армии²⁷⁷.

Всего в ходе империалистической войны в царской России оказалось около двух миллионов военнопленных — солдат тройственного союза²⁷⁸. Пленных австро-венгерского происхождения было 172 400, немцев — 187 000, турок и болгар 50 000 чел.²⁷⁹ Согласно исследователю А. С. Такенону, численность военнопленных в Казахстане была не менее 50 000 чел.²⁸⁰ По другим источникам, только на территории Омского военного округа, в подчинении которого находились северо-восточные районы Казахстана, летом 1917 г. размещалось 297 тыс. пленных²⁸¹.

Ввиду постоянного изменения контингента пленных не представляется возможным точно определить их численность. По этому вопросу в советской и зарубежной исторической литературе единого мнения нет. А. Брун, Ф. Бейли и другие утверждают, что от болезней и голода, тяжелых условий жизни уже в 1916 г. в Туркестане погибло свыше половины из 20 000 военнопленных, в ходе установления на местах Советской власти массовая гибель военнопленных продолжалась, а к 1918 г. в Средней Азии (часть зарубежных авторов под географическим понятием «Средняя Азия» применительно к досоветскому периоду подразумевают и Казахстан) их осталось не более 33—38 тыс. чел.²⁸², что не соответствует действительности.

Революционные события, развернувшиеся в центре России, партийная литература, доставлявшаяся в Казахстан из районов Сибири, Урала, значительно повлия-

²⁷⁶ Интернационалисты. 1-я книга. М., 1967. С. 40.

²⁷⁷ Сиргебаев Б. Глубокие корни братства. С. 18.

²⁷⁸ Колмогоров Н. Красные мадьяры. Новосибирск. 1970. С. 7.

²⁷⁹ Шнейдер К. Революционное движение среди военнопленных в России в 1917—1918 годах // Борьба классов. 1935. № 3. С. 5

²⁸⁰ Такенов А. С. Узлы интернациональной дружбы. Алма-Ата, 1980 С. 23.

²⁸¹ Россия в первой мировой войне. 1917—1918 гг. М., 1928. С. 31—32

²⁸² Матвеев А. Буржуазные авторы об иностранных интернационалистах в Средней Азии. С. 308; Шнейдер К. Революционное движение среди военнопленных в России // Борьба классов. 1935. № 3.

ли на дифференциацию классово-войсковой позиции военнопленных. Особенно следует выделить обращение «Товарищам, томящимся в плену», написанное в марте 1917 г. В. И. Лениным. «Вы, томящиеся в плену, — писал он, — не можете остаться безучастны. Вы должны быть готовы к тому, что и на вашу долю, быть может, уже скоро выпадает важная задача... завоевавшие республику, рабочие России соединятся с рабочими всех других стран и смело поведут все человечество к социализму...»²⁸³.

Активный участник борьбы за Советскую власть в Западной Сибири, переживший плен, концлагерь, Ф. Мюнних вспоминал: «На большие массы военнопленных произвела огромное впечатление русская революция и появление Ленина и речи Ленина, с которыми мы их (военнопленных. — Ж. К.) **знакомили**»²⁸⁴.

Росту политической активности иностранных трудящихся благоприятствовали традиционные связи большевиков с польскими, болгарскими, сербскими и другими социал-демократами. Активисты из числа военнопленных выступали организаторами политических кружков²⁸⁵. В апреле 1917 г. в Омске возникла группа социал-демократов Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), **объединившая** в своих рядах до 180 чел., часть которых составляли пленные. СДКПиЛ придерживалась большевистской **тактики**²⁸⁶. В Омске военнопленные социал-демократы на венгерском языке начали издавать газету «Революция».

В центре Степного края — Омске — огромную политическую работу среди немецких и венгерских военнопленных вели Карл Томан, талантливый журналист, поэт Карой Лигети, в Семипалатинске — Феттер²⁸⁷. В ряде казахстанских городов большевики добивались права контроля со стороны Советов за действиями представителей Временного правительства по использованию труда **военнопленных**. Такие решения принимались в мае,

²⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 65—66.

²⁸⁴ Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 7.

²⁸⁵ Манусевич А. Я. Состояние и задачи изучения истории интернационального движения в России в 1917—1920 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 23.

²⁸⁶ Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965. С. 119—120.

²⁸⁷ Матвеев И. О работе большевиков среди иностранных трудящихся Сибири (февраль—октябрь 1917 г.) // Участие зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 294.

июне 1917 г. Омским Советом рабочих и солдатских депутатов, Томским Советом солдатских депутатов и др.²⁸⁸

Одной из активных форм политико-воспитательной работы среди населения явилось **создание** рабочих и солдатских клубов в Омске и Семипалатинске²⁸⁹.

До осени 1917 г. в Омске существовала объединенная социал-демократическая организация. Состояние партийной работы среди зарубежных пролетариев коренным образом изменилось после прибытия в Омск Кароя Лигети. В канун Великой Октябрьской социалистической революции в лагерях военнопленных с помощью Омских большевиков под его руководством оформилась многочисленная партийная организация, принявшая большевистскую платформу. Крупнейшей секцией Омской организации интернационалистов явилась венгерская²⁹⁰. К таким убежденным интернационалистам, как Карой Лигети, относились его боевые соратники Иожеф Шомлай, Иштван Паллачек, Иожеф Шамоди и многие другие воспитанники Омской большевистской организации.

Подводя итоги, необходимо отметить факт благотворного влияния военнопленных на общественную и экономическую жизнь края. Все это служило сплочению их с местным населением в борьбе, направленной на свержение прогнившей политической системы — самодержавного строя и уничтожение байско-феодалного господства.

²⁸⁸ Матвеев И. О работе большевиков среди иностранных трудящихся Сибири (февраль—октябрь 1917 г.). С. 294.

²⁸⁹ Матвеев И. О работе большевиков среди иностранных трудящихся Сибири (февраль—октябрь 1917 г.). С. 299.

²⁹⁰ Колмогоров Н. Красные мадьяры. 1970. С. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Города и крепости, основанные более чем 270 лет тому назад как военно-оборонительные пункты, с течением времени претерпели серьезные изменения. Они постепенно стали **выполнять** торгово-экономические, посреднические функции, развивая взаимовыгодные хозяйственные связи с коренным, русским переселенческим населением. Как административные центры «Области сибирских киргизов (казахов. — Ж. К.)» исполняли ту же роль, что и относительно крупные поселения — Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Коряковск, Омск, Акмолинск. Она так же, как и другие города, способствовала хозяйственному освоению региона и устранению территориальной обособленности края, созданию благоприятных условий для **вовлечения** кочевого населения в общероссийскую систему управления и экономики.

Превращение городов в центры внутренней торговли, наличие в регионе огромного количества скота и запасов животноводческого сырья привлекали множество купцов не только из смежных районов, но также и из среднеазиатских ханств и внутренних губерний империи, что благоприятно сказывалось на процессе постепенного приобщения Казахстана к единой хозяйственной системе России, на **завершении** присоединения Среднего и части Старшего жуза к России мирным путем.

Говоря о расширении торговых, посреднических функций Бухтарминска, Усть-Каменогорска, Коряковска, Семипалатинска, Кокпекты и других поселений, следует обратить внимание на то, что в этом регионе у России не было таких конкурентов, как в Южном Казахстане. **Создание** в юрдах банков и других **торгово-кредитных**

учреждений значительно подняло хозяйственное значение городов Аягуза и Кокпекты.

Усиление торговых связей, характерных для капиталистической стадии развития, повлекло за собой существенные перемены во взаимоотношениях города и казахского аула. Зерновое хозяйство в Восточном Казахстане, расширение которого в основном было обусловлено процессом переселения крестьян из внутренних губерний, все больше приобретало товарный характер.

Казахская степь, непосредственно примыкавшая к Цинской империи, сыграла связующую роль в приграничной торговле России с Синьцзяном и Монголией. В качестве удобных отправных пунктов выступали Бухтарминск, Сергиополь (Аягуз), Зайсан, Усть-Каменогорск, Кокпекты, Бухтарма, Бахтинский, Алкабекский, Катон-Карагайский и другие таможенные заставы и пункты.

Российское правительство, исходя из стремления оживить взаимовыгодные контакты, организовывало экспедиции в Синьцзян с целью выяснить условия и возможности расширения торгового обмена. Однако изоляционистская политика цинского двора, производил китайских чиновников, искусственные ограничения, создаваемые ими, порою негативно сказывались на развитии русско-китайской торговли через Восточный Казахстан. Что касается русско-монгольской торговли, то она не достигла желаемого масштаба вследствие ее зависимости от маньчжуро-цинского двора.

Но даже тот незначительный объем торговли России с Синьцзяном, который осуществлялся через приграничные таможенные пункты и города, явился немаловажным фактором в усилении экономических связей России с внешним миром.

В расширении посреднической деятельности городов между кочевым скотоводческим и русским крестьянским населением, а также со смежными районами некоторую роль играл демографический фактор. Увеличение торгового обмена, возникновение в городах предприятий обрабатывающей промышленности ускорило освоение природных богатств и заселение края, содействовало активизации миграционных процессов, обусловив изменения в сословно-религиозной, семейно-брачной, социальной структуре и национальном составе городского населения интересующего нас региона.

Постепенно увеличивался удельный вес коренного населения в городах. В Восточном Казахстане, как и в других районах Казахстана (преимущественно в степных областях), постепенно складывался рынок труда. Использование наемной силы в торговых заведениях, на предприятиях по обработке животноводческого сырья и наметившаяся в конце XIX в. тенденция к расширению отходничества — результат проникновения капитализма в экономику казахского аула.

Анализ сведений «ревизских сказок» 80-х гг., материалов всеобщей переписи 1897 г. позволил выявить в демографической структуре некоторые черты, характерные для городов капиталистической стадии развития. Относительно быстрый рост населения за счет пришлых предопределил (наряду с другими факторами) преобладание лиц мужского пола.

К сожалению, материалы, которыми мы располагали, не позволили более точно исследовать городское население в зависимости от социальной принадлежности. В целом, выявление источников пополнения городского населения, анализ его состава дали нам возможность определить пути и формы взаимосвязей городов Восточного Казахстана с казахским аулом и переселенческой деревней, результаты этого взаимодействия.

Обилие полезных ископаемых, огромные ресурсы древесного топлива, густая сеть мелких горных и крупных судоходных рек (р. Иртыш, Ульба), благоприятные климатические условия обусловили не только заселение, но и промышленное освоение региона. В соответствии с развитием городской промышленности начали складываться кадры рабочих, вышедшие в основном из низов разноязычных жителей городов, переселенческой бедноты и селившегося вблизи городов казахского джатачества. В орбиту общественного развития городов втягивалось и сельское окружение.

В период первой мировой войны широко использовался труд австро-венгерских и германских военнопленных. Многие из них вступили в местные подпольные революционные организации и сыграли ощутимую роль в разоблачении антинародной политики царизма. В результате агитационной работы большевиков и влияния событий, развернувшихся в центре, объективно сложились предпосылки для победы социалистической революции в данном регионе Российской империи

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия, 160
 Австро-Венгрия, 101, 121, 160
 Азиатская Россия, 123
 Министерство иностранных дел, 47, 136
 Азия, 47, 136
 Акмолинская местная команда, 160
 Акмолинск, город (г.), 45, 62, 72, 97, 158, 171
 Акмолинская область (обл.), 26, 56, 62, 96, 120, 140, 146, 155, 160, 162, 167
 Акмолинский областной губернатор, 159
 Аксу, 39, 42
 Актау, укрепление (укр.), 45
 Ала-Куль, озеро (оз.), 45
 Александровский завод (з.), 68, 68
 Александровское село (с.), 97
 Алкабек, река (р.), 52
 Алкабекский таможенный пост, 48, 51, 172
 Алтай, ист. обл., 10, 12, 18, 68, 73
 Алтайская железная дорога, 127
 Алтайская станица (ст.), 49
 Алтайский край, 7, 55
 Алтыбай-Буранайманская волость, 17,
 Алтышар, ист. обл., 39
 Амурский край, 50
 Англия, 315, 45, 47, 57, 114, 118, 121
 Архангельск, 114
 Атбасар, г., 106
 Атбасарский ок., 56
 Аягуз, г., 7, 8, 67, 78, 82, 130, 172
 Аягуз, р., 45
 Аягузский ок. 26
 Багаз, р., 45
 Багоджал, 45
 Баймурынская волость, 39
 Баку, р., 136
 Балхаш, оз., 45, 59
 Барнаул, г., 104, 150, 160
 Батпакты, поселок, 71
 Бахты, с., 48, 51, 54, 172
 Бахтинская таможня, 48, 52, 53, 54

Баянаульская, ст., 65, 144
 Баянаульский ок., 25, 56
 Березовское, с, 97
 Бийск, г., 45, 49, 50, 51
 Боргумский пункт русско-китайской торговли, 118
 Ботовская (Куяндинская) ярмарка (ярм.), 60, 61, 63, 64, 65, 106, 107, 108, 110
 Бухара, г., 27, 45
 Бухарские купцы (куп.), 20, 28, 69
 Бухтармин. поселок, 56, 80, 86, 97, 106, 132, 172
 Бухтарминская крепость (кр.), 7, 8, 12, 17, 18, 19, 26, 23, 37
 Бухтарминская таможня, 18, 19, 27, 28, 29, 31, 45, 58
 Бухтарминский тракт, 49
 Варшава, 136
 Великобритания, 101
 Верненский уезд (у.), 63, 128
 Верный, г., 10, 65, 66, 71, 97, 99, 101, 130, 134
 Верхне-Бухтарминская дистанция, 28
 Верхне-Иртышское товарищество пароходства и торговли, 116, 117
 Верхнее Прииртышье, 12, 111
 Владивосток, 121
 Владимирская губерния (губ.), 29
 Воскресенская железнодорожная ветвь, 126
 Воскресенская пристань, 75, 127
 Воскресенские заводы, 128
 Вороньевское, с, 97
 Восточный Казахстан, 3, 4, 7, 8, 9, 13, 15, 21, 22, 24, 27, 30, 33, 34, 36, 39, 41, 42, 45, 47, 49, 52, 58, 60, 61, 70, 71, 73, 74, 78, 79, 83, 89, 93, 96, 97, 100, 102, 106, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 125, 126, 129, 130, 134, 135, 137, 138, 141, 143, 145, 149, 150, 154, 157, 171, 172, 173.
 Восточный Туркестан, ист. обл., 18, 44

Второй Западно-Сибирский съезд рабочих и солдатских депутатов, 150, 157

Галиция, ист. обл., 158
 Гельсингфорс (Хельсинки), г., 154
 Германия, 101, 121, 159
 Города Подмосковья, 10
 Города Сибири, 10
 Государственная дума, 141, 142, 143, 144, 145, 160
 Государственный совет России, 50, 51

Дальний Восток, 133, 169
 Джаркент, г., 51
 Джаркентский почтово-телеграфный пункт, 52
 Джаркентский участок торговли, 52, 53
 Джильтив, пикет, 124
 Джунгария, страна, 7, 10
 Джунгария, ист. обл., 36, 37. 40, 49

Душанбе, г., 10

Евгеньевское, с, 116
 Европа, 59, 125
 Европейская Россия, 6
 Екатеринбург (Свердловск), 108, 112
 Екатерининская ярмарка, 65, 109
 Енисейская губерния, 30, 57
 Ермаковское, с, 97

Железинская крепость, 7, 22, 56, 66, 81

Забайкалье, ист. обл., 50
 Зайсан, г., 7, 8, 41, 44, 46, 49, 51, 52, 67, 73, 88, 97, 99, 101, 102, 104, 108, 123, 125, 126, 130, 134, 143, 145, 150, 158, 172

Зайсанская таможня, 48, 115
 Зайсанское озеро, 45, 116
 Зайсанский округ, 123
 Заисанский пограничный пост, 115

Зайсанский у., 77, 85, 128
 Западная Монголия, 50
 Западная Сибирь, геог. р-н, 8, 9, 10, 11, 19, 26, 33, 39, 45,

57, 59, 60, 67, 68, 73, 74, 80, 82, 83, 104, 124, 127, 130, 140, 151, 156, 158, 162, 169, 171

Западно-Сибирская укрепленная линия, 18, 21

Западно-Сибирское генерал-губернаторство, 49, 57

Западный Казахстан, 127

Западный Китай, 17, 18, 30, 45, 49, 51, 52, 118

Заречная Слабодка, 139, 140, 149

Захарьевское, с, 48

Змеиногорский у. Том. губ., 8

Ижорский завод, 128

Или, р., 45

Индия, 20, 47

Ирбитская ярм., 41, 69

Иргизский у., 162

Иркутск, г., 8, 22

Иркутский военный округ, 159

Иртыш, р., 16, 50, 60, 70, 81, 111, 115, 124, 125, 126, 173, 56, 82

Иртышская линия, 17, 18, 21, 37, 56, 82

Иртышский водный путь, 60, 115, 127

Иртышский речной бассейн, 125

Иссык-кульский участок торговли, 52

Италия, 121

Ишим, р., 10

Каба, р., 119

Кавказ, 6

Кавказский фронт, 158

Казахстан, ист. обл., 27, 34, 45, 48, 55, 56, 57, 68, 70, 75, 85, 88, 90, 95, 105, 107, 113, 114, 118, 127, 128, 129, 132, 133, 136, 137, 140, 141, 142, 145, 147, 157, 158, 161, 162, 163, 164, 167, 168, 171, 173

Калифорния, 15

Карабайское оз., 74

Карабугу, р., 45

Карагандинская обл., 8

Карасукское оз., 74

Каркаралинск, г., 7, 82, 85, 88, 130, 134, 135, 137

Каркаралинский окр., 26, 56

Каркаралинский, 63, 72

Катон Карагай, поселок, 53

Катон-Карагай, таможенный пост, 48, 52, 54, 172
Кашгария, ист. обл., 42, 45
Кашмир, ист. обл., 20, 36, 41
Кенигсберг (Калининград), 114
Киев, г., 10, 69
Киргизия, 27, 30, 31, 32, 33, 38, 39, 42, 45, 57, 95, 172
Киргизское горнопромышленное общество, 128
Китай, 8, 11, 14, 37, 40, 41, 42, 45, 46, 51, 54, 55, 106, 116, 119
Кобдо, г., 50, 51, 118
Козьмо-Демьянская, ярм., 65, 66
Коканд, г., 10, 27, 45
Кокпектинка, р., 45
Кокпектинская ст., 7, 82
Кокпектинский окр., 26, 68, 82
Кокпекты, г., 8, 39, 97, 98, 99, 101, 102, 104, 105, 109, 132, 143, 144, 172
Кокчетав, г., 112
Кокчетавский окр., 26, 56
Комиссия сибирских кооперативов, 114
Коммунистическая партия Казахстана, 134
Колыванское наместничество, 8
Константиновская ярм., 62
Константинополь, г., 20
Капал, г. 34, 58
Капальский, у., 28
Коряковская, кр., 82
Коряковская, ст., 25, 27
Коряковская таможенная застава, 31, 32
Котлас, г., 114
Кош-Агач, пограничное селение, 30, 31, 32
Кош-Агашское, урочище, 51, 52, Кош-Агашский таможенный пункт, 52
Кульджа, г. 37, 38, 39, 40, 41, *44, 45, 47, 52
Кульджинский договор, 42
Кум-Гульские каменноугольные копи, 164
Курган, г., 104
Кустанай, г., 97, 158
Кустанайский у., 162
Кушмурынский окр., 26
Кяхта, г., 49
Кяхтинская таможня, 36
Лепсинск, г., 72
Литва, 169.
Лондон, г., 114
Маканчи, ст., 48
Макарьевская, ярм., 65
Министерство торг. и пром., 121, 165
Минусинск, г., 50
Монголия, 8, 10, 48, 115, 172
Москва, г., 10, 33, 41, 70, 97, 139
Нарын, р., 45
Нарынская дистанция, 28, 29, 51
Нарынский участок таможни, 52
Нижне-Кальджирликский поселок, 116
Нижний Новгород, 65
Николаевская таможенная застава, 32
Николаевский рудник Усть-Камен. у., 148
Никольская, ярм., 109
Новгород, г., 10
Ново-Николаевск (Новосибирск), г., 44, 114, 168
Новосибирская обл., 68
Нью-Йорк, г., 121, 122
Область сибирских казахов, 25, 33, 56, 82, 171
Общество буксирного пароходства, 125
Обь, р., 154
Омск, г., 8, 14, 25, 27, 30, 49, 58, 63, 66, 67, 75, 111, 124, 133
Омская кр., 22
Омская обл., 8, 27, 68
Омская социал-демократическая организация, 132
Омская таможня, 31, 32
Омский военный округ, 126, 154, 159, 160, 161, 163, 166, 168
Омский лагерь военнопленных, 163
Омский отдел Московского сельскохозяйственного общества, 152
Омское жандармское управление, 134, 147

Оренбург, г., 18, 51, 162
Оренбургская губ., 90
Оренбургская обл., 37
Оренбургская таможня, 17
Оренбургский край, 58
Павлодар, г., 7, 58, 61, 66, 72, 80, 84, 97, 101, 111, 113, 115, 117, 122, 124, 128, 129, 130, 134, 135, 137, 138, 146, 147, 150, 158, 171
Павлодарская городская управа, 130
Павлодарская таможенная застава, 27
Павлодарский у., 63, 65, 77
Павлодарское уездное казначейство, 113
Пекин, 44
Пермская губерния, 30
Персия, 20
Петербург, 17, 33, 37, 68
Петербургский договор, 46, 49, 51
Петроград, 152, 155, 156
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, 155, 156
Петропавловск, г., 10, 27, 33, 58, 60, 63, 124, 130, 144
Петропавловская автон. группа РСДРП, 137
Петропавловская кр., 21
Петропавловская таможня, 18, 31, 32
Петропавловский у., 62
Подстепной редут Иртышской линии, 30
Покровская ярм., 65, 109
Польское королевство, 169
Прага, г., 25
Пресногорьковская застава, 27, 32
Прииртышье, 13, 14
Прииртышский край, 130, 140
Пригтяньшанье, геог. р-н, 51
Рахмановские ключи, 125
Риддерский (Ленногорский) рудник, 164, 168
Рождественская ярм. Павлодарского у., 109
Российская империя, 16, 14, 70, 78, 84, 95, 97, 99, 102, 103, 174
Россия, 4, 6, 7, 11, 12, 13, 14,

16, 21, 22, 34, 35, 36, 38, 40, 42, 44, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 59, 61, 65, 67, 70, 75, 77, 81, 86, 89, 113, 116, 120, 121, 122, 123, 126, 130, 132, 134, 135, 137, 139, 144, 159, 164, 165, 168, 171, 172
Русский город, 10
Русский отдел при национальной ассоциации промышленников в Нью-Йорке, 121
Русско-китайское акционерное общество пароходства и торговли, 117, 118, 126
Русско-японская война, 135
Самарканд, г., 10
Сарысу, р., 145
Северная Америка, 121, 122
Северный Казахстан, 72
Северо-Восточный Казахстан, 8, 9, 11, 14, 58, 64, 105, 125, 127,
Семипалатинская кр. 8, 10, 18, 20, 22, 75
Семипалатинская обл., 8, 26, 32, 56, 86, 94, 95, 96, 120, 142, 146, 155, 160, 162
Семипалатинская таможня, 18, 24, 31, 32, 33, 41
Семипалатинск, г., 7, 8, 10, 11, 17, 33, 34, 39, 45, 49, 51, 60, 70, 84, 86, 87, 93, 97, 98, 101, 102, 111, 113, 114, 115, 117, 122, 124, 125, 128, 129, 130, 134, 135, 136, 138, 141, 144, 145, 149, 150, 152, 160, 171, 172.
Семипалатинский клуб солдат, 170
Семипалатинский телеграф, 120, 121
Семипалатинский у., 59, 128
Семиреченская обл., 8, 26, 47, 51, 56, 63, 71, 72, 90, 101, 102
Семи-Ярская ст., 50, 59, 65
Семи-Ярский форпост, 30
Сергиопольская почтовая контора, 91, 150
Сергиопольская ст., 54, 59, 66, 69, 71, 80, 100, 104, 151, 172
Сергиопольский у., 47, 63, 72, 91
Сибирь, геогр. р-н, 7, 9, 10, П. 12, 14, 25, 61, 87, 97, 112, 124,

125, 132, 133, 136, 144, 165, 168, 169, 170
Сибирская пограничная линия, 17, 18, 19, 20, 23, 56, 71
Сибирские губернии, 8
Сибирский округ, 132
Сибирский социал-демократический союз, 133, 136
Сибирский таможенный округ, 27, 28, 29, 33
Сибирский телеграф, 150
Сибирский торговый банк, 113
Синьцзян, 1, 14, 36, 37, 39, 40, 41, 44, 45, 47, 48, 51, 52, 55, 172
Союз республиканских офицеров, 154
Союз русского народа, 141
Спиридоновская ярм., 109
Среднеазиатские владения, 27, 38, 44, 45
Среднеазиатские народы, 17
Среднеазиатские ханства, 23, 31, 35, 57
Средний Восток, 31
Средний жуз, 16, 25, 30, 34, 36, 39, 50, 56, 80, 171
Средняя Азия, 6, 7, 8, 11, 44, 57, 58, 129, 134, 159, 168, 172
Средняя Орда, 17
Старший жуз, 25, 34, 39, 80, 83,

Степной край, 114, 115, 120, 121, 122, 141, 143, 146, 150, 158, 162, 159, 169
Степной Южный горный округ, 128
Стокгольм, г., 114
Соединенные Штаты Америки, 120, 121, 159
Суек, пограничный перевал, 51
Сырдарьинская обл., 166, 167

Таджикистан, 10
Тайнчикульская ярм., 62, 106
Талды-Курганская обл., 8
Тарбагатайские горы, 73
Ташкентцы, 26, 27, 38, 45, 58, 63, 82
Ташкентский лагерь военнопленных, 163
Тибет, ист. край, 36, 39, 41, 42
Тобольск, г., 8, 25, 26, 104
Тобольская губерния, 8, 30, 52, 57

Томская губерния, 17, 18, 52, 57, 63, 64, 68
Томская область, 22
Томск, г., 48, 61, 66, 104, 123, 133, 134, 157, 169
Томское горное управление, 74, 75, 128
Тополев мыс, Усть-Камен., г., 115, 116
Троицкий лагерь военнопленных, 159
Трухмения (Туркмения), 20
Тургайская обл., 92, 162, 163
Тургайский у., 162
Туркестан, ист. обл., 51, 165, 168
Туркестанский военный округ, 158
Туркестанский край, 17, 47, 71, 72
Туркестанский почтово-телеграфный округ, 51
Тюмень, г., 41, 50, 67, 70, 104, 111, 114, 117, 124, 126
Тюскесу, 45
Украинская ССР, 10
Ульба, р., 173
Ульбинская ст., 49
Улясутай, г., 50
Урал, геогр. р-н, 162, 168
Уральск, г., 10
Уральская обл., 127
Уральский промышленный р-н, 111
Урга, г., 49
Ургинское консульство, 49
Урджар, р., 45, 99
Урджарская ст., 48, 72, 100
Урлютюкско-Сергиевская ярм., 66
Урумчи, г., 52
Урянхайский край, 50
Усть-Каменогорская кр., 8, 17, 18, 21, 22, 56, 81
Усть-Каменогорская таможенная застава, 27, 30, 31, 32
Усть-Каменогорск, г., 7, 8, И, 12, 25, 27, 33, 34, 35, 36, 39, 41, 42, 46, 49, 50, 65, 67, 68, 70, 72, 73, 80, 82, 84, 96, 97, 100, 105, 113, 115, 116, 117, 122, 125, 128, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 141, 142, 143, 145, 149, 154, 155, 160, 171, 172

Усть-Каменогорский у., 77, 85, 28, 148
Усть-Нарымская пристань, 61
Уфа, г., 14

Феклистовское, с, 97
Франция, 91, 121

Хандагар, ист. край, 20
Хоргос, таможенный пункт, 52

Целиноград, г., 10
Центральная Азия, 10, 35, 44, 58
Центральный Казахстан, 7
Цинская империя, 10, 36, 40, 47, 48, 50, 116, 119, 172
Цинский Китай, 14, 36, 40, 42, 45, 47, 55

Чарская ярм., 65, 106
Челябинск, г., 159
Черемуховский редут, 68
Черемшанский пос., 97

Черный Иртыш р., 115, 116, 117, 118, 119

Чугучак, г., 36, 37, 38, 39, 40, 41, 47, 51, 52, 54
Чу, р., 45, 56

Шара-Сумбе, пункт русско-китайской торговли, 118, 119
Шихо, г., 53
Шуя, г., 28

Экибастузские каменноугольные копи, 127, 128, 164

Юго-Западная Сибирь, 7, 8, 9, 12, 33, 104, 106, 122
Юго-Восточный Казахстан, 34
Южный Казахстан, 7, 66, 71, 101, 105, 172

Ямышевская кр., 7, 8, 11, 16, 17, 19, 81, 82
Ямышевская таможня, 18
Яркент, г., 39, 42
Япония, 135

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аблай, хан Сред. жуза, 16
 Абрамов Н., священник, 9
 Алдабекова Н. А., 137
 Алексеенко Н. В., 11
АЛИМОВ Нуралы, султан Сред. жуза, 28
 Алисов Г., 138
 Антонов Н. Я., политич. ссыльный, 132, 137
 Аргынбаев Х. А., 13, 98
 Артамонов М., купец, 124
 Асылбеков М. Х., 11, 127
 Аткинсон Т., путешественник (пут.), 58, 59
 Аширов Ахмедин, куп., 38
 Бабаджанян, куп., 20
 Бабков И., полковник, 56
 Багданян, куп., 20
 Батеньков Г. С., декабрист, 25
 Бахрушин С. В., 68
 Баязитов Назар, куп., 59
«Бегентаев и Абыханов» — торговый дом., 108
 Бебель А., 147
 Бекмаханов Е. Б., 10, 11, 84
 Бейли Ф., 168
 Белл Марк Север, 47
 Беляев А. А., ссыльный революционер, 133, 146
 Березницкий П., куп., 116
 Блинов П. В., 133
 Богданов А., 6
 Боголепова М. И., 9, 112
 Борзунов В. Ф., 133
 Ботов, куп., 64
 Бочанова Г. А., 124, 125
«Братья Вахтер и К^{оо}», 124
 Брем О., пут., 78
 Брещинский М. А., 60
Брудневский В., революционер,
 Брун А., 11, 68
 Бопа, султ. Сред. ж., 38
 Вагнер Г., пут., 59
 Валиханов Ч. Ч., 12

Вардропер, 140
 Вейдемейер И. А., тайн. сов., 19
 Венюков И. И., 83
 Верещагин П. Л., уч. гимназ., 147
 Веселовский Н., 41
 Витте С. Ю., граф, пред. Совмина России, 141
 Воблый В. К., 90
 Габдулла, султ., 17
 Гаге И., пут., 59
 Галкин, губернатор Семипал. обл., 139, 146
 Герасимова Э. И., 10
 Герасимов Б., священ. иссл., 125
 Глазенап Г. И., ген.-лейт., 24, 37, 38, 41, 42, 75
 Голубев, 153
 Горбунов, 153
 Горемыкин, 90
 Горшков, 36
 Гриневский, полковник, 75
 Гуревич Б. П., 10, 35
 Давыдов И., секунд-майор, 23
 Демко Г., 145, 160
 Джусупбеков С. О., 10
 Дильмухамедов Е., 68
 Добролюбов Н. А., 6
 Досанов Б., 10
 Дубицкий А. Ф., 10
 Евдокимов Т., подпольщик, 146
 Елагин А. П., 10
«Ерзин и К», торг. сообщ., 115
 Ерофеева И. В., 11
 Есмагамбетов К. Т., 157
Жангожа, султ., 44
Жиряков, куп., 64
 Зава лишин Д., 9, 82, 86
 Земляничья И., 17
 Зенков П. Л., 71
 Зиновьев А., полиц., 94, 95
 Зияев Х. З., 11
 Зобнин В., куп., 28

Иньков, ссыльный, 133
 Идаров С. И., 32
 Кабо Р., 46
 Казаков А. Т., 96
Кайгородцев И. Ф., подпольщик,
Канкрим Е. Ф., мин. фин. России, 26
 Капцевич П. И., ген-губ. Зап. Сибири, 39
 Касымбаев Ж. К., и, 13, 36, 85, 118
 Каутский К., 147
 Керенский А. Ф., 155
 Китанина Т. М., 162, 163, 167
 Кияница А., 128
 Кожевников И. Н., член соц.-дем. кружка У.-Камен., 137
 Колмогоров Н., 33, 166, 167, 170
 Колосов, куп., 64
 Коншин Н. Я., 144
 Кораблев, 153
 Корсаков, 139, 140
Костюрин О., полит. ссыльн., 132, 139
Красильников М. М., куп., 118, 124
 Красовский М., 83
 Крафт И. И., 18, 51
 Кузнецов В. С., 11, 44
 Лавров И. И., ген.-майор, инспектор Сиб. линий, 19
Лассаль Ф., 148
 Ленин В. И., 4, 6, 7, 14, 55, 61, 63, 67, 78, 79, 83, 85, 89, 100, 111, 133, 136, 137, 142, 147, 148, 150, 151, 152, 155, 156, 167, 169
Либкнехт К., 47
Лигети Карай, 169, 170
Лисецкий Л. О., 161, 155
 Львов Г. Я., 155
 Любимов Н. И., 41
 Ляпунова Н. Н., 12
Мадатов Семен, куп., 41
 Макаревич В. И., 127
 Маликов Ф. М., 11
Мамырбай, старшина, 38
Манусевич А. Я., 169
Маркс К., 5, 147
Масленников, досмотрщик Бухтар. тамож., 20

Матвеев А., 158, 168, 169
 Матвеев И., 170
 Матусовский, подпоручик, 45
 Медель, барон, 148
 Мелихов А., агитатор, 146, 147
 Мелких А. М., 9
 Меллер-Закомельский В. В., барон, промышленник, 127
 Миддендорф Фон, пут., 59
Миллюкд Барат, бухарский купец, 38
 Морозов Савва, куп., 49
 Муминов, ташкентский куп., 39
 Мусин Л., куп., 124
 Мюнних Ференц, 169
 Накупов К. О., 55
 Никитин В. П., 94
 Николай I, царь, 30
 Ниязов Миркурбан, купец, 38
 Нобель Эдмунд, 120
 Новгородские посадники, 10
 Нурпеисов К. Н., 11
 Нусупбеков А. Н., 129
 Оланьон К. О., 126
 Оранович, 153
 Орлянский И. П., 12
 Павел I, император, 16
 Пайпс Р., 105
 Паллачек Иштван, 170
 Палта, торгоутский князь, 116
«Пароходство Разумского», 126
Пахмурный П. М., 11, 137, 143
 Певцова М., 49
 Петрова А. И., 11
 Пиленко, куп., 59
Плавский, ген.-майор, 163
 Плещеев, куп., 116
«Плещеев П. и К.», торг. дом, 124
 Полтарацкий В., 49
 Поповы Андрей, **Христофор**, куп., 29
 Попов Степан, куп., 39, 68
 Пароходство А. Русанова и З. Путиной, 126
 Потанин Г. Н., 9
 Пустоход П. И., 90
Путинцев, переводчик, 37
Рабинович Г. Х., 61, 124
 Радже Г., путеш., 59
Размазов А., 144
Рафаилов Мехтя, куп., 42

Рахметов С., 98
 Рейзнер А. И., 144
 Радюков А. Д., томский куп., 61
 Рожкова М. К., 31
 Романов В. В., предприниматель, 127
 Русанович, комендант Семипалат. крепости., 38
 Рындзюнский П. Г., 10, 11

Савари А. М., 109
 Сабырханов А., 11
 «Савва Морозов и его сыновья», московская фирма, 49
 Самсонов, купец, 24
 Сатыбекова Г. Х., 101
 Селифонтов И., иркутский генерал-губернатор, 22
 Сильвинский, чиновник особых поручений, 59
 Сиргебаев Б., 163, 164, 160, 167, 168
 Сиротин, 153
 Ситон-Уотсон Х., 15, 105
 Скажутин, куп., 64
 Смольников, 154
 Сладковский М. И., 10
 Словоцков П. Л., 9
 Собачкин К. Н., мещанин, 75
 Солодовников В. О., 137
 Сосновский Ю. А., поручик, 49
 Сперанский М. М., ген-губ. Зап. Сибири., 25
 Старков Г., 27
 Степанов, 136
 Стенли Томас Ф., 14, 83, 84, 105
 Страхов, полковник Бухт. таможен., 20
 Сулейменов Б. С., 11, 132, 133, 140
 Сухомлинов К. А., 159
 Сухотин Н. Н., ген-губернатор Степного края., 137, 141, 142, 148

Такенов А. С., 62, 167, 168
 Тебенев И., мещанин, 24
 Тегнер Г., пут., 59
 Терентьев П., 147
 Теленгутов К., 144
 «Товарищество Коншин и Двинаренко», 126
 Токарев Н. П., курганский купец, 68

Томан Карл, 169
 Корнилова И. Н., торговый дом, 118
 Торговый дом купцов Плотниковых, 126
 Тройницкий А., губернатор, 146, 148
 Трофимов, чиновник особых поручений, 81
 Трусов С., куп., 28
 Турчанинов Н. В., 105, 123
 Урланис Б. Ц., 96

Фатеев А. М., 25
 Федоров А. Н., полит. ссыльн., 132
 Феттер, 169
 Финш О., пут., 78
 Фридман Ц. Л., 11, 61, 108, 114, 115

Ханхожин Сиванкул, султан, 39
 Хафизова К. М., 44
 Хохлов А. Н., 11, 37, 41

Чуланов Г., 125

Шабалин В., 144
 Шамоди Йожеф, 170
 Шевнин, подполковник, управляющий Бухтарминской таможней, 29
 Шелехов, досмотрщик Бухтарминской таможни, 29
 Шихмуратов, оренбургский купец, 39
 Шмидт Е. О., ген-губ. Степного края, 118
 Шнейдер К., 159, 165, 168
 Шоинбаев Т. Ж., 11

Энгельс Ф., 5
 Этцель А., 59

Юсупов А., куп., 72

Ядринцев И., 87
 Ядрышников В., куп., 124
 Яковлев, большевик, 156
 Янин В. Л., 10
 Янушкевич А., польский ссыльный, 42, 45, 68, 82
 Ян Тинь-Сяо, куп., 54

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ГОРОДА С КОЧЕВЫМ АУЛОМ, РУССКИМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ В XIX в.	16
Города Восточного Казахстана — центры русско-казахской торговли в первой половине XIX в.	—
Города в системе торговли России с Цинским Китаем	36
Влияние торговли на взаимосвязь города и казахского аула в пореформенный период	55
Зарождение и развитие промышленности в городах Восточного Казахстана в XIX в.	68
Глава II. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ	80
Городское население в пореформенный период	—
Городское население по данным переписи 1897 г.	89
Глава III. ГОРОДА В НАЧАЛЕ XX в.	104
Городское население и торговля	—
Города в системе торговли России с зарубежными странами	113
Развитие обрабатывающей промышленности и транспорта	122
Классовая борьба в городах в 1905—1907 гг.	132
Рост активности масс в городах в канун Великого Октября	145
Австро-венгерские и германские военнопленные в городах (1914—1917 гг.)	157
Заключение	171
Указатель географических названий	174
Указатель имен	180

Научное издание

Касымбаев Жанузак Касымбаевич

ГОРОДА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В 1861—1917 гг.
(социально-экономический аспект)

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: член-корр. АН КазССР *Д. К. Кшибеков*, доктор
исторических наук *К. М. Байпаков*, канд. ист. наук *В. А. Моисеев*

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева*
Редактор *Т. В. Иванова*
Художественный редактор *В. А. Ващенко*
Оформление художника *В. Н. Афуксениди*
Технический редактор *Л. Ю. Уляницкая*
Корректор *З. А. Кинасова*

ИБ № 3319

Сдано в набор 15.01.90. Подписано в печать 20.06.90. УГ10098.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,82. Уч.-изд. л. 11,22.
Тираж 1500. Заказ **31**. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Гылым»
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алма-Ата, у л. Шевченко, 28